

Ruthenica. Supplementum 2

Алексей Толочко

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ *ПРАВДЫ РУСКОЙ:* ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕКСТА

КИЇВ
2009

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ЦЕНТР ДОСЛІДЖЕНЬ З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Рекомендовано до друку вченою радою Інституту історії України
НАН України

Адреса редакції: 01001, м. Київ, вул. Грушевського, 4
E-mail: tolochko@hotmail.com;
Факс: (38044) 229-63-62

Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія КВ №6937 від 04.02.2003 р.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Как рассказать <i>Правду</i> ?	8
Как читать <i>Правду</i> ?	13
Трудности перевода	15
Денежная система <i>Краткой Правды</i>	26
Возвращаясь к исходным фактам	36
<i>Краткая правда</i> и <i>Пространная правда</i>	40
<i>Краткая правда</i> и новгородское летописание	46
«По сей грамоте ходите»	54
«Исторические» статьи.....	57
«Зри!»	66
<i>Краткая правда</i> и <i>Закон судный людем</i>	72
Разгадывая головоломку: <i>Краткая правда</i> и Синодальный список <i>Пространной правды</i>	77
Разгадывая головоломку: <i>Краткая правда</i> и <i>Пространная правда</i> II	88
Разгадывая головоломку: денежная система <i>Краткой правды</i> II.....	92
Разгадывая головоломку: <i>Краткая правда</i> и новгородское летописание II	104
«И вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь».....	111
«По сей грамоте не ходите»	113
Приложения:	
Текст <i>Краткой правды</i> по Академическому списку	114
Тест <i>Пространной правды</i> по Синодальному списку.....	118
Сокращения	129
Указатель.....	130

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни одно исследование невозможно без содействия институций и доброжелательной помощи, которую предоставляют коллеги, хотя бы они того или нет.

Первоначальный вариант этой работы был написан в 2006 г. во время моего пребывания в Гарвардском университете, ставшего возможным благодаря поддержке *Eugene and Daymel Shklar Fellowship in Ukrainian Studies*. В мои планы не входило заниматься *Правдой русской*, но, видимо, воздух Гарварда слишком насыщен скептическим вирусом. Когда после месяца интенсивных занятий у меня на руках оказалась довольно объёмистая рукопись, выяснилось, что едва ли какой журнал согласится принять к печати столь длинную статью. Поэтому я благодарен Александру Б. Страхову, отважившемуся предоставить мне место на страницах редактируемого им журнала *Paleoslavica*, где и был опубликован первый, англоязычный, вариант работы. Сравнительно с тем первым опытом, мне удалось устранить некоторые неточности, развить и уточнить аргументацию, чем объясняется и возросший объём.

Несколько коллег способствовали мне во время работы: Игорь Шевченко, Татьяна Вилкул, Алексей Гиппиус, Ольга Страхова, Наталья Пак, Анджей Поппэ, Екатерина Кириченко. Не обязательно разделяя идеи этой книги, они делились советами, а их доброжелательная критика уберегла меня от многих досадных оплошностей. Они не ответственны за те, которые всё же остались в тексте, это мой собственный вклад. Как всегда, самым внимательным и наиболее критичным читателем рукописи оказался мой отец, П.П. Толочко.

Над окончательным вариантом книги я трудился во время краткого пребывания в Центре средневековых исследований Бергенского университета в мае 2009 года. Я благодарен гостеприимству его сотрудников, и в особенности Ильдару Гарипзанову, а также пресловутой бергенской дождливой погоде, не позволявшей отвлекаться на посторонние занятия.

Когда я работал над тем, что позднее вылилось в настоящую книгу, мои сыновья, тогда ещё в более нежном возрасте, поинтересовались: какое научное открытие может так долго удерживать человека за письменным столом и среди книг? Я попытался насколько мог честно объяснить, в чём суть моей идеи.

«Какое же это открытие?» – сказали дети. «Это – закрытие».

Этим двум скептикам я и посвящаю книгу. Чем бы она ни оказалась.

Как рассказать *Правду*?

В 1738 г., читая одну из летописных рукописей (как выяснилось позднее, *Академический* список *Новгородской первой летописи младшего извода*), В.Н. Татищев натолкнулся в ней на фрагмент, в котором опознал древнейший законодательный памятник Руси. «Памятник» читался в статье 1016 г. и имел заголовок «Правда руская». Татищев изъясил фрагмент из летописи и подготовил его к публикации в виде самостоятельного юридического источника.¹ То был текст, позднее идентифицированный как *Краткая редакция Правды русской*. Ни одно из задуманных Татищевым изданий так и не увидело свет. Но позднее *Краткая редакция* по его материалам была издана, став, таким образом, первым (и на долгое время единственным) средневековым юридическим документом, введённым в учёную традицию. Позднее, ближе к концу XVIII в., исследователи стали регистрировать и иные версии *Правды русской*. Они оказались гораздо более многочисленными, находились в составе различных сборников юридического содержания и представляли собой намного более обширный текст. Эти варианты получили совокупное название *Пространной редакции*, в которой опознали расширенную и позднюю версию *Краткой правды*. Впоследствии списки ещё одного вида были определены как *Сокращённая правда* (далее – СкП) для указания на их наиболее позднее происхождение и зависимость от *Пространной правды* (далее – ПрП).

Впрочем, вполне научного издания текстов *Правды* пришлось ждать более столетия. Несмотря на исследование Н.В. Калачёва 1846 г., только частично придерживавшегося подобной классификации,² разделение *Правды* на три редакции стало каноническим, окончательно окаменев к концу XIX в. благодаря влиятельным трудам В.И. Сергеевича, а также его публикации текста. Хотя в XX в. были предложены гораздо более изощрённые классификации списков (С.В. Юшковым, М.Н. Тихомировым и сотрудниками Б.Д. Грекова), учитывающие реальную передачу текста, разделение всех списков *Правды* на три группы

-
- 1 О татищевских списках *Правды* и о работе Татищева над памятником см.: Гейерманс Г.Л. Татищевские списки Русской правды. *Проблемы источниковедения*. Вып. 3. М., Л., 1940, 164–165; Любимов В.П. Списки Правды Русской. *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 31–32; Татищевские списки Правды. *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947, 821–822; Андреев А.И. Примечания В.Н. Татищева к «Древним русским законам». *Исторические записки*. Т. 36. 1951, 252–262; Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева. Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 7. *История Российская. Окончание*. М., 1996, 38–45.
 - 2 См.: Калачёв Н.В. *Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды*. СПб., 1846. И в более позднем издании текстов *Правды* Н. Калачёв избегал подобной терминологии, предпочитая говорить о списках и фамилиях, а не редакциях, но фактически издавал текст *Краткой*, два текста *Пространной* и *Сокращённую* редакции, что можно было принять за хронологическую последовательность возникновения текстов (см.: Калачёв Н. *Текст Русской правды на основании четырёх списков разных редакций*. Изд. 4-е. СПб., 1889).

осталось фундаментальным способом различения её текста, что и отражено в большинстве опытов издания памятника.³ При том, что в трёхтомном академическом издании *Правды русской* (1940–1963 гг.) под редакцией Б.Д. Грекова, наиболее исчерпывающе отражавшем рукописный материал, был принят иной подход (при котором *Сокращённая правда* рассматривалась только как довольно поздний и производный вариант одного из видов *Пространной* версии), практически все публикации текста, включая наиболее употребимые – М.Н. Тихомирова и А.А. Зимины – придерживались устоявшейся схемы.

Эта классификация, таким образом, историческая, не текстуальная. «Редакции» были выделены не исходя из присущих текстам черт или особенностей передачи, но руководствуясь общими представлениями о том, как текст *Правды* должен был развиваться исторически – три редакции представляют собой три последовательные стадии древнего законодательства. То, что полагали достоинством такой классификации, на самом деле является её главным недостатком. Прежде всего потому, что «последовательные стадии древнего законодательства» оказываются лишь последовательностью, в которой тексты представляли на суд учёной публики и закреплялись в традиции. Если представить на минуту, что Татищев интересовался не летописями, но, скажем, Кормчими книгами, и открыл не *Краткую правду*, но *Пространную*, вся картина сегодня выглядела бы совершенно иным образом.

Устойчивый успех среди исследователей «трёхчастной» классификации обеспечило, вероятно, её соответствие ожидаемому порядку вещей в мире. Полагают (справедливо), что все общественные феномены развиваются от простого к более сложному и полагают же (ошибочно), что сохранившиеся тексты, документирующие эту эволюцию, непременно склонны развиваться от кратких к более пространным. Поскольку Русь двигалась от меньшего объёма права к большему объёму, существующие списки *Правды* должны отражать эту эволюцию. Чтобы создать впечатление ещё более плавного, но постоянного движения, *Краткую правду* (далее – КрП) разделили на *Древнейшую правду* (изданную Ярославом в 1016 г., первые восемнадцать статей) и *Правду Ярославичей*, изданную совместно Изяславом, Святославом и Всеволодом после смерти отца в 1054 г. Полагают, что после 1113 г. внук Ярослава – Владимир Мономах расширил КрП и дополнил её (уже от своего имени) рядом новых статей. Таким образом, возникло ядро ПрП. Ещё позже (в 1140-х и 1170-х гг.) ПрП была расширена.⁴ Таким образом, с социологической точки зрения текст *Правды* подчиняется интуитивно ожидаемой закономерности – он «нарастает» от более кратких к более пространным версиям.

Весьма удачно это убеждение сформулировал Саймон Франклин:

3 Историю ранних опытов изучения *Правды* см.: Daniel H. Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* (Princeton, 1980), 29–33.

4 См., например: Richard Hellie, “Foreword: Russian Law from Oleg to Peter the Great,” *The Laws of Rus’ – Tenth to Fifteenth Centuries*, trans. and ed. by Daniel H. Kaiser (Salt Lake City, 1992), XVI–XVIII.

Последовательные редакции Руской правды демонстрируют расширение в течение XI и XII вв. сферы общественных деяний, ассоциируемых с княжеским письменным законодательством. КрП, начиная с общих положений уголовных преступлений, личного оскорбления и кражи, переходит к более конкретным расценкам штрафов в индивидуальных случаях: штрафов за убийство княжеского конюха, тиуна, смерда или холопа; штрафов за кражу лады, голубя, пса, козы, сена. [...] ПрП частично уточняет наказания за аналогичные проступки (подразделяя, например, различные виды увечий, полученных в драке), но также вводит дополнительные наказания за имущественные и общественные проступки. [...] Таким образом, разрастаясь, постановления также расширяют социальную и экономическую сферу своего применения.⁵

Как древнейший памятник восточнославянского законодательства, КрП черпает дополнительное обоснование в том, как её история нарративизируется в научных трудах при помощи соединения в единый непрерывный рассказ фрагментов различных летописных версий княжеского законодательства (чаще всего, *Новгородской первой* и *Софийской первой* летописей). Можно прочесть, например, что первую законодательную грамоту Ярослав издал для новгородцев в 1015/1016 гг. после известного мятежа в городе; затем, в 1019 г., по окончании гражданской войны, он преобразовал свою *Правду* в «основу письменного права для Киевского государства». В 1036 г. (став единоличным правителем) Ярослав издаёт дополнительные законы, вероятно, имитируя византийский образец императора-законодателя. Остаток КрП был издан в 1068/1072 гг. сыновьями Ярослава после знаменитого восстания в Киеве и борьбы за отцовское наследство. Под влиянием киевского восстания 1113 г. Владимир Мономах последовал традиции, уточнив, переработав и дополнив текст *Правды*.⁶ Отождествляя фрагменты КрП с известными из летописей случаями «издания» законов и также – с крупнейшими социальными конфликтами эпохи, исследователи снабжают КрП своего рода биографией, которая уже и сама по себе свидетельствует в пользу реального существования памятника.

Известно, что нарратив обладает объяснительными свойствами. Рассказанная история убедительна не потому, что хорошо рассказана, а потому, что таково свойство нарратива. Рассказ сообщает смысл происшедшему своей целостностью и единством. Составить разрозненные события в связный рассказ с

5 Simon Franklin, *Writing, Society and Culture in Early Rus, ca. 950–1300* (Cambridge, 2002), 156–157.

6 Предыдущее – краткое изложение истории *Правды*, представленное Ричардом Хелли (Richard Hellie, “Foreword: Russian Law from Oleg to Peter the Great,” xvii). Важно отметить, что исследователь сплетает в единый рассказ две различные версии, происходящие из летописей XV в.: *Новгородской первой* летописи младшего извода и *Софийской первой* летописи. Разумеется, в летописных упоминаниях случаев княжеского законодательства нет откровенной привязки их к социальной истории. Этот сюжет автор почерпнул из литературы советского периода, где любые законодательные инициативы власти рассматривались как вынужденная реакция на классовую борьбу и социальные взрывы. Наилучшее изложение подобных взглядов представляет собой глава Л.В. Черепнина о *Правде* в коллективной книге: *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965, где каждое новое издание *Правды* рассматривается как прямой ответ на народные восстания.

началом, кульминацией и завершением, вероятно, есть фундаментальная черта восприятия истории. Мыслить о прошлом в виде историй естественно для человека. Но прошлое само по себе не содержит историй, как не происходит в виде историй настоящее. Истории поэтому привносятся в прошлое исследователем, по своему усмотрению идентифицирующим начала, окончания и сюжеты рассказов.⁷

Легко продемонстрировать, что «биография» КрП – из этого разряда и, по существу, фиктивна. Дело не только в том, что она основывается исключительно на показаниях поздних летописей XV в., что само по себе нехорошо, но допускается не слишком строгими правилами дисциплины. (Хотя полная невозможность написать такую «биографию», основываясь на древнейших летописях, довольно красноречива). Дело в том, что эта «биография» уязвима в главных своих элементах даже для традиционной исторической критики.

Основная задача «истории» *Правды русской* – объяснить, как непритязательная грамота, предположительно выданная новгородским воинам в награду за верную службу, превратилась в общегосударственное законодательство киевских князей. Этой задачи рассказ достигает, но «негодными средствами». Присмотримся только к одному аспекту: как биография памятника «документируется» точными датами. Связь законодательства Мономаха с киевским восстанием 1113 г. (довольно правдоподобная⁸) зиждется исключительно на хронологическом указании ПрП: «по Святополце». Это, разумеется, означает «после 1113 г.», но, строго говоря, в любой момент до 1115 г. (смерти Олега Святославича, чей муж Иванко Чюдинович упомянут среди собравшихся в Берестовом). Ещё менее очевидна связь с восстанием 1068 г. Эту дату также извлекают из указания ПрП: «по Ярославе же паку», или КрП: «егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав...». Разумеется, съезды князей происходили в каком-то определённом году (и почему бы не 1069?). Но дело в том, что указания *Правды* – не хронологические. Их задача – не обозначить время поправок к основному закону, но отметить новый источник права (нового князя, издающего закон).

Остальные даты в «биографии» – летописного происхождения. Здесь тоже не все благополучно. Если дата 1036 г. действительно содержится в *Софийской первой летописи*,⁹ то две наиболее важные даты – 1016 и 1019 гг. – представляют

7 В этих утверждениях, разумеется, легко угадывается влияние Хейдена Уайта, различавшего три плана: хаотическое «прошлое», хронологически упорядоченные свидетельства о прошлом («хроника») и нарратив, объединяющий свидетельства в осмысленную целостность, не обязательно тождественную прошлой реальности (см.: Hayden White, *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe* (Baltimore, 1973), 1–30). Если эти рассуждения кажутся слишком отвлечёнными и лишёнными практического смысла для историка средневековья, см., например: *Writing Medieval History*, ed. Nancy Partner (London; New York, 2005); *Narrative and History in the Early Medieval West [Studies in Early Middle Ages, vol. 16]*, ed. Elisabeth M. Tyler and Ross Balzaretto (Turnhout, 2006); Brian Stock, *Listening for the Past. On the Uses of the Past* (Philadelphia, 1990), авторы которых весьма плодотворно применяют идеи нарративизма.

8 Это предположение (конечно, по идеологическим мотивам) впервые выдвинул М.Н. Покровский. Сама автора впоследствии развенчали, а идея осталась неразвенчанной.

9 Речь там, впрочем, идёт о какой-то грамоте, по которой новгородцы должны были платить дань (надо думать, в пользу Киева): «[Ярослав] рекъ: по сѣи грамотѣ дадите дань» (ПСРЛ 15: 127).

собой, по существу, одну. Их происхождение текстологическое, не историческое: *Новгородская первая летопись младшего извода* (далее – НПЛмл) датирует окончание войны Ярослава со Святополком (и грамоту Ярослава) 1016 г., *Софийская первая летопись* (далее – С1) то же событие датирует 1019 г. Исследователей, кроме того, должно было бы смущать то обстоятельство, что под 1016 г. в НПЛ читается текст КрП, а под 1019 г. в С1 – текст ПрП. Вместе это должно, как кажется, намекать, что существует какая-то связь и дат, и текстов с историей новгородского летописания.

В КрП, разумеется, нет ни слова о порядке выплаты Новгородом дани Киеву и, следовательно, отождествить с приведённым свидетельством какой-либо фрагмент КрП невозможно. Если в сообщении *Софийской первой* летописи и позволительно видеть указание на какую-то реальную грамоту, то, конечно, не КрП. Впрочем, многие исследователи (И.А. Стратонов, С.В. Юшков, А.А. Зимин) полагали, что фрагментом такой грамоты, выданной Ярославом в 1036 г., может быть признана статья КрП-42 (Покон вирный). Исследователи, впрочем, различно толковали, Новгороду или Киеву выдана была такая грамота (обзор мнений см.: Зимин А.А. *Правда Русская* (гл. 4)). Увы, виры – не дань, но судебные штрафы, и, следовательно, «Покон вирный» никак не может быть частью податной грамоты.

Как читать *Правду*?

Современные исследователи не обнаруживают документы в том виде, как они дошли до нас, в их изначальном виде или естественном окружении. Они находят их в современных критических изданиях, и «исследование» часто означает лишь поиски наилучшей доступной публикации текста. В развитой дисциплине редко испытываешь нужду вернуться к рукописи – к услугам историков имеются подготовленные компетентными предшественниками издания, вполне адекватно передающие содержание искомого документа. Чем более развита дисциплина, тем большее количество опубликованных текстов она предоставляет исследователю. Чем более важным представляется текст, тем большее количество изданий он выдерживает. Вместе с огромной пользой и удобством критические издания таят и опасность, представляя текст в уже препарированном научной критикой виде, помещённый в сложнейшую сеть научных комментариев. Чем лучше издание, тем более последовательно оно отражает объём всего предшествующего исследования памятника.¹⁰ Словом, исследователь, впервые обращающийся к памятнику, получает не просто его текст – но преимущественно традицию толкования текста, которую часто (как и положено традиции) принимает на веру.

Правда руская – один из наиболее часто репродуцируемых средневековых текстов, созданных в Восточной Европе. Однако многочисленные издания воспроизводят лишь одну интерпретативную модель разделения текста на *Краткую* и *Пространную* редакции, тем самым изначальное устанавливая рамки правильного восприятия и ограничивая пределы возможных отклонений в толковании. Сегодня желающий прочесть КрП едва ли начнёт листать текст *Новгородской первой летописи младшего извода* и тем более не попытается заглянуть в рукописи Академического или Комиссионного списков её.¹¹ Он обратится к одному из многочисленных изданий, где КрП опубликована как *самостоятельный* юридический документ, существующий *вне и помимо* летописи. Хотя в предисловии непременно будет упомянуто, что КрП дошла до наших дней в составе списков НПЛ, *летописное* происхождение текста КрП едва ли оценивается по достоинству как наиболее существенный факт её истории и ключ к уяснению

10 Образцовым (и показательным) в этом отношении представляется академическое издание *Правды* под редакцией Б.Д. Грекова. Весь второй его том составляет последовательный и подробный комментарий к тексту, практически целиком составленный из выдержек (дословных или кратко пересказанных) из работ предыдущих исследователей. Ещё более разительно различаются объёмы текста и комментария в «Хрестоматии по истории русского права» М. Владимировского-Буданова (вып. 1. Изд. 5-е. К., 1879). Здесь комментарий в три – четыре раза превышает объём текста.

11 Любой библиотекарь подтвердит: из трёх томов академического издания наиболее аккуратно и неистрёпанно выглядит последний, где подано факсимильное воспроизведение рукописей *Правды*.

её происхождения. Ещё более очевидно влияние хрестоматий. В течение более чем двух столетий начинающие исследователи средневековой Руси знакомятся с КрП прежде всего как с текстом, находимым среди иных памятников права. К моменту, когда они обнаруживают, что «памятник права» есть только фрагментом летописного повествования и не засвидетельствован нигде, кроме летописи, восприятие уже сцементировано и КрП прочно удерживается в рамках усвоенного убеждения.

Пренебрежение летописным контекстом довольно курьёзно. Ведь сам по себе текст КрП не несёт очевидных признаков её первичности по отношению к ПрП. Всё те же «датирующие» ссылки на времена Ярослава и на времена его сыновей мы найдём и в ПрП. Что же заставляет думать, будто КрП древнее? Положим, глубокое убеждение и длительная традиция. Но откуда впервые возникло такое убеждение? А возникло оно из характерного для историков XVIII в. простодушного отождествления даты летописного сообщения с временем, когда оно записано. Если КрП нашли в статье 1016 г., следовательно, в этом году она и составлена. Это и есть на самом деле *единственный* признак древности КрП. Но это – часть летописного рассказа, никогда не включаемого в публикацию текста КрП. Если представить на минуту, что исчезли летописи и сохранились только публикации *Правды*, нам бы никогда не установить, что *Краткая* правда древнее *Пространной*.

Помимо того, что публикации КрП формируют превратное впечатление о тексте (выдавая его за то, чем он никогда не был), вырывая его из летописного контекста, они ещё и приводят к утрате важнейшей информации о происхождении КрП. Во всех без исключения изданиях КрП фрагменты летописного текста, непосредственно предшествующие КрП и вводящие её в ткань летописного повествования, сознательно опускаются как несущественные для понимания и посторонние для текста. Подобное пренебрежение летописным контекстом представляет собой решающий недочёт всех интерпретаций КрП. Как я попытаюсь продемонстрировать ниже, предшествующий фрагмент летописи представляет собой неотъемлемую часть «документа» и написан как имитация вступительной клаузы уставной грамоты, чей формуляр можно датировать. Таким образом, благодаря эдиционной практике было утеряно наиболее важное свидетельство о происхождении и времени создания КрП.

Трудности перевода

«Из всех редакций Правды наиболее изученной является краткая редакция». Таким утверждением М.Н. Тихомиров подытожил состояние дел к 1940 г.¹² Что имел в виду исследователь: что в изучении КрП достигнуты несомненные и недвусмысленные результаты? что прочно установлены главные моменты в истории памятника? что всё меньше остаётся дискуссионных проблем? Едва ли. Его собственное последующее обсуждение темы свидетельствовало об обратном. Но Тихомиров был прав: если под «изученностью» понимать количество вложенного труда, то КрП – несомненно наиболее изученный из текстов *Правды*. Внимание исследователей всегда было приковано к этому предположительно древнейшему и потому гораздо более важному памятнику права в ущерб спискам *Пространной редакции*. Со времени выхода в свет статьи Тихомирова «изученность» КрП только увеличилась; результаты же остались прежними.

Несмотря на свою респектабельную репутацию, КрП никогда не сулила исследователям ничего, кроме внушительного количества проблем. Их число никак не уменьшается, несмотря на столетия изучения и горы написанного с целью устранить очевидные несообразности текста. Понимание древнего текста – всегда своего рода «перевод» на знакомый современному исследователю язык, понятийный аппарат, приемлемую логику и т.д. При переводе, разумеется, неизбежны потери. Поэтому научный комментарий призван хотя бы частично компенсировать утраты, делая текст более доступным и непротиворечивым. Комментарий – своего рода карта, позволяющая лучше ориентироваться на местности и не потерять направление. Однако количество комментария, требующегося для хотя бы приблизительного уяснения текста КрП, чрезвычайно и сигнализирует о каких-то фундаментальных «трудностях перевода», связанных как с языком, так и с содержанием. Более того, погружение в комментарии приводит к едва ли не большей дезориентации. Всякий, кто пытается понять содержание КрП, вынужден пробираться сквозь густой лес догадок, предположений и гипотез. Разнообразие и противоречивость высказанных толкований отдельных понятий, целых статей и всей структуры текста таковы, что говорить о скольконибудь заметном консенсусе не приходится. Отсутствие же достаточно широкого дисциплинарного консенсуса, как утверждают историки науки, указывает на зону исследований, где не достигнуто или (в настоящих обстоятельствах) не может быть достигнуто научное знание.¹³

В самом деле, КрП – весьма странный текст. Никому так и не удалось обнаружить логику в этом случайном наборе изолированных прецедентов. Как зако-

12 Тихомиров М.Н. Русская правда, 147.

13 Aviezer Tacker, *Our Knowledge of the Past. A Philosophy of Historiography* (Cambridge, 2004), 24–45.

нодательный документ, КрП лишена какого-либо смысла. Она слишком кратка и отрывочна, лишена сколько-нибудь внятного порядка и покрывает собой слишком мало «законного поля», чтобы ею возможно было пользоваться как практическим юридическим кодексом. Общество, реконструируемое на основании такого закона, настолько рудиментарно, что не вяжется с представлениями о Руси XI в.

Существует почтенная историографическая традиция, реконструирующая социальные отношения на основании памятников права, по которым живет общество. Что же за общество возникает со страниц КрП? Это – общество, где не вступают в брак и не разводятся; общество, где не умирают и не делят наследство; где не торгуют и не зарабатывают деньги; общество, где фактически ничего не производят, а всё разнообразие имущественных отношений сводится только к кражам. Что же делают в таком обществе? Это – исключительно мужское сообщество, члены которого избивают друг друга разнообразными способами, часто приводящими к убийствам. Так же избивают и подневольных людей (смердов, челядь), отчего те бегут, их ловят и снова избивают. В свободное от драк время члены «общества согласно КрП» воруют. Вот, по существу, и всё.

Правду рускую часто и совершенно обосновано зачисляют в разряд так называемых «варварских правд», то есть письменных законов, возникших из традиционного права и не опирающихся на опыт римского права. Даже поверхностно знакомый с европейскими варварскими правдами человек должен быть удивлён, насколько варварски выглядит на их фоне КрП. Не количеством насилия, но, прежде всего, объёмом регулируемых правоотношений и их детализацией. Это очевидно по отношению к наименее «романизированным» франкской *Lex Salica* или бургундской *Lex Gundobada*, не говоря уж о существенно больше затронутым римским правом законодательстве лангобардов или визиготов (*Forum judicum*). Даже в смысле объёма это совершенно несопоставимые с КрП тексты (напротив, ПрП выглядит более совместимо).

КрП оставляет вне внимания письменного закона огромные (быть может, наиболее существенные) сегменты общественной жизни; те же, что затрагивает, трактует скороговоркой. Объясняют это тем, что значительная часть законодательства во времена КрП всё ещё находилась в устной форме. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла только о 1016 г. Но, как полагают, КрП включает в себя и законодательство Ярославичей, то есть второй половины XI в. А это уже общество не предводителей военных дружин, каковыми были киевские князья X в., но христианских принцев, строящих и обустроивающих города, а в них – грандиозные соборы, перемещающих огромные массы населения, ведущих дальнюю торговлю и т.д. Вероятно, и такое развитое общество может существовать с рудиментарным письменным законодательством. Но дело тут в другом: как соотносить законодательство Ярославичей, отражённое в КрП, с законодательством тех же Ярославичей, отражённым в ПрП? Если (а в этом, как кажется, не сомневаются) ПрП и представляет собой законодательство Ярославичей и конца XI в., то что же тогда мы имеем в КрП? Его конспект?

КрП очевидным образом «не на своём месте». Не случайно проницательные исследователи (например, Л.К. Гетц) пытались обосновать идею, что законода-

тельство, представленное в КрП, на самом деле возникло за несколько столетий до XI в. и в его конце оказалось только записанным. Трудно представить побудительные мотивы для записи настолько устаревшего права. Ведь юридические тексты создавались не как «памятники права», не с мемориальной целью, а для повседневных практических нужд судопроизводства. Иные исследователи, напротив, отмечали в КрП черты начала XII в. Такая разногласия может означать только одно – исследователи с трудом находят «подходящую» эпоху для текста.

Проблемы, с которыми учёным придётся сталкиваться в интерпретации КрП, обозначились довольно рано. Полезно поэтому было бы в самых общих чертах обозначить наиболее значительные из них, а также бегло обозреть попытки разрешить противоречия.¹⁴

Вопреки прямому указанию летописи о том, что документ был издан Ярославом Мудрым в 1016 г., и вопреки тому, что именно его имя стоит в заголовке, большая часть текста, оказывается, создана сыновьями Ярослава и после смерти отца. Это, собственно, единственное «событие», отмеченное в самом тексте «грамоты». Каким образом Ярослав награждает новгородцев грамотой, текст которой возникнет после его смерти? Чем руководствовался летописец, помещая под 1016 г. документ, содержащий в себе недвусмысленное указание на происхождение после 1054 г.? Чем, наконец, руководствуются исследователи, настаивающие на авторстве Ярослава и на дате 1016 г.?

Кроме упоминания о съезде Ярославичей и их совместном издании законов, КрП лишена других хронологических указаний. Строго говоря, основываясь только на самом тексте КрП, грамоту невозможно поместить во времена Ярослава, тем более точно датировать её событиями 1016 г. Заметка о съезде Ярославичей, впрочем, помещена в статье 18 (согласно современному счёту). Возможное решение, таким образом, было найдено в том, чтобы разделить КрП приблизительно посередине, полагая вторую и несколько большую часть законодательством Ярославичей (так называемая «Правда Ярославичей»), а первую (так называемая «Древнейшая Правда») действительно грамотой, данной Ярославом для новгородцев в 1016 г. По иронии, единственная ссылка на законы Ярослава содержится именно во второй части, то есть «Правде Ярославичей» (статья 42).

Разделение документа на две части создавало теоретическую возможность того, что хотя бы часть нынешней КрП была издана в 1016 г. Почему же не «Древнейшая Правда» Ярослава, но обе части вместе, иными словами – документ, оформившийся между 1054 и 1073 гг., оказался помещён под 1016 г.? Для

14 Литература о *Правде русской* – необозрима. Только незначительная её часть может быть интегрирована в пределах одного исследования. Несколько книг могут послужить полезными путеводителями по историографии. Для довоенной литературы наиболее значительным руководством является второй том академического издания (*Правда русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947), а также беглый, но ёмкий очерк в статье Тихомирова (Тихомиров М.Н. Русская Правда. К 200-летию открытия памятника. *Историк-марксист*, 1938, №5, 138–155). См. также: Daniel H. Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* и посмертно изданную книгу А.А. Зимина (Зимин А.А. *Правда русская*. М., 1999).

историков права вопрос не стоял остро: они имели самостоятельный документ и знали его дату. Для историков же летописания, да и вообще историков, здесь было над чем поломать голову. Что означает дата 1016? Что именно в этом году КрП и была внесена в летопись? Или же летописец времён Ярославичей внёс КрП в статью 1016 г., зная откуда-то (но откуда? ведь в самой КрП дат нет, и не могло быть), что именно в этом году она возникла? Существуют авторитетные высказывания как в пользу первой, так и в пользу второй возможности, но примирить их, разумеется, нет крайне сложно.

Если КрП соединила вместе два разных юридических памятника, как они существовали на практике – как два отдельных документа? В таком случае, когда и при каких обстоятельствах они оказались соединены? Существует мнение, что «Древнейшая Правда» и «Правда Ярославичей», действительно, реально функционировали как два отдельных закона, а соединены оказались только в летописи. Поиски ответа на вопрос, как именно это могло произойти, создают дополнительные трудности, некоторые из них неразрешимые. Даже если правдоподобные сценарии предлагаются – а такие существуют и весьма изощрённые – многие вопросы остаются без надлежащего ответа.

С другой стороны, существует авторитетное мнение, что «Правда Ярославичей» была непосредственным продолжением законодательства Ярослава, то есть «Древнейшей Правды» (и, следовательно, обе *Правды* можно представить только как части единого кодекса). Этот сценарий лучше соответствует логике развития юридических текстов (где последующее законодательство наращивается над предыдущим), но труднее вписывается в историю летописания. Если КрП вне летописи дожила до конца XI в., для летописца она была бы современным документом и в ней мало что указывало бы на эпоху Ярослава. Что заставило летописца вставить её в явно анахронистический 1016 г.? И в чём тогда ручательство, что сама дата верна?

Согласно летописному рассказу, КрП была дана Ярославом новгородцам по окончании войны со Святополком. В таком случае, однако, дата 1016 г. не может быть верной – война продолжалась до смерти Святополка в 1019 г. Дата «1016 г.», следовательно, представляет собой результат ошибочной хронологии НПЛмл. С хронологической точки зрения гораздо благополучнее выглядит С1, где дата выдачи грамоты в самом деле соответствует окончанию войны со Святополком – 1019 г. Однако в С1 под 1019 г. читается текст ПрП, а, кроме того, С1 говорит о нескольких «грамотах», выданных в разное время Ярославом новгородцам. Уточняя хронологию, должны ли мы принимать и всю версию С1? И, напротив, если хронология НПЛмл ошибочна, в чём же ручательство аутентичности помещённой там КрП?

Что в действительности представляла собой КрП, не ясно. Утверждают вслед за летописью, что Ярослав издал свою грамоту как уставную для Новгорода и его жителей в знак особого расположения за неоценимую помощь, оказанную ему в войне со Святополком. Если так, это причудливый документ. В нём нет ничего «уставного» и, более того, ничего специфически новгородского. Никаких ожидаемых привилегий или свобод Новгород в КрП не получал. А получили

новгородцы напоминали о некоторых нормах уголовной ответственности, случайно подобранных, к которым были присоединены заметка о том, как исчислять вознаграждение сборщику судебных штрафов («Покон вирный») и лапидарная заметка о том, сколько платить плотникам, строящим или ремонтирующим мост («Урок мостников»). Вопреки всем усилиям исследователей, никакой системы или даже закономерности в следовании статей КрП не просматривается. Убийство, например, упоминается в статьях 1, 19–27 и 38. Между этими статьями находим штрафы за оскорбление действием между свободными мужами (3–10), за которыми следует статья о беглом рабе (челядине); затем четыре статьи (12–15) о краже (коня, оружия, одежды); ещё статья о беглом рабе (16); об оскорблении рабом свободного мужа (17); статья об оскорблении действием (18); затем опять о различных кражах (28–32); ещё об убийстве раба (смерда) (33); о распахивании межи (34); и вновь о кражах (35–40).

Не находя «свобод», иногда полагают, что сам факт дарования письменного права (безотносительно к его содержанию) мог бы считаться особой привилегией новгородцев. Но, как было неоднократно подмечено, в КрП не существует ничего специфически новгородского. Всё те же установления найдём и в тексте ПрП, единогласно признаваемой памятником киевского происхождения и общегосударственного значения. Разделение КрП на «Древнейшую Правду» и «Правду Ярославичей» несколько облегчает трактовку КрП, но лишь до известного предела. Ничего присущего только Новгороду нет и в первых восемнадцати статьях КрП, а подборка всё равно выглядит случайной. Более того, если привилегией было само введение письменного права, то это право оказывается киевским. Ярослав, таким образом, распространяет на Новгород юридический уклад иной исторической провинции. Новгородцам, оказывается, не даруют новые свободы и даже не подтверждают старые, но отнимают их традиционное право, то есть существенно ущемляют в правах. Чтобы подчеркнуть оскорбительность подарка, это новое навязанное новгородцам право ещё и демонстративно называют «Правдой *русской*», то есть южной, киевской.¹⁵

Вполне осознавая неестественность содержания КрП, А.А. Зимин вынужден был предположить, что мысль Ярослава было не даровать новгородцам свободы, но просто умиротворить их после жестокой расправы 1015 г.¹⁶ В таком случае внимание к убийству, оскорблению и краже (как вообще ко всякому насилию) выглядело бы более уместным. Будь это так, подобную грамоту логичнее было бы предложить новгородцам перед походом на Киев. Однако к 1019 г. или 1016 г. (что Зимин полагал правильной датой) разногласия между Ярославом и новгородцами были уже в прошлом, а лояльность доказана службой.

15 Как хорошо известно, в XI в. «Русью», «Руской землёй» ещё называют только Среднее Приднепровье. Новгородцы и гораздо позже строго отличают себя от «Руси». Это обстоятельство, кстати говоря, выдаёт руку более позднего летописца, писавшего явно не в XI и не в XII вв. – для него уже нет ничего странного в том, что Новгород зачисляется в состав «Руси». Так могло быть во времена составления НПЛмл (то есть в XV в.), но чрезвычайно трудно допустить в XI–XII вв.

16 Зимин А.А. *Правда Русская*, 89.

Некоторые исследователи отмечали, что среди установлений КрП есть такие, что не могут быть отнесены к началу XI в. и, по всей вероятности, гораздо более позднего происхождения; другие же отмечали в ней противоречия и несообразности. Объясняют это тем, что анахронизмы и несообразности проникли в текст в процессе его «жизнедеятельности» в качестве «живого» юридического кодекса,¹⁷ до того, как памятник оказался включён в состав летописи. Предполагается, что включение в летопись маркирует окончание активной жизни КрП в качестве свода законов и превращение её (и в реальности, и в мнении современников) в «памятник». Летопись оказывается своего рода «архивом», куда сдают важный, но вышедший из употребления документ.¹⁸

Но сколько же времени КрП могла бы действовать в судах? Ответ, разумеется, зависит от того, какую из предложенных схем летописания мы предпочтём. В своём месте попытаемся разобраться в этом детальнее. Здесь же стоит отметить, что любой ответ обескураживает. Согласно А.А. Шахматову, КрП должна была попасть в летопись чрезвычайно рано, ещё в самом начале XI в. Это, кроме прочего, объясняло бы отсутствие у КрП иной, кроме летописной, рукописной традиции. В таком случае у неё была только «жизнь после смерти» – оказавшись в летописи, она становилась юридической «окаменелостью» и уже не могла вбирать в себя новые нормы и установления.

Иной популярной гипотезой есть предположение, что КрП была включена в летопись около 1130-х гг. Удобное с точки зрения схем летописания, это решение всё же оказывается не без убытка для истории КрП. Общее мнение, как кажется, состоит в том, что к концу XI в. КрП была уже настолько устаревшим законодательством, что оказалась быстро вытеснена и заменена гораздо более обширной, детальной и лучше организованной ПрП.¹⁹ Особняком стоит мнение М.Н. Тихомирова, наиболее здравомыслящего из почитателей КрП, утверждавшего, что ввиду более поздних, чем XI в., черт, КрП в её нынешнем виде является продуктом XII в.²⁰ Когда бы не сформировалась окончательно КрП, её включение в летопись только в 1130-х гг. означает, что какое-то продолжительное время оба памятника – и КрП, и ПрП – сосуществовали как актуальные судебные руководства. Подобное сожителство представить трудно.

Если КрП (или её часть) действительно представляет собой то, чем её считает учёная традиция, то есть грамотой, данной Ярославом в 1016 г., она оказывается наиболее ранним текстом, когда-либо написанным в Восточной Европе. Столь ранняя дата обеспечивает ей первенство по отношению ко всему, что известно современной науке, будь то рукопись или археологически добытый артефакт. Филологи должны бы проявлять особое внимание к такому сокровищу, а пренебрежение им было бы равносильно профессиональному преступлению.

17 См., например: Зимин А.А. *Правда Русская*, 47–48.

18 Можно предположить и такой сценарий, согласно которому КрП вносится в летопись, но продолжает действовать в качестве свода законов. Но в таком случае инновации проникали бы в текст того другого, не внесённого в летопись, свода, все списки которого, увы, «погибли».

19 Зимин А.А. *Правда Русская*, 51.

20 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов*. М., Л., 1941, 74–78.

Тем не менее, лингвисты никогда не демонстрировали ни энтузиазма, ни даже глубокого интереса к КрП. И, вероятно, имели на это основания.

Лингвисты, как кажется, согласны в том, что с точки зрения языка КрП выглядит существенно «моложе» ПрП. Само по себе это, разумеется, не доказательство позднего происхождения текста КрП и объясняется поздней датой списков (середина – вторая половина XV в.), в то время, как древнейший список ПрП датируется 1282 г.²¹ Сравнительно поздние списки, впрочем, редко останавливали филологов в поисках древних языковых черт (или их реконструкции),²² а также в попытках точнее датировать текст, содержащийся в позднем списке. Тем не менее, филологи предпочитают говорить о «языке Правды» в целом или изучать древнейшие её списки,²³ проявля удивительную неохоту в исследовании языка именно КрП. Те же немногие, кто непосредственно обращался к теме (А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский), оказались среди наиболее откровенных скептиков. Единственная специальная работа о языке именно КрП, принадлежащая С.П. Обнорскому, предлагала выводы двусмысленные и, по большей части, разочаровывающие сторонников древности КрП.²⁴

21 Ср. замечание Тихомирова, сделанное по этому поводу: «В науке существует и несколько иное мнение, разделяемое главным образом лингвистами (А.И.Соболевским, Е.Ф.Карским и С.П.Обнорским). Остановившись на языковых особенностях *Краткой Правды*, они указывают, что этот памятник возник сравнительно поздно. В частности, их поражает большое количество церковнославянизмов, которые в гораздо меньшей мере заметны в *Пространной Правде*. Но этот взгляд на *Краткую Правду* не может быть принят, потому что лингвистические наблюдения не всегда имеют характер решительных доказательств. *Краткая Правда* дошла до нас в поздних списках XV в., которые могли подвергнуться правке и изменениям именно языкового характера» (Тихомиров М.Н. Списки и происхождение Русской Правды. *Пособие для изучения Русской Правды*. М., 1953, 20). Ср. также почти одновременные замечания С.В. Юшкова: «Лингвистические данные, на которые они [Соболевский и Карский – А.Т.] опираются, не могут иметь решающего значения. Древнейшие списки *Краткой Правды* – Академический и Археографический – находятся в памятниках XV в. Естественно, что на тексте этих памятников могли отразиться элементы позднейшего языка. Доводы лингвистики при доказательстве позднейшего происхождения *Краткой Правды* могли бы иметь значение только тогда, когда было бы доказано, что элементы языка позднего времени существовали и в протографе древнейших списков *Краткой Правды*» (Юшков С.В. *Русская Правда. Происхождение, источники, её значение*. М., 1950, 195).

22 Наиболее показательный пример (из последних) – книга А.А. Зализняка о «Слове о полку Игореве», в которой автор оказывается в состоянии обнаружить языковые черты XII в., исследуя список 1800 г. (Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: *взгляд лингвиста*. М., 2004).

23 См., например: Обнорский С.П. Русская Правда как памятник русского литературного языка. *Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук*. М., Л., 1934, №10, 749–776; Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. *Вопросы языкознания*. 1957, №4, 57–63.

24 Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*. М., Л., 1946, 9–31. Автор, например, утверждал, что хотя язык сохранившихся списков КрП принадлежит к своему времени (т.е. XV в.), их «протограф», должно быть, относился ко времени не ранее XIII в. «Протограф» Обнорский отличал от некоего текста, который называл «первичным оригиналом». Об этом последнем он высказался так: «Язык первичного оригинала краткой редакции Русской правды по общему своему типу, как и во многих частных чертах, особенно в синтаксисе и лексике, близко подходит к языку первичного оригинала пространной редакции памятника, вскрываемого путём анализа Синодального её списка 1282 г. Это позволяет предполагать, что и хронологически сложение одной и другой редакций памятника не разделялось значительным промежутком времени» (Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*, 31). Вопрос, не может ли эта языковая близость двух редакций объясняться происхождением КрП из текста,

В самом деле, даже на глаз непосвящённого степень языковой модернизации КрП значительно превосходит засвидетельствованные случаи передачи законодательных текстов в летописной традиции. Очевидной параллелью (но и контрастом) здесь оказываются тексты руско-византийских договоров первой половины X в., сохранившиеся в списках *Повести временных лет* конца XIV и начала XV вв. От даты предположительного создания до даты древнейшего летописного списка указанные договоры отделяет приблизительно такое же количество времени, как и в случае КрП – около 500 лет.²⁵ Однако к текстам руско-византийских договоров филологи предъявляют гораздо меньше претензий (даже в варианте Ипатьевского списка, практически синхронного НПЛмл). Более того, сравнение вариантов текста в *Лавр.* и *Ипат.*, представляющих собой весьма рано разошедшиеся ветви ПВЛ, свидетельствует, что тексты договоров оставались довольно стабильными и несколько сот лет раздельной передачи не привели к существенным их изменениям. Трудно вообразить причину, по которой передача КрП в составе летописи оказалась бы принципиально иной и её текст сохранился бы гораздо хуже руско-византийских договоров X в. При том, если права учёная традиция и КрП была занесена в летопись как особо чтимая реликвия новгородской истории, ожидалось бы повышенное внимательное отношение к этому фрагменту со стороны писцов и редакторов.

Стоит отметить ещё одно озадачивающее обстоятельство. КрП, как полагают, представляет собой документ, возникший постепенно и отражавший несколько стадий кодификации (какое-то *uhr*-право, «Древнейшая Правда» Ярослава, «Правда Ярославичей» и, возможно, какие-то поправки начала XII в.). Тем не менее, текст обнаруживает следы работы единой редакторской руки. В отличие от ПрП, например, по-разному именуемой проступки и компенсации нанесённого ущерба в зависимости от существа преступления («за обиду», «за муку», «за пагубу»), КрП знает только один вид компенсации – «за обиду», даже

близкого к *Синодальному* списку, исследователь не счёл нужным обсуждать. Обнорский всё же полагал возможным настаивать на большей архаичности языка КрП по сравнению с ПрП, но практически исключительно на том основании, что в КрП упоминаются более древние обозначения денег (*скот*) и денежных единиц (*веверица*) (Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*, 28–29). Как увидим ниже, эта черта может успешно объясняться имитацией летописных образцов. Наиболее обескураживающим для традиционной точки зрения, впрочем, оказывалось заключение Обнорского, что «составление протографа принадлежало *новгородской* [выделено автором – А.Т.] территории»; иными словами: КрП возникает как новгородский текст. А ведь должна была возникнуть в Киеве!

25 Это, разумеется, по необходимости упрощенное понимание дела. Момент включения руско-византийских договоров в состав летописи также принадлежит к числу дискуссионных вопросов. Как кажется, в последнее время наибольшей популярностью пользуется гипотеза, согласно которой договоры впервые попали в состав летописи только в *Повести временных лет* в начале XII в. В таком случае, дистанция до древнейшего списка (Лаврентьевского, 1377 г.) будет чуть более 250 лет, а до следующего по старшинству (Ипатьевского, 1430-е гг.) – ок. 300 лет. Предполагая (вместе с новейшими исследователями), что КрП впервые попала в летопись в так называемом «своде Всеволода» 1130-х гг. или даже ещё позже – в новгородском своде 1160-х гг., получаем дистанцию до списков ок. 300 лет. При известной разнице, всё равно – вполне сопоставимые величины.

в тех случаях, когда урон нанесён не личной чести,²⁶ но физическому здоровью или же собственности. В небольшом по объёму тексте КрП «обида» упомянута одиннадцать раз. Можно предполагать, что автор КрП не вполне понимал нюансы различных видов проступков (в памятниках т. н. «варварского права»), к которым принадлежит и *Правда руская*, родовые определения преступлений ещё очень редки или же отсутствуют; каждый вид проступка и ущерба есть *sui generis*). Автор же КрП называл следствие всякого преступления родовым понятием «обида». Получилось, что все компенсации – за бесчестье (и, следовательно, все преступления – против чести).²⁷

Неоднократно отмечали, что некоторые термины, упомянутые в КрП, невозможно локализовать в XI в., например, *изгой*. Если относительно этого конкретного можно было бы и поспорить,²⁸ то вот такое (почему-то никем не отмеченное как анахронизм²⁹) наименование должности в княжеской (?) администрации, как *ябетник* (*ябедник*), настораживает. Термин неизвестен домонгольским источникам за одним сравнительно поздним исключением³⁰ и КрП (если это памятник домонгольского времени) – единственный другой текст, упоминающий этого официала.³¹ *Ябетник* отсутствует в аналогичном списке ст. 1 ПрП. Напротив, *ябедники* как служащие новгородской, и именно судебной, администрации хорошо известны из источников XV в., например, в *Новгородской первой летописи младшего извода* под 1446 г.³² и в *Новгородской четвёртой летописи* под 1446 и 1447 г., и упоминаются при весьма драматических обстоятельствах:

26 Именно таково, как кажется, главнейшее значение «обиды» в КрП. Слово, впрочем, могло иметь гораздо более широкий спектр значений в текстах домонгольского времени (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Под ред. Р.И. Аванесова, И.С. Улукханова. Т. 5. М., 2002, 473–474).

27 Предположение о том, что КрП представляет собой плоды творчества единого автора, отстаивал, например, Н.А. Максимейко. Не сомневаясь в древности КрП (но относя её, впрочем, ко временам Ярославичей), он указал на целый ряд содержательных признаков, указывающий на то, что КрП составлялась в один приём и, следовательно, одним лицом (Максимейко Н. А. *Опыт критического исследования Русской Правды*. Вып. I: *Краткая редакция*. Харьков, 1914, 52–79). Впрочем, исследователь подметил и одну характерную стилистическую черту, объединяющую весь текст КрП: в ней союз *или* повсеместно употребляется в значении «и если» (напр.: «аще боудеть нога цела *или* начнеть храматн...»; «а иже оубьютъ огнищанина въ разбой *или* убища не ищоуть...»; «*или* ихъ будеть 18, то по трѣ гривнѣ...»; «*или* ся пригодити въ говѣнѣ рыбама...» и т.д.).

28 Действительно, термин характерен для документов не старше XII в. *Изгой*, впрочем, есть в ПрП и мог бы быть заимствован оттуда. Похоже, что и упомянутый в КрП *купчина* (в отличие от *купць*) представляет собой специфически новгородскую форму. Во всяком случае, слово засвидетельствовано только в новгородских текстах конца XII–XIV вв. (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 4. М., 1991, 338–339).

29 Различные истолкования термина (но без указания на позднее происхождение!) см.: *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947, 44–47. Похоже, комментаторы даже не подозревали о существовании такой судебной должности в XV в., иначе не прибежали бы к совершенно экзотическим объяснениям.

30 В *Синодальном* списке *Новгородской первой летописи* под 1218 г.: «И бысть на зиму, побеже Матеи Душильцевичъ, съязавъ Моисѣица бириць ябетниць» (ПСРЛ 3: 58). Здесь, впрочем, можно предполагать изначальное, ещё не терминологическое значение слова – «клеветник».

31 Для «домонгольского времени» и Ягич, и Срезневский могли привести только ст. 1 КрП. *Ябедник* отсутствует в соответствующей статье ПрП.

32 «А в то же время не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша четы и обѣты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу;

А въ то время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и правого суда, и восташа ябедници, изнариждиша чегы и обѣты целованія на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу; и бѣахомъ в поругание соуѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣишины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ в насъ милости и суда права.

Тогда бѣ весь градъ в сѣтованіи мнози, а голодника и ябедники и посульники радовахуся, толко бы на кого выговорилъ; и того самого смерти предаша, а живот его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во гради мятежь великъ [...]³³

При наличии подобных (и множества иных) проблем интерпретации и, как увидим, весьма сомнительной текстуальной истории, удивительно невелико оказалось число скептиков. Те немногие, кто отваживался высказывать сомнения в древности КрП, были из числа наиболее серьезных филологов своего времени. В 1910 г. Алексей Соболевский в краткой, но составленной в решительных выражениях статье признал КрП неудачным и путаным сокращением гораздо более ценного текста ПрП.³⁴ Двадцатью годами позже, в 1930 г., Евфимий Карский менее решительно, но всё же допускал, что наиболее убедительным объяснением возникновения текста КрП есть предположение о том, что её оригиналом была ПрП.³⁵

С тех пор, насколько можно судить, никто (по крайней мере, печатно) не высказывал сомнений в аутентичности или древности КрП, или же её первенстве по отношению к ПрП. Опыт, впрочем, подсказывает, что раз появившись, скептические суждения не исчезают. Время от времени они – даже будучи осуждены и отвергнуты общим мнением – появляются вновь. Вероятно, количество скептиков в XX в. могло бы быть и большим. Однако в 1930-х гг. в советской историографии утвердилась и безраздельно возобладала концепция феодального строя Киевской Руси. Одной из её характерных черт было максимально возможное удревнение начала феодальных отношений, возникающих то ли в IX, то ли в X вв., но в XI в. уже явственно проявляющих себя в феодальных установлениях *Правды русской*. КрП, таким образом, стала главным доказательством идеологи-

и бѣахомъ в поруганье соуѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣишины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ в насъ милости и суда права» (ПСРЛ 3: 425).

33 ПСРЛ 4: 440–441, 444. Учитывая эмоции, которые вызывала деятельность ябедников, случайно ли, что КрП прибавляет ябедника к списку тех, кого могут убить?

34 Соболевский А.А. Две редакции Русской Правды. *Сборник статей в честь графини Прасковьи Уваровой*. Пг., 1916.

35 Карский Е.Ф. *Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава*. Л., 1930, 9 («[краткий текст Правды] конечно может основываться на древнейших записях, сделанных ещё при сыновьях Ярослава, но мог явиться и как плод извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода. [...] Подобные извлечения и сокращения в летописях дело обычное, ср. в Начальной летописи рассказ об изобретении азбуки и заложении славянской письменности Константином и Мефодием, основанный на довольно неисконном извлечении из их Паннонских житий. Не всегда ведь более краткие редакции оказываются древнее более полных»).

чески весьма ангажированной теории. С этих пор скептики должны были облекать свои суждения в весьма осторожные выражения.

Поразительно, но один из таких скептиков был сотрудником того самого коллектива, что подготовил академическое издание *Правды русской* под редакцией Б.Д. Грекова, едва ли не главного творца теории древнерусского феодализма. В.П. Любимов, человек с непревзойдённым знанием рукописной традиции *Правды*, человек, которому академическое издание обязано своей наиболее изощрённой классификацией текстов, оказывается, придерживался таких же взглядов на историю КрП, как Соболевский и Карский. Если Любимов сегодня не известен среди скептиков, то только потому, что упрятал своё мнение в примечания и был крайне осторожен в выборе слов. Нелишне напомнить его замечания:

Классификация наша выражает господствующий взгляд о том, что краткая Правда в своём образовании предшествовала пространной Правде. Но предлагаемая схема классификации предоставляет возможность изучения памятника, если бы исследователь пришёл и к заключению о приоритете пространной Правды. В этом последнем плане изучения надо только переставить разряды 1 и 2, поставив разряд 2, т. е. пространные списки, на первое место. Мнение некоторых исследователей о приоритете пространной Правды требует специального рассмотрения, какое в рамках настоящего предисловия трудно было бы дать.³⁶

Этот поразительный фрагмент настолько приближается к прямому признанию приоритета ПрП и текстуальной вторичности КрП, насколько было возможно в атмосфере 1930-х гг.

Подведём итог нашим предварительным наблюдениям. КрП весьма затруднительно представить себе как актуальное законодательство XI или любого другого века. Её происхождение и соотношение с ПрП неясны, а «верительные грамоты» как памятника языка неопределённые. Всё, что мы привыкли знать о КрП, вручено нам традицией, установившейся до научного исследования текста. А это последнее состояло до сих пор, по большей части, в нагромождении догадок и предположений, призванных каким-то образом совместить КрП с образом реальной истории Руси XI в. Объём натяжек, необходимый для удержания КрП среди доброкачественных источников XI в. таков, что явно выходит за пределы допустимого даже в такой дисциплине, как история Руси, где количество гипотез превышает объём свидетельств.

36 Любимов В.П. Списки Правды Русской. *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 30, прим. 2.

Денежная система *Краткой Правды*

Василий Осипович Ключевский был почти невольным сторонником подлинности КрП. В знаменитом «Курсе русской истории» он отметил, что были бы все основания признать КрП сокращением текста ПрП, если б не её «архаическая» денежная система, отличная от денежной системы ПрП.³⁷ Как и многие исследователи до него, Ключевский заметил, что виры, исчисленные в кунах в ПрП, указаны в резанах в КрП. Ключевский объяснил это обстоятельство тем, что в двух *Правдах* штрафы исчисляются в гривнах различного веса. Разница в весе гривны, согласно Ключевскому, была спровоцирована удорожанием серебра. В начале XI в., когда возникли виры КрП, гривна была «тяжёлая», так как серебро было относительно дешёвым и поступало на Русь в больших количествах. В XII в. приток западных монет резко сократился, что вызвало стремительное подорожание серебра и, как следствие, потерю гривной её изначальной стоимости и веса. Поскольку серебро вздорожало вдвое, гривна должна была в соответствующей пропорции потерять половину своего веса, и именно такими «лёгкими» гривнами происходит счёт в ПрП.³⁸

Ключевский исходил из стандартного соотношения: 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам, установленного предыдущими исследователями. Этот счёт был добыт из статьи 42 КрП. Поскольку штрафы, указанные в ПрП в кунах, в КрП указаны в резанах, историк заключил, что к моменту возникновения ПрП куна потеряла половину своей стоимости. В качестве доказательства Ключевский ссылался на статью КрП-35 и ПрП-79, где штраф за кражу ладьи определён как 60 резан (КрП) и 60 кун (ПрП). Поскольку стоимость ладьи должна была оставаться постоянной, это могло означать только то, что в XII в. куна стала эквивалентна резане. Отметив, далее, что поскольку гривна и ногата сохранили свои стоимости (все штрафы, установленные в КрП в гривнах и ногатах, так же в гривнах и ногатах указаны и в ПрП), Ключевский пришёл к выводу, что куна должна была заместить резану в стандартном счёте. Таким образом, для XII в. 1 гривна должна насчитывать не 25, как прежде, но 50 кун.³⁹

37 Ключевский В.О. *Сочинения*. Т. 1. *Курс русской истории*. М., 1956, 216–219.

38 Как увидим, постулируемое подорожание серебра вдвое, призванное объяснить разницу счёта КрП и ПрП, на самом деле само добыто из этого счёта. Таким образом, аргумент Ключевского циклический: «счёт отличается в два раза потому, что в два раза подорожало серебро, что видно из того, что счёт изменился в два раза».

39 Эту идею, на самом деле, несколько ранее предложили И. Беляев (Беляев И. *Очерк истории древней монетной системы на Руси. Чтения в Обществе истории и древностей российских*. М., 1846, №3, 16–17) и П. Казанский (Казанский П. *Исследование о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке. Записки Императорского археологического общества*. Т. 3. СПб., 1851, 99–100).

Простое и элегантное решение Ключевского невозможно принять, так как в его логике есть какой-то изъян. Резкое изменение только одного достоинства (при сохранении неизменными всех остальных) – достаточно странный феномен. Кроме прочего, это предполагает, что счётное соотношение между куной и гривной было не фиксированным, но, напротив, подвергалось рыночным флуктуациям цены серебра, что выглядит достаточно сомнительно.⁴⁰ Тем не менее, предположим, что стоимость кун действительно упала. В рассуждениях Ключевского новая гривна должна быть вдвое «легче» старой, однако при двойном числе (новых же, более лёгких) кун, вес новой гривны будет в точности соответствовать весу старой. Попытки Ключевского объяснить предположительно более «дорогие» резаны КрП никак не делают новую гривну легче.

С другой стороны, все номиналы в системе Ключевского имеют свои фиксированные веса в серебре. Соответственно, с общим падением и подъёмом цены серебра все они должны падать или подниматься в равных пропорциях. В этом случае счётные соотношения между гривной, ногатой, куной и резаной должны оставаться стабильными, что делает гипотезу о новом счёте в 50 кун на гривну невероятной. Но всё же, если счётные соотношения между гривной и её фракциями оставались в течение столетия постоянными, как объяснить вдвое более дорогую резану в КрП? Если КрП верно указывает стоимость резаны, означает ли это, что произошёл какой-то весьма необычный сдвиг в ценах, при котором только некоторые товары – и при том те, что, как правило, не подвержены резким колебаниям рынка (такие, например, как ладьи) – вдруг стали вдвое дороже?⁴¹ И даже если так, почему только некоторые штрафы отразили эту тенденцию? Нужно сказать, что изъяны аргументации Ключевского замечены давно. Уже А.Е. Пресняков высказывался довольно скептически о теории «тяжёлой» и «лёгкой» гривны.⁴²

Через пятьдесят с небольшим лет после Ключевского к той же проблеме обратился В.Л. Янин в своей известной книге о домонгольских денежно-весовых системах.⁴³ Он также отметил, что соотношение кун и гривны изменилось за время, прошедшее между КрП и ПрП, и притом так, что «старая» куна была вдвое дороже «новой». Янин, кроме того, отметил, что ни один из текстов XII–XIV вв. не упоминает резану и куну в одном подсчёте. Из этих наблюдений исследователь заключил, что куна и резана слились, и что оба термина стали обозначать одну и ту же единицу (1/50 гривны), которая ранее называлась ре-

40 В этом случае, теоретически, нужно допускать любое количество кун в гривне, не только, скажем, 25 или 50, но и 36 и 40, как подскажут текущие цены серебра. Такая бы гривна, отличная от 25- или 50-гривенной, рано или поздно отразилась бы в доступных источниках.

41 Берестяная грамота №2 из Звенигорода Галичского (1110-е – 1120-е гг.) отражает именно норму штрафа, указанную в ПрП-79 в 60 кун за ладью, по-видимому, украденную у некоего Говена (дае њ: деся[т](о) коуно лодиноую повѣдало говѣно нда на соудо) (см.: Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. Изд. 2-е. М., 2004, 346; см. также: Алексей П. Толочко. Правда руская и звенигородская берестяная грамота №2. *Paleoslavica*, XVI, 1 (2008), 276–278).

42 Пресняков А.Е. *Лекции по русской истории*. Т. 1. *Киевская Русь*. М., 1938, 225–227.

43 Янин В.Л. *Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период*. М., 1956, 35–56.

зана. Поскольку оба термина оказываются абсолютными синонимами, всякий, кто бы ни писал, начиная с XII в., мог по своему усмотрению выбирать любое из двух обозначений. Редакторы ПрП предпочитали куну, в то время, как авторы так называемых «математических задач», интерполированных в Карамзинский вид ПрП, избрали резану. Иные фракции гривны не претерпели изменений, что можно заключить из того факта, что штрафы в гривнах и ногатах совпадают как в КрП, так и в ПрП.

Процесс поглощения куну резаной привёл к появлению, начиная с 1130-х гг., «новой гривны», упоминаемой в документах в противоположность «старой гривне». Это, вероятно, и были две различные гривны двух редакций *Правды* – КрП и ПрП. Янин, впрочем, утверждал, что две гривны были разного веса. Он предполагал, что стоимость «новой гривны» была равна стоимости «старой гривны». Причина, по которой «новая» заменила «старую» гривну лежала не в обесценивании, но в том, что в XII в. рынок перешёл на неметаллические эквиваленты – меха или звериные шкурки. Таким образом, гривна сохраняла свой теоретический вес в течение всего периода. Переход к несеребряной гривне спровоцировал дальнейшие изменения всей системы, поскольку иностранная торговля всё же требовала серебра как общепринятого обменного средства. Таким образом, возникла новая денежная единица, называемая в источниках «гривна серебра», и равная четырём «старым» или «новым» гривнам кун.⁴⁴

Янин не уточнил, как выглядело соотношение между фракциями гривны после поглощения куну резаной. Можно, впрочем, догадываться, что куна исчезла: 1 гривна = 20 ногатам = 50 кунам/резанам. В рамках рассуждений Янина не вполне понятно, каким образом переход от серебра к неметаллическим эквивалентам (меха) мог бы привести к отмене 1/25 фракции гривны. Никакой причины – кроме показания КрП – привести невозможно. Парадоксально при этом то, что не предложено объяснение такому странному факту. Исчезая как самостоятельная счётная единица, куну, тем не менее, вытесняют резану в качестве названия новой единицы. Более того, именно куну продолжают употребляться как синоним денег вообще.

Недавнее исследование древнерусской денежно-весовой системы А.В. Назаренко представляет собой решительный пересмотр янинских построений практически во всех отношениях, кроме одного – идеи куну, поглощаемой резаной в XII в.⁴⁵ Исследователь предложил, на первый взгляд, убедительный сценарий, призванный объяснить, почему куна неожиданно обесценилась в XII в. или, точнее, почему в это время стало удобнее считать в гривне по 50, а не по 25 еди-

44 Нужно отметить, что идея «новой» и «старой» гривен в XII в. есть результат досадной ошибки в чтении текстов, к сожалению, закрепившейся в литературе. На самом деле, нигде источники не говорят о «новых гривнах». В действительности упоминается «гривна новых кун» в противовес «гривне ветхих кун». Новые термины, таким образом, определяют не разницу в стоимости или весе двух кун, но только качество монеты (новая – старая), из которой составлена счётная гривна (см.: Толочко А. О новгородской гривне серебра. *Ruthenica*. VI (2007), 359–365).

45 Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счёта. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике*. М., 1996, 5–79.

ниц. Следуя Янину, Назаренко полагает вес гривны *Правды русской* в 51 г. Он, кроме того, отметил, что археологически обнаруженные так называемые «сферические» гирьки этого времени калиброваны исходя из предполагаемого веса куны в 2 г. Переход от 1/25 к 1/50 фракции гривны (то есть от куны к резане) был спровоцирован притоком новых западных монет весом ок. 1 г (тогда, как прежняя восточная монета была весом ок. 2 г). Таким образом, исчезновение 1/25 гривны (куны) было просто делом удобства.⁴⁶ Гипотеза Назаренко представляется гораздо более удовлетворительным объяснением исчезновения самостоятельной куны среди фракций гривны. Однако автор непоследователен. Одной из основных идей его исследования есть совершенно справедливое утверждение, что гривна и все её фракции представляют собой сугубо счётные единицы без фиксированного серебряного содержания, и именно эта жёсткая система счёта обеспечивала различный вес гривны для различных рынков. Но, в таком случае, никакие изменения в курсе серебра к золоту или переход от восточной к западноевропейской монете не могли бы поколебать фундаментальные принципы денежного счёта.

Теория русской монетной системы, предложенная покойным Омеляном Прицаком, выделяется из этой традиции, так как признаёт первенство за метрологией, полагая счёт сугубо производным. Согласно Прицаку, на Руси сформировалось несколько региональных счётных соотношений между фракциями гривны, которые были к тому же подвержены дополнительным модификациям в зависимости от изменения фактического веса монеты. Так, Прицак постулирует существование «киевской» системы, в которой 1 гривна серебра = 4 гривнам кун = 64 ногатам = 60 кунам = 100 резанам; а также «новгородской» системы, где 1 гривна серебра = 4 гривнам кун = 80 ногатам = 200 «новым» кунам/резанам.⁴⁷ Странно, что полностью игнорируя данные ПрП, Прицак, тем не менее, принимает гипотезу о том, что куна и резана стали означать в XII в. одну и ту же единицу.

Нужно помнить, что гривна и все её фракции (ногаты, куны, резаны) являются прежде всего единицами традиционного счёта. Их взаимные соотношения, следовательно, не должны зависеть от изменения цен на драгоценные металлы или товары, а также пробы и веса серебряных монет.⁴⁸ До настоящего времени не было предложено убедительного объяснения тому, как и почему вдруг исчезает

46 Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счёта, 20.

47 Omeljan Pritsak, *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems. Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries* (Cambridge, Mass., 1998), 53, 54.

48 До сих пор, собственно, остаётся не вполне ясным, имела ли гривна *Правды русской* некий зафиксированный вес в серебре (скажем, в виде слитков) или же, будучи исключительно счётной единицей, исторически приобретала различный вес в зависимости от монеты (арабской, европейской, скандинавской), в которой выражалась. Известные археологически серебряные слитки со средним весом в 196 г представляют собой, судя по всему, голландскую марку и появляются не раньше конца XII в. См.: Леймус Ивар. Русский денежный счёт XII в.: свой или заимствованный? *Монета*, вып. 8. Вологда, 2001, 23–29; Толочко А. О новгородской гривне серебра, 359–365.

один из существенных сегментов денежного счёта. Это чрезвычайно редкое и странное явление, подобное тому, как если бы фунт неожиданно слился с дюймом в системе мер длины или фунт вдруг исчез и стал одинаков с унцией в системе мер веса. Счётные системы невероятно прочны и, как правило, удивительно устойчивы к флуктуациям реальной стоимости денежных знаков. Изменения в счёте происходят только вследствие драматических нарушений финансов или экономической жизни и, как правило, затрагивают всю систему, а не только какой-либо один её сегмент. Странно, но, похоже, советские историки так никогда и не испытали влияния «Капитала» Карла Маркса, иначе третья глава первого тома «Деньги, или обращение товаров» разъяснила бы им непрерываемо разницу между счётными единицами и изменяющимися стоимостями денег.

Стоит напомнить слова И.Г. Спасского:

*Денежный счёт – это прежде всего своеобразная область арифметики, и произвольно менять значение и ёмкость того или иного счётного понятия так же нелегко, как постановить, чтобы «пять» сегодня значило «десять», а завтра – «двенадцать».*⁴⁹

Идея «растворения» куны в резане лежит в основе всех суждений об эволюции денежной системы Руси. А, между тем, единственное для неё основание – текст КрП, принадлежность которого к XI в. ещё только предстоит доказать. Подчеркну – никаких иных поводов утверждать, что к XII в. куна перестала существовать как самостоятельная фракция гривны не существует. Напротив, имеется достаточное количество данных для утверждения обратного. Каковы бы ни были достоинства рассмотренных выше гипотез, все они уязвимы в одном – они не соответствуют действительности и опровергаются документально.

В.Л. Янин начал писать свою знаменитую книгу о денежно-весовых системах ещё до того, как были открыты первые берестяные грамоты и опубликовал её прежде, чем их потенциал как исторического источника оказался вполне оценён. Учёный не мог предвидеть новых свидетельств, представленных в берестяных грамотах. С тех пор, однако, было обнаружено внушительное количество берестяных грамот; многие из них отражают экономические отношения, а некоторые – предоставляют важнейшую информацию о новгородской монетной системе. Именно свидетельства берестяных грамот документально опровергают основанную на толковании КрП гипотезу о слиянии куны с резаной в XII в.

Судя по берестяным грамотам, и куна, и резана оставались вполне законными единицами новгородского денежного счёта в течение всего XII в. и вплоть до конца XIV в. Хотя куна, разумеется, упоминается гораздо чаще, резана также упомянута довольно представительным числом берестяных грамот. Можно было бы, разумеется, предполагать, что документы употребляют термины синонимично, как обозначения одной и той же единицы, если бы не значительное

49 Спасский И.Г. *Русская монетная система*. Л., 1962, 92.

количество текстов, в которых куна и резана встречаются вместе и в единых подсчётах.

Как можно установить по указателю к «Древненовгородскому диалекту» А.А. Зализняка, резана упоминается в 29 берестяных грамотах. Из них пятнадцать (№238, 293, 320, 437, 438, 609, 621, 640, 710, 799, 882, 892, 926 (Новгород); №21, 22 (Старая Руса)) упоминают её наряду с другими достоинствами. Ещё две грамоты (№215 (Новгород) и №18 (Старая Руса)) представляют собой либо части бóльших документов, где упомянуты другие достоинства, либо написаны тем же почерком, что и документы, упоминающие иные фракции гривны. Разумеется, для целей настоящего исследования особенно ценными оказываются те грамоты, где резана упомянута наряду с куной. Таковых обнаружено девять – хронологически они охватывают период с XII до начала XIV вв.

Вероятно, наиболее ранней грамотой нужно признать №238 (конец XI в. – 1110-е гг.). Вот её текст:

несѣдичевн полъ патъ рѣзд[нѣ : а] (мъ)нѣ еси
вѣддле дѣвѣ коунѣ цѣто же за м[ъ](но)[ю] творшиш
[за] мѣною осмь коунѣ и гривна : пондн же въ горо
(дѣ) [мо]гоу са съ товою атн на водоу⁵⁰

Это, очевидно, записка о долгах, где в одном списке фигурируют четыре с половиной резаны и две куны (иными словами – две куны меньше, чем четыре с половиной резаны). Долг в гривну и восемь кун автор записки не признаёт и вызывает своего адресата на судебный поединок («на воду»), кстати, предусмотренный в ПрП как раз в случае «тяж» за долги подобного размера (до двух гривен).⁵¹

Хронологически следующая – грамота №640 (1150-е – 1190-е гг.):

... мѣць а полъ грѣнь творит[е]
... [•в•] ногатъ понагатынаго оу которанѣ
а оу д[ъа]кѣ оу хоуцѣща •г• рѣзанѣ а совъ [коу]ноу а оу добръцевниць оу рома
ни[ца] в[оу]ноу а совъ[ъ] коу[ноу] ----- (коу)ноу а совъ коуноу⁵²

Здесь находим полный набор фракций гривны: ногату, куну, резану. Такой же набор обнаруживается и в грамоте №609 (1190-е – 1210-е гг.):

на •в• коноу безъ полоу •і• кне •н• грвнѣ
на третьемѣ •д• на рѣжн полъ •і• коуне
н •в• грвне на слнхъ •і• кнѣ • на веретнцѣ
•г• нгте на •м• локѣтъ •ф• кнѣ • на овсе по

50 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 259.

51 Статья 22 ПрП: «Тако же и въ всѣхъ тажахъ, и въ татѣбѣ и въ поклепѣ, шже не боудеть лица, тѣ тогда даті ємоу железо из нѣволѣ до полуоу гривны золота; аже ли мнѣ, то на водоу, шли до двоюоу гривноу [...]» (*Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 124).

52 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 383.

лъ•а• на •і• кне на полтн по¹ •з• рзне
 на полотне •в• ко҃не нлемо҃х •г• рзне
 о҃х твормнра полъ грне безъ ногат⁵³

Особенный интерес представляет довольно большая грамота №710 (1140-е – 1190-е гг.), поскольку здесь мы не только встречаем резаны наряду с кунами, но они, похоже, оказываются фракциями как «гривны кун», так и «гривны серебра»:

+ ѿ сьмыюна къ доброшьке : възьмн з тодорька полъ деса[т](е) [г]рѣнъ сере
 бра : а •і• грѣнъ : кзнамн : а з монсеа полъ шесте гривне кзнамн възьмн :
 а з възнега възьмн ꙗ: гривны : безъ девати кзнъ : а з полод[а] (в)[ъ]зьмн :
 (ѣ: г)ривне ве шести ногатъ : а з радъ[ка] (възьмн) -----
 --[з]резъкъ : а з нльке възьмн з ме[д]ын(н)[ц](а) пол[ъ] ц[е]тверъ[т]а д[е]с[а]те) р(е)
 занъ : а з гурьга въз[ъ]мн : з с[ъ]мьвиннц(а --) р(е)занъ : зцелель тн есмь : ѿ пожа
 рз н целзю та⁵⁴

Свидетельства этих новгородских грамот поддерживаются и грамотами из Старой Русы, например, №22 (первая половина XII в.):

+ негошека дове на десять ко҃но о҃х дедене пать ко҃но о҃х уюдоке
 пать ко҃но о҃х деретокъ пать ко҃но о҃х несодщевее пать ко҃но о҃х та
 ншнее семе резано о҃х косеннле пать ко҃но о҃х борше
 ковее тырн коно о҃х хъловее пате ко҃но о҃х надеековее пате
 ко҃но о҃х по҃хтеннене тырн ко҃не о҃х безо҃чевее цетыри ко҃не⁵⁵

Но особенно любопытна грамота №799 (1160-е – 1190-е гг.), поскольку в ней, похоже, отражена ситуация, аналогичная той, что отражена и в статье 42 КрП, где речь идёт о цене на рыбу в постные дни. Это чрезвычайно важная для понимания истории КрП статья. Именно на основании приведённых в ней подсчётов был установлен «счёт Руской правды»; при этом цена рыбы в постные дни оказывалась одним из наиболее важных ключей для определения соотношения куны и резаны к гривне. Ниже ещё придётся остановиться на этом вопросе детальнее. Вот текст грамоты №799:

...ръздана въ середо҃х на рыба
 хъ •і: въ патынцо҃х на
 рыбахъ •і на смольѣ ѿ
 о҃ушькѣ положена ко҃на
 ж радате не въздато полъ
 третьѣ гривнѣ⁵⁶

53 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 425.

54 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 364.

55 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 337.

56 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 369.

Берестяные грамоты с несомненностью свидетельствуют, что резана представляет собой меньшую фракцию гривны, чем куна. Однако из приведённых текстов их точное соотношение остаётся неясным.

К счастью, существует две грамоты, всё же позволяющие точно установить это соотношение. Грамота №320/337 была найдена в слое, датированном 1300-ми – 1310-ми гг. Речь в ней идёт о повинностях, уплачиваемых тремя братьями (Милославом, Милонегом и Милогостом) зерном либо деньгами. Двое из братьев притом платили свои доли совместно, тогда как третий – самостоятельно:

... (ов)са полоухторе деже оу тьр... / ... овса •ž(i• оу)[лк]ово • оу радеха •ф• деже
 овса десатам а коуно(о •—) / грёне оу млъслма • со млонего •ф• деже овса • десатам
 н безъ •ī• коуно •б̄• грёне оу мл[л]ого(ст)— / поло патъ деже овса поло деже • а коуно •ī•
 реза[но оу] ... / а коуно •ī• резанъ овса •žī• оулковъ : оу м... / оу ратше оу ривиница п[оло]
 п[ат](ъ деже) ...⁵⁷

Издатель переводит грамоту таким образом, что Милослав и Милонег совместно должны «две гривны без 10 кун», тогда, как Милогост самостоятельно должен уплатить 40 резан. А.А. Зализняк отметил, что «две гривны без 10 резан» равны 40 кунам, что ровно в два раза больше, чем 40 резан в системе КрП. Если денежные повинности исполнялись братьями в равных долях, тогда куна должна быть равна двум резанам.⁵⁸

Такое же соотношение можно вывести из текста грамоты №293, датируемой третьей четвертью XIII в., в которой находим резаны, куны и гривны:

+ ѿ по(п)л къ завидъ : дъвѣма десатѣма гривъ • безъ гривнѣ • нам(ъ по •ž•)
 резанъ • дъвоє • то ти •б̄• гривнѣ н •ī• кунъ • вѣдан волотъковѣн ...
 ... (в)[ъ]зми за са : н кланюса : тон гривнѣ серебрѣ :⁵⁹

В грамоте идёт речь о двойном проценте, который нужно уплатить с суммы в 19 гривен. К сожалению, именно эта сумма оказалась среди утрат грамоты, но издатель уверенно реконструирует её как 7 резан (7:50=14%). Основания к тому следующие: в нашем случае двойной процент (28%) от суммы в 19 гривен будет равен 5 и 8/25 гривны, что составляет ровно 5 гривен и 8 кун, указанных в документе. Издатель в своих подсчётах исходил из соотношения: 1 гривна = 25 кунам = 50 резанам, так как «никакого другого набора исходных цифр (из числа правдоподобных с исторической точки зрения), при котором подсчёт был бы верен, не находится».⁶⁰

Резана как счётная единица отнюдь не особенность именно берестяных грамот. Один из наиболее ранних новгородских документов, сохранившихся в под-

57 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 527.

58 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 527.

59 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 474.

60 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 474.

линнике – духовная грамота Климента (1270 г.), также знает резаны.⁶¹ А, например, из вопрошания Кирикова (1130-е – 1150-е гг.) становится ясно, что в гривне считали по 25 кун.⁶²

Таким образом, оказывается, что ещё и в XIV в. отношение кун к резане оставалось 1:2, как то было и в XI в. Никаких изменений счётная система не претерпела.

Тем не менее, проблема остаётся – штрафы, в *Пространной Правде* исчисленные в кунах, указаны в резанах в *Краткой Правде*. Свидетельство КрП недвусмысленно, и, тем не менее, исследователи, как мы видели, испытывают непреодолимые трудности, пытаясь объяснить эти цифры, исходя из денежного счёта домонгольской Руси. Поскольку соотношение кун и резаны в течение всего периода оставалось неизменным, единственным непротиворечивым объяснением было бы предположить, что в XII в. штрафы выросли в два раза. Но существуют ли к тому основания?

Отсутствие действенного объяснения (при значительных усилиях, затраченных блестящими исследователями на протяжении более чем столетия) указывает, как кажется, на то, что проблема коренится не в изменении денежного счёта с XI по XII вв., но в тексте КрП и в том, как её автор считал деньги. В самом деле, попытки проверить «цифирь» КрП приводят к обескураживающим результатам. Так, например, статья КрП-41 определяет объём церковной десятины:

А шт гривни мечникоу коуна, а в десатиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а шт 12 гривноу смъцю 70 коунъ, а в десатину 2 гривнѣ, а князю 10 гривен⁶³

Как справедливо отметил М.Н. Тихомиров, в обоих случаях десятина составляет не ожидаемую 1/10, но 1/5 часть княжеского дохода (15 кун от 3 гривен, и 2 гривны от 10 гривен).⁶⁴ Если цифры верны, необходимо предположить, что в XI в. церковная десятина была вдвое выше, чем свидетельствуют документы XII в.⁶⁵ Иными словами: за столетие церковь утратила половину своих доходов.⁶⁶

61 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1949, 163.

62 Так, предписывалось за упокой «служити сорокоусты: на гривноу патью, а на 6 коунъ одиноу, а на 12 коунъ двончю» (*Русская историческая библиотека*. Т. 6. *Памятники канонического права*. Изд. 2-е. СПб., 1908, 23–24), из чего заключается, что в гривне было 25 кун.

63 *Правда Русская*. Т. 1, 72–73. Цит. по *Академическому* списку. Интригующей особенностью *Археографического* списка есть «девятинна» вместо «десятины». Впрочем, в *Акад.* другими чернилами и, видимо, позже также исправлено: «девятинна». Тихомиров (Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 73) полагал, что речь идёт о церковном поминовении умерших в течение девяти дней. Но если *девятинна* есть изначальное чтение, уместность платы за церковное поминовение среди судебных пошлин невозможно объяснить.

64 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 72–73.

65 А, кроме того: если близко к моменту своего возникновения (установления) церковная десятина равнялась *пятой* части княжеских доходов, как же возникло её название, несомненно апеллирующее к *десятой* доле?

66 Собственно, М.Н. Тихомиров так и утверждал (Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 73). А.А. Гиппиус предположил, что, как ни странно это может выглядеть, но десятина в 1/5 княжеских доходов действительно практиковалась в Новгороде. В подтверждение он сослался на берестяную грамоту №739 (1120-е – 1150-е гг.), которая предположительно говорит

В своём месте мы ещё вернёмся к этому любопытному казусу. Здесь же важно отметить, что КрП содержит нечто настолько странное, что все попытки объяснить это как часть нормального порядка вещей обречены на неудачу. Манера, в которой автор КрП считает деньги, не «архаична», но настолько своеобразна, что не совпадает ни с одной денежной системой, будь то XI, XII или XIV в.

именно о такой десятина и тем самым подтверждает расчёты КрП. Грамота представляет собой начало письма (две неполные строки):

отъ глѣбка к[ъ] воло[ча](н)[омъ въ]дд[нѣ]
семѹ днаку :ѣ: н гри#: църкѣвнѹю стрѣже...

После поправок издателя, перевод грамоты выглядит следующим образом: «От Глѣбка к волочанам. Дайте этому дяку 5 и гривну церковную...» (Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*, 291). Можно предполагать, что цифра «5» стоит вместо «5 гривен» и что эта сумма представляет собой некую подать (а на самом деле дань в пользу князя, ибо только с неё бралась десятина), сверх которой причиталась ещё и «церковная гривна». Но с равным основанием можно предполагать, что «5», даже если это указание на число гривен, не подать, а, скажем, долг или возмещение за какие-то услуги, и что «церковная гривна» не связана с предыдущей суммой, но тоже представляет собой какой-нибудь долг церкви. Текст слишком краток для того, чтобы на основании нескольких слов пересматривать столь важный вопрос, как размер церковной десятины. О возможном происхождении размера «десятины» в статье КрП-41 см. прим. 201.

Возвращаясь к исходным фактам

Краткая Правда представляет собой настолько «заинтерпретированный» текст, что исходные обстоятельства, с ней связанные, со временем потеряли значение фактов. Многие поколения исследователей оперируют всё нарастающим количеством предположений, гипотез и конъектур, как будто они-то и есть факты, практически никогда не прорываясь за пределы этого круга. Между тем, помнить факты необходимо.

КрП не просто чрезвычайно редкостный памятник – её текст уникален. Она дошла до нас всего в двух копиях: *Академическом* и *Археографическом* списках. Оба они представляют собой списки (соответственно – *Академический* (рукопись середины 1440-х гг.) и *Комиссионный* (рукопись середины XV в.))⁶⁷ *Новгородской первой летописи младшего извода*. Оба восходят к общему протографу начала XV в., а это с необходимостью ведёт к заключению, что (по крайней мере, в своём нынешнем виде) КрП возникает в единственном тексте начала XV в.

Это довольно странная традиция передачи для текста законодательного памятника, тем более сколько-нибудь важного (каким, несомненно, представляется КрП в историографии). КрП не засвидетельствована ни в одном сборнике светского или церковного права, в отличие от гораздо более многочисленных списков ПрП. Будучи предположительно на полтора века «старше» своего пространного двойника, КрП существует в списках, которые «моложе» на полтора столетия.

Древний составитель НПЛмл должно быть позаимствовал текст КрП из внелетописного источника, но отсутствие рукописной традиции делает это предположение маловероятным. Можно возразить (и возражают), что отсутствие развитой рукописной традиции не предопределяет однозначно суждение о доброкачественности или происхождении текста. Процент уцелевших домонгольских рукописей настолько ничтожен, что многие важные тексты дошли до нас в немногочисленных или даже единичных копиях. Так, к примеру, первая редакция *Хроники* Георгия Амартола сохранилась в единственном экземпляре (XIII в.), в то время, как списки второй редакции многочисленны. Подобным же образом старшая редакция *Новгородской первой летописи* сохранилась в единичном *Синодальном списке*, при несколько более благополучном количестве списков младшей редакции. Впрочем, насколько бы важными ни были эти и подобные примеры, они относятся только к нарративным текстам (а число этих рукописей никогда и не было значительным). Для законодательного памятника, по видимости имевшего длительную историю практического употребления, необходимо предполагать иную традицию передачи, как в смысле состава рукопи-

67 Клосс Б.Н. Предисловие к изданию 2000 года. ПСРЛ 3: vi-vii.

сей, так и их числа. Случайно ли, что приведённые выше в качестве возражений примеры как раз и доказывают, что модель передачи КрП соответствует именно нарративным, но не юридическим текстам?

Противоположное предположение – составитель НПЛмл заимствовал текст КрП из предшествующего новгородского летописного свода – наталкивается на отсутствие КрП во *всех* летописях до НПЛмл, в том числе и в старшем изводе НПЛ, *Синодальном списке* (по счастью, сохранившемся именно начиная со статьи 1016 г. Если бы утрата в *Синодальном списке*, упаси Бог, оказалась несколько больше, нет сомнения в том, что сегодня главным доказательством древности КрП было бы утверждение, что она действительно читалась в утраченной части летописи).

Иная аргументация в пользу КрП заслуживает того, чтобы кратко взвесить её основательность в этом месте. Летопись представляется идеальным «переносчиком» для КрП. Но если не летопись, какой иной тип «переносчика» можно было бы вообразить для КрП, если она и в самом деле существовала в XI в.? Можно предполагать, что, как юридический текст, теоретически КрП могла бы быть включена в состав *Кормчей книги*. Поскольку некоторые поздние редакции *Кормчих* имеют в своём составе ПрП, можно было бы думать, что пространная версия заменила собой некогда содержавшуюся там КрП. Это был бы удобный аргумент – ни одного списка *Кормчей* не сохранилось от XI в., а древнейший (*Ефремовская кормчая* XII в.) дефектен. В нём отсутствует окончание, то есть именно та часть, где, как мы бы ожидали, должна была находиться КрП. В XIII в. на Руси появляется новая, сербская редакция *Кормчей* (представленная *Рязанской кормчей*), но в ней, разумеется, было бы напрасно ожидать древнерусской КрП. К концу XIII в. создается т.н. «Русская кормчая» путём слияния сербской и древнеславянской (типа *Ефремовской кормчей*) редакций. Именно в некоторых последующих изводах этой русской редакции мы и находим *Пространную правду*. Учитывая всё это, энтузиаст КрП мог бы сконструировать следующий аргумент: древнеславянская *Кормчая* могла содержать КрП, но имеющиеся ранние свидетельства слишком фрагментарны и, к тому же, дефектны. К тому времени, когда появляются твёрдые свидетельства, *Кормчая* уже сделала выбор в пользу ПрП. Доказать отсутствие КрП в ранних *Кормчих*, таким образом, невозможно. Энтузиаст мог бы пойти ещё дальше и утверждать, что ничего странного в отсутствии ранней традиции КрП на самом деле нет – именно это отсутствие и есть намёком на древность.

Кормчая – сборник канонического права. Будучи собранием светского и княжеского законодательства, КрП выглядит довольно чужеродно в таком окружении. Древнейшая история *Кормчей* на Руси, как она восстанавливается новейшими исследователями, не предусматривает в ней места для КрП. Действительно, *Ефремовская кормчая* утратила окончание. Однако иные списки с неё, сделанные в то время, когда рукопись находилась ещё в исправном состоянии, свидетельствуют, что *Правды* (ни КрП, ни ПрП) в *Ефремовской кормчей* не было.⁶⁸ Так же не включала КрП и созданная в конце XIII в. русская редакция

⁶⁸ О Ефремовской кормчей и её списках см.: Шапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.* М., 1978, 40–48, 100–116.

Кормчей, как можно заключить по *Волынской* редакции. Я.Н. Щапов предложил следующий убедительный сценарий, призванный объяснить, как и когда *Правда* оказалась так включена в *Кормчую*. Согласно Щапову, это случилось в Новгороде в конце XIII в. и *Синодальная кормчая* 1282 г. (новгородского происхождения), собственно, и есть первой, включившей в свой состав ПрП. Впоследствии ПрП распространялась вместе со списками кормчих новгородского или псковского происхождения.⁶⁹ Включение светского законодательства в состав сборника церковного права исследователь объяснил специфическими условиями именно Новгорода, где – в отличие от иных земель Руси – архиепископ обладал обширными светскими прерогативами. Действительно, можно думать, что в это же время (т.е. в конце XIII–XIV вв.) в иных землях Руси, где соотношение между светской и духовной властью было иное, чем в Новгороде, ПрП входила в состав сборников светского права, подобных *Мерилу праведному*.

Таким образом, правдоподобность «сценария *Кормчей*» на самом деле кажущаяся. Настаивая на нём, нужно ответить на ещё один неприятный вопрос: в XV в., когда списки *Славянской кормчей* уже давно вышли из употребления и были заменены редакциями, содержащими либо текст ПрП, либо в них вовсе не было никакого текста *Правды*, откуда бы редактор НПЛмл мог позаимствовать свой текст КрП?⁷⁰

Итак. Если КрП когда-либо функционировала как актуальный свод законов и использовалась в судопроизводстве, *все* её списки оказались уничтожены. Если она была очень рано включена в летопись и передавалась в рамках летописной традиции, *все* летописи также оказались уничтожены.

Одним словом, если КрП и существовала до начала XV в. (а к этому времени её возраст исчислялся бы почтенными четырьмя сотнями лет), она не оставила *никаких* следов своего существования. Она возникла *ex nihilo* в начале XV в.

Обычно, текст с подобными рекомендациями должен был бы быть зачислен в разряд *spuria* и пребывать там до окончательного «установления личности». В любой критической дисциплине бремя доказательства было бы возложено на сторону, пытающуюся обосновать его древность.

Но всё дело в том, что КрП была открыта и попала в канон ещё до того, как концепция *spuria* проникла в российскую науку, и даже до того, как история в России превратилась во вполне научную дисциплину. Когда пришли университеты, университетские профессора и критическая историография, КрП уже была «на месте». Её легитимность никто не стал проверять.

Но чем, в сущности, является КрП для людей, не воспитанных в традициях российской науки? Не более, чем фрагментом летописи XV в. Представим себе на минуту, что НПЛмл была открыта не Василием Татищевым в начале XVIII в.,

69 Щапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие*, 221–224.

70 Нужно признать, что пространство для сомнения всё же существует. К сожалению, нам неизвестен ни один домонгольский сборник светского законодательства (даже в поздних копиях). Так что, строго говоря, неясно, как в XI–XIII вв. выглядели списки *Правды*. Наличие свидетельства позволяют только утверждать, как эти списки *не могли* циркулировать. Дальше – необозримый простор для домыслов.

но, скажем, столетием позже Павлом Строевым или даже двумя столетиями позже Алексеем Шахматовым. Каков оказался бы статус летописного фрагмента, отысканного в поздней и недавно введённой в оборот летописи? Университетскому профессору понадобилось бы всё его мужество, чтобы поставить на карту репутацию, утверждая, будто этот фрагмент – наиболее древний текст из когда-либо написанных в Восточной Европе. Поразительно, но современный профессор скорее упрочит свою репутацию, защищая идею, которая на интернет-форуме любителей-историков нисколько не выделялась бы экстравагантностью.

Краткая правда и Пространная правда

Упомянув в одной из статей об установлениях сыновей Ярослава, сделанных после смерти отца, КрП представляет себя (хотя бы отчасти) как кодекс, изданный Ярославичами. В то же время ПрП – и даже более решительно – также рекомендует себя как кодекс, изданный Ярославичами. Объём законодательства, однако, отличается разительно. Главным вопросом текстологии КрП, таким образом, есть её отношение к тексту ПрП.

Для большинства исследователей никакой проблемы здесь не сокрыто. Предполагается, что текст ПрП вырос из текста КрП. Обратная возможность практически не обсуждается (разве с риторической целью демонстрации абсурдности подобных предположений). Весьма показательно высказался М.П. Присёлков вскоре после публикации первого тома академического издания *Правды*:

*Не думаю, чтобы из современных историков кто-либо стал утверждать, что Краткая редакция есть опыт сокращения редакции Пространной, т.е. позднейший против последней момент из истории «Русской Правды». Наоборот, все историки высоко ценят Краткую редакцию именно как более древний этап жизни «Русской Правды».*⁷¹

Однако понять, на чём зиждется столь глубокая уверенность поколений исследователей, не так просто. Тавтологические утверждения, что практически весь текст КрП вошёл в текст ПрП, считаются достаточным доказательством направления заимствования. Подобный аргумент, впрочем, будет справедлив при любом направлении заимствований, и даже более справедлив, если КрП развилась из ПрП. В самом деле, процесс расширения текста с большей вероятностью может привести к случайным пропускам или сознательным сокращениям фрагментов оригинала. Напротив, при сокращении текста в конечном продукте не будет ничего, что прежде не содержалось бы в оригинале.

Удивительно, но при всеобщей убеждённости в том, что КрП послужила основой для текста ПрП, в литературе не найдём суждений, как именно текст КрП распределился в тексте ПрП (и если как-то необычно, то почему это могло бы произойти). Исследователи становятся удивительно уклончивыми, когда приходится давать прямые ответы. В лучшем случае мы находим обсуждение нескольких избранных фрагментов, но не фронтально всего текста. Соотношение текстов лучше всего демонстрируют таблицы соответствия статей двух *Правд*. Но подобные таблицы – «редкий зверь» в исследованиях *Правды*,⁷² их трудно

71 Присёлков М.П. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды. *Исторические записки*. Т. 16. М., 1945, 240.

72 Например, группа исследователей, подготовившая во всех отношениях образцовое для своего времени трёхтомное академическое издание *Правды* (1940–1953 гг.), не включила в

использовать,⁷³ а кроме того – парадоксальным образом – многие из них представляют тексты в обратном соотношении, беря за основу ПрП, как правило, *Троицкий* список.⁷⁴

Нерасположенность исследователей *Правды* в деталях обсуждать проблему того, как именно и почему именно таким образом текст КрП оказался инкорпорированным в тексте ПрП, странна.⁷⁵ Учитывая природу текстов, особенно податливых для того, чтобы быть представленными в виде таблицы, а также цену вопроса, подобное нежелание равноценно молчаливому признанию неких серьёзных проблем, которые может проявить сопоставление. И в самом деле, как только таблица соотношения текстов составлена, нежелание становится объяснимым. Она тотчас ставит перед исследователем весьма неприятные вопросы.

Действительно, предположим, что КрП стала основой (или даже шаблоном) для постепенного распространения текста, в конечном итоге вылившись в ПрП. Теоретически можно было бы ожидать одного из двух сценариев, приводящих к двум различным вариантам распределения текста КрП внутри ПрП. Редакторы ПрП могли рассматривать текст КрП как особо древнюю и почитаемую грамоту, не подверженную благодаря этому изменениям. В этом случае они пополняли бы её, добавляя новые установления в конце, и, следовательно, текст нарастал бы с каждым новым слоем, откладывающимся «на дне» текста. Или, наоборот, будущие редакторы могли бы рассматривать текст КрП не как застывший, но как динамический, подверженный редакционным вмешательствам. В таком случае дополнения вставлялись бы между уже существующими нормами, так что текст нарастал бы более-менее равномерно по всей его длине. При любом из сценари-

него подобной таблицы, хотя не поспешила на место для многих других. За единственным исключением, ни одно из изданий *Правды*, появившееся после Второй мировой войны, не включает таблицы соответствий между КрП и ПрП.

- 73 Поскольку разделение текста на индивидуальные статьи зависит от интерпретации смысла, долгое время учёные не могли договориться о единых принципах нумерации. Дореволюционные исследователи либо использовали разделение статей, предложенное в издании Калачёва, либо разрабатывали собственное, как, например Василий Сергеевич в собственном издании *Правды* (см.: *Русская Правда в четырёх редакциях. По спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского с дополнениями и вариантами из других списков*. СПб., 1904). После Второй мировой войны распределение текста на статьи и их нумерация, принятые в академическом издании 1940 г., стали стандартными и, таким образом, все старые таблицы устарели непоправимо.
- 74 См., например: Чернов Володимир. До питання про аналіз тексту Короткої Руської Правди. *Заніски історико-філологічного відділу Української академії наук*. Т. 20. К., 1928 (табл. на с. 89) или же издание А.А. Зимина: *Памятники права Киевского государства X–XII вв.* М., 1952 (табл. на с. 224–225). М.Н. Тихомиров, опубликовавший *Правду* и вовсе без таблиц, тем не менее, заметил: «сравнение Краткой правды с Пространной правдой удобнее всего производить, взяв за основание текст Пространной правды в Троицком списке» (Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 197).
- 75 В.И. Сергеевич, например, опубликовал сопоставительную таблицу, но только в примечании к статье (Сергеевич В.И. Русская правда и её списки. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1899, №1, 16, прим. 1) и не потрудился воспроизвести её в расширенном тексте своих *Лекций и исследований по древней истории русского права* (СПб., 1910). Аналогичным образом А.А. Зимин, опубликовав таблицу (крайне неточную) в издании *Памятников права Киевского государства*, не видел причин повторять её в специальном исследовании о *Правде* (впрочем, монография Зимина издана посмертно, так что решение могло принадлежать редакторам).

ев изначальная структура КрП (последовательность статей) сохранялась бы, и её возможно было бы проследить, вычитая все нововведения.

Чтобы наши «сценарии» не казались умозрительными, укажу на взаимоотношение краткой и пространной редакций *Закона судного людем*, представляющее хороший пример второго сценария. Распространяя краткую редакцию, пространная в целом сохранила её изначальную структуру внутри нового обширного текста.⁷⁶ Наиболее известный пример первого сценария – списки *Повести временных лет*, где позднейшие редакторы оставляли нетронутым текст древней летописи, добавляя местные известия в конце.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае предполагается процесс постепенного и медленного нарастания текста в течение длительного времени и в результате деятельности, вероятно, многочисленных и несогласованных интерполяторов. Именно таков общепринятый образ возникновения ПрП из изначального ядра, представленного в КрП. Хотя в некоторых случаях полная перестройка текстов, в том числе и юридических, действительно может быть продемонстрирована, она оказывается результатом сознательных и единовременных усилий одного автора (притом, осознающего своё авторство).

Предыдущая историография, как кажется, наметила для развития *Правды* первый из наших сценариев. Предполагая в первых восемнадцати статьях («Древнейшая правда») грамоту Ярослава, а в последующих – дополнения, сделанные его сыновьями («Правда Ярославичей»), к которым ещё позже Владимир Мономах добавит свой «устав», молчаливо признают, что текст *Правды* должен был нарастать последовательными пластами, подобно тому, как откладываются археологические или геологические пласты. Так ли это?

Таблица 1: Структурное соотношение между текстами КрП и ПрП

КрП	ПрП
1	1
2	29
2	30
3	25
4	23
5	27
6	27
7	28
8	X
9	24
10	31
11	32

⁷⁶ Издания текстов см.: *Закон судный людем краткой редакции*. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961; *Закон судный людем пространной редакции*. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.

12	33
13	34
14	35
15	47
16	38
17	65
18	2
18	X
19	1
19	3
20	3
21	40
22	11
22	12
23	X
24	13
25	14
26	16
27	17
28	45
29	38
30	29
31	41
32	75
33	78
34	72
35	79
36	81
37	81
38	40
39	82
40	42
41	X
42	9
42	10
43	97

Как становится очевидно из табл. 1, ни один из сценариев, похоже, не имел места в нашем случае. Изначальная последовательность статей КрП оказывается совершенно разрушенной, и они распределены по тексту ПрП абсолютно произвольным образом. Никакой системы в таком распределении установить

не удаётся и никакой внятной логики за таким раскладом не угадывается. Для того, чтобы объяснить подобное распределение, нам придётся предположить необычные сценарии: либо никакой логики в тексте КрП и не было изначально, а редакторы ПрП это знали и позволяли себе импровизировать; либо сами эти редакторы не руководствовались логикой при переработке текста КрП в ПрП и не преследовали никакого последовательного плана.

Приходится предположить, что КрП не могла послужить основой для создания ПрП, во всяком случае, КрП, как мы её знаем и в пределах нормальных практик средневековых писцов. Не случайно В.И. Сергеевич был вынужден признать:

Мы не имеем возможности следить за порядком составления списка второй [т.е. ПрП – А.Т.] редакции. За исключением четырёх статей (17, 20, 21, 41), он включает в себе все статьи списков первой фамилии [т.е. КрП – А.Т.], но в крайне перебитом порядке, и чем он тут руководствовался, это остаётся для нас совершенно неясным.⁷⁷

Необходимо, следовательно, рассмотреть противоположную возможность – могла ли ПрП стать основой для КрП? Тут нас ожидает ещё один сюрприз.

Таблица 2: Структурное соотношение между текстами ПрП и КрП

КрП	ПрП		
1	1		18
19	1		19
18	2		20
19	3		21
20	3		22
	4	4	23
	5	9	24
	6	3	25
	7		26
	8	5	27
42	9	6	27
42	10	7	28
22	11	2	29
22	12	30	29
24	13	2	30
25	14	10	31
26	16	11	32
27	17	12	33
		13	34

⁷⁷ Сергеевич В.И. Русская правда и её списки, 16. Владимир Чернов пытался сгруппировать статьи КрП каким-то разумным образом, но делал это без оглядки на их действительное место внутри ПрП (Володимир Чернов. До питання про аналіз тексту Короткої Руської Правди, 90).

14	35	15	47
	36	17	65
	37	34	72
16	38	32	75
29	38	33	78
	38	35	79
	39	36	81
21	40	37	81
38	40	39	82
31	41	43	97
40	42	8	X
	43	18	X
	44	23	X
28	45	41	X
	46		

Как видно из табл. 2, предположив, что движение текстов происходило в обратном направлении, то есть от ПрП в КрП, мы сталкиваемся с таким же совершенно случайным распределением статей ПрП по тексту КрП, не обнаруживающим системы. Это тем более удивительно, что на этот случай у нас есть замечательный контрольный пример в виде *Сокращённой* правды, действительного сокращения текста ПрП. Как демонстрирует любая таблица соотношения текстов (и исследователи не стыдятся их публиковать), *Сокращённая* правда следует изначальному расположению и последовательности статей своего оригинала.⁷⁸

Никакого осмысленного текстологического отношения между двумя текстами на основании сопоставительных таблиц установить не удаётся. Приходится, следовательно, заключить, что два текста вообще не родственны и никак не связаны между собой. Этот очевидно напрашивающийся вывод, однако, принять невозможно, ибо, если не структурно, то содержательно КрП и ПрП всё-таки обнаруживают родство, а, значит, тексты так или иначе, но взаимодействовали. Оба заключения корректны, но несовместимы. Это может означать, что некое существенное звено головоломки отсутствует. Будучи найдено и поставлено на положенное ему место, оно сделает всю картину осмысленной.

⁷⁸ См.: *Памятники права Киевского государства X–XII вв.*, табл. на с. 224–225.

Краткая правда и новгородское летописание

КрП дошла только в составе списков младшего извода *Новгородской первой* летописи XV в. Для аутентичности любого другого текста это составляло бы серьёзную проблему. Станным образом связь КрП с летописанием (и притом именно с НПЛмл) только способствовала её репутации как древнего законодательного памятника.

Это стало возможным благодаря тому огромному влиянию, которое на несколько поколений исследователей оказали идеи и схема древнерусского летописания, разработанные А.А. Шахматовым. Знаменитый филолог, как известно, одной из существеннейших своих задач полагал объяснить, как КрП попала в состав летописи, когда это произошло и почему ни один из летописных сводов ранее НПЛмл не сохранил её текст. Его схема летописания, среди прочего, создавалась в расчёте на такое объяснение. Канонизация шахматовских идей в науке XX в., при которой гипотетические реконструкции начали восприниматься как реально существовавшие летописи, стала одним из существеннейших элементов в доказательстве древности КрП.

Для историков XVIII и XIX вв. то обстоятельство, что КрП находится в летописи, не представляло собой проблемы её аутентичности. Во-первых, ещё бытовало наивное представление о летописях и допускалось, что летописи записывают события в тот же год, под которым известие и стоит в тексте. Во-вторых, существовала надежда, что когда-нибудь и где-нибудь непременно всплывут и иные списки КрП, либо в других летописях, либо в юридических сборниках. Дошахматовская наука довольно смутно представляла, сколько существует летописей, каковы их текстуальные связи, когда и как сформировался их состав. Теперь, когда фонд дошедшего летописания известен практически исчерпывающе, мы имеем весьма точное представление о том, какого состава летописи могли существовать, а в каком составе их представить невозможно. Это стало возможно, в том числе, и благодаря титаническим усилиям Шахматова. Сегодня мы не только утратили надежду на появление новых списков КрП, но и точно знаем, что нигде кроме списков НПЛмл она не могла содержаться. КрП – отличительная черта именно и только одного из видов новгородской летописи.

В отличие от его предшественников (в большинстве своём – историков права), от Шахматова не скрылись странности передачи древнейшего памятника права исключительно внутри летописной традиции. Так же очевидно для него было и то, что позднее происхождение летописи, в которой обнаружена КрП, требует своего объяснения. Где же КрП была до XV в.? В самых общих чертах найденное исследователем решение можно сформулировать так: отсутствие иной, кроме летописной, традиции указывает на то, что КрП была включена в состав летописи на самой заре летописания. Если бы ей нашлась точка «входа»

близко к основанию генеалогической схемы русского летописания, проблема решалась бы совершенно удовлетворительно.

Созданная Шахматовым картина развития летописания от XI до XVI вв., по существу, полное генеалогическое древо всех сохранившихся до наших дней летописей, поражала не только грандиозностью, но и точным указанием «предков» и «потомков» для практически каждого памятника. Она оказалась безоговорочно признанной и в течение последующего столетия служила своего рода «чертежом» для всех разысканий в области летописания. Вместе с тем, она оказалась и лучшим (ибо «научным») ручательством древности КрП, поскольку доказывала возможность передачи её текста внутри летописания, пускай даже и при помощи теоретически восстанавливаемых (а, значит, попросту утраченных) сводов. Во многом схема раннего летописания и древность КрП оказались взаимно подпирющими друг друга концепциями: наличие КрП в составе реконструируемой летописи свидетельствовало о её древности, а древность КрП удостоверялась «ранним» местом содержащей её летописи на генеалогическом древе.

Со времён Шахматова ни одно серьёзное исследование о *Правде* не может считаться завершённым без обсуждения возможного места КрП в раннем русском летописании и того, как она мигрировала из летописи в летопись вплоть до XV в. Поучительно, поэтому, рассмотреть несколько главнейших попыток, даже если основным результатом такого обзора станет демонстрация, как далеко по пути натяжек и произвольных предположений готовы были зайти исследователи, чтобы оправдать древность КрП.

Наиболее существенная текстологическая проблема очевидна. Появляясь впервые в составе НПЛмл, КрП не засвидетельствована в непосредственных источниках этой летописи. Ни ПВЛ, ни *Синодальный* список («старший извод» новгородской летописи) не только не содержат текста КрП, но даже упоминаний о *Правде*. Каким же образом КрП оказалась в составе НПЛмл, если допускать, что она, в самом деле, древний текст?

Для текстолога меньшего калибра, чем Шахматов, отсутствие КрП в ПВЛ и летописях, развившихся из неё, а также в *Синодальном* списке означало бы, что КрП не могла попасть в летопись ранее (по самым консервативным оценкам) второй половины XIV в. Шахматова подобные препятствия никогда не останавливали. Его схема развития новгородского летописания была настолько сложна, изобиловала таким количеством гипотетических стадий, что, в принципе, могла включать любой текст.

Шахматов полагал («не сомневаюсь»), что текст КрП появился в составе НПЛмл в XV в. (т.е. в момент формирования самой летописи) из одного из её летописных источников. Он утверждал, что фрагмент был заимствован из гипотетического «свода 1448 г.», поскольку и в *Новгородской четвёртой*, и в *Софийской первой* летописях есть и упоминания о выдаче грамоты и даже текст ПрП. В свою очередь, гипотетический «свод 1448 г.» своими источниками имел ПВЛ, *Синодальный* список и гипотетический «общерусский свод 1423 г.» Поскольку ни в одном из двух реальных текстов КрП нет, она должна была содержаться в несохранившемся «своде 1423 г.», а тот, в свою очередь, перенял её из гипотети-

ческого «Новгородского владычного свода», отражающего (мы уже догадались) гипотетический же «свод 1167 г.»⁷⁹ Понятно, почему Шахматов вынужден был послать КрП по столь далёкому обходному пути – в своём движении к НПЛмл она должна была разминуться с *Синодальным* списком.

Шахматов, далее, предположил, что свод 1167 г. заимствовал КрП из гипотетического «новгородского свода 1050 г.» Однако грамота, несомненно, попала в летопись ещё раньше, сразу же после того, как была издана Ярославом в 1016 г. Таким образом, впервые она читалась в постулируемой Шахматовым «новгородской летописи 1017 г.»⁸⁰

Придя к такому заключению, исследователь тут же заметил его очевидное опровержение: КрП упоминает сыновей Ярослава, а между тем должна была читаться в летописи задолго до того, как они родились. Выход из затруднения представлялся Шахматову очевидным: текст КрП заменил собой какой-то иной документ с именем Ярослава в заголовке, вероятнее всего, именно тот (гипотетический) оригинал Ярославовой грамоты Новгороду, которую князь действительно издал в 1016 г. Эта оригинальная древняя грамота, полагал Шахматов, хранилась в Новгороде как особо чтимый предмет («святыня») и всё ещё использовалась в середине XIII в.⁸¹

Шахматов не уточнил только два, но наиболее важные для нас момента – когда же произошла подмена «святыни» в летописи и зачем это нужно было делать?⁸²

Последующим исследователям набросок Шахматова представлялся удовлетворительным объяснением, однако не во всех звеньях одинаково убедительным. Пытаясь уточнить сомнительные моменты, они, впрочем, только увеличивали степень гипотетичности и без того весьма смелого построения.

М.Н. Тихомиров следовал Шахматову, но до известного предела. Он заметил, что С1 упоминает изданные Ярославом грамоты дважды: под 1019 и 1035 гг., и в хронологическом отношении это оказывается более точным, чем 1016 г. НПЛмл, а, значит, и первичным известием. Однако в С1 под 1019 г. читается текст ПрП, а не КрП. Это обстоятельство не может означать ничего иного, кроме: редактор С1 заменил текст КрП своего источника на текст ПрП. Поскольку (в соответствии с Шахматовым) НПЛмл и С1 родственны благодаря общему предку, в этом последнем КрП читалась, но не под 1016, а под 1019 г. Выпустив несколько «передаточных звеньев», Тихомиров избрал на роль такого общего предка «новгородский свод 1167 г.»⁸³ Это означало, что КрП вошла в летописание во второй половине XII в. (Тихомиров не мог опускать «точку входа» ниже, поскольку полагал, будто КрП окончательно сформировалась именно в XII в.).

79 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах* (здесь и далее цитируется по изданию: Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1, ч. 1. СПб., 2002, 156).

80 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 338.

81 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 339.

82 И возражение в стиле Шахматова, но уже для примечания. Если «святыня» хранилась в новгородском архиве, почему же никто не заметил подмены и не восстановил древний документ в летописи? Ведь от такой фальшивки летопись явно теряла в авторитете.

83 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 35–40.

Позднее в пользу «новгородского свода 1167 г.» высказался Н.Н. Гринёв. Его идея, однако, состояла в том, что своим нынешним видом единого и сплошного текста КрП обязана именно редакторской деятельности летописца, соединившего в 1167 г. четыре различных документа для того, чтобы включить их в летопись.⁸⁴

Шахматов никогда так и не определил точнее, в каком отношении КрП стоит к его другому важнейшему открытию – «Начальному своду» 1090-х гг. Однако то обстоятельство, что «точкой входа» он определил наиболее ранние летописи Новгорода, наводило на мысль, что КрП могла оказаться занесённой и в «Начальный свод 1093 г.» Эту подсказку подхватил М.П. Присёлков, утверждавший, что в начале XV в. редактор новгородского владычного свода обнаружил «киевский свод XIII в.», включавший «Начальный свод» 1093 г. Где-то среди дополнительных материалов, присоединённых к «Начальному своду», находилась и КрП. Натолкнувшись на неё, редактор новгородского владычного свода решил поставить её на надлежащее место, иными словами – в статью 1016 г.⁸⁵

А.А. Зимин также полагал, что КрП читалась в «Начальном своде», но набросал для неё несколько отличный маршрут. Он предположил, что в XV в. редактор НПЛмл натолкнулся на рукопись (гипотетического) новгородского «свода Всеволода Мстиславича» 1130-х гг. Здесь он разыскал текст КрП и скопировал её в собственную летопись. В свою очередь, «свод Всеволода 1130-х гг.» основывался на «Начальном своде» 1093 г. и, вероятнее всего, заимствовал КрП вместе с остальным материалом оттуда.⁸⁶

Вероятно, идея происхождения КрП из «Начального свода» своей сравнительной популярностью обязана расхожему (и упрощённому) представлению о шахматовских идеях. Поскольку Шахматов реконструировал «Начальный свод» именно на основании НПЛмл, эта последняя стала со временем едва ли не синонимична «Начальному своду». Следовательно, привычно полагают, что всё, что находится в НПЛмл и, напротив, не находится в списках ПВЛ – из «Начального свода». Между тем, идея наличия КрП в «Начальном своде» уязвима. Прежде всего потому, что не разъясняет, почему якобы основанная на «Начальном своде» ПВЛ не знает ни текста КрП, ни даже летописной статьи о её издании. Предположим, Сильвестр выбросил КрП. Но каковы бы могли быть его мотивы? Ведь он дотошно собирал иные «грамоты» киевских князей и внёс в свой текст довольно значительные документы – договоры Руси с Византией.

Концепция «Начального свода» со времён Шахматова претерпела существенную эволюцию. В новейших работах А.А. Гиппиус отстаивает мнение, что «Начальный свод» возможно отчётливо проследить в тексте НПЛмл только до 6523 г. (1015 г.). За этой чертой «Начальный свод» лишь угадывается в качестве содержательной подосновы ПВЛ, но точная атрибуция тех или иных текстов крайне затруднена, если вообще возможна. Именно «за чертой осёллости», ус-

84 Гринёв Н.Н. Краткая редакция Русской правды как источник по истории Новгорода XI в. *Новгородский исторический сборник*. Т. 3 (13). Л., 1989, 20–42.

85 Присёлков М.П. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды, 238–250.

86 Зимин А.А. *Правда Русская*, 44–47.

тановленной для «Начального свода» в новейших работах, должна была бы находиться КрП. А это означает, что даже в рамках традиционных постшахматовских представлений утрачены последние текстологические основания вообще помещать её в «Начальный свод».

Не так давно Т.Л. Вилкул предприняла радикальный пересмотр концепции «Начального свода» как та представлена у Шахматова и основных его последователей. Исследователь отстаивает весьма простой и экономный сценарий происхождения текста НПЛмл за X–XI вв. как непосредственного компилирования из текста ПВЛ и текста *Синод*.⁸⁷ В этом сценарии возникновения НПЛмл, решительно устраняющем нагромождение гипотетических «сводов» (где до сих пор «обитала» КрП), места для неё не находится.

Постепенно возникающее новое представление о том, чем является ПВЛ, делает гипотезу о КрП в «Начальном своде» ещё менее правдоподобной. Как в последних исследованиях отмечает А.А. Гиппиус, есть основания принять предположение Алана Тимберлейка,⁸⁸ что «Начальный свод» (после своего завершения в 1091 г.) пополнялся погодными записями вплоть до момента создания на его основе ПВЛ.⁸⁹ Это (возможно по неосторожности пророненное) признание, вообще говоря, может иметь далеко идущие последствия для реконструкции «Начального свода». Следом за А. Тимберлейком А.А. Гиппиус отмечает, что «анналистическое продолжение» «Начального свода» (за 1092–1112?–1115? гг.) вошло в ПВЛ без изменений. Это ответственный вывод, исходящий из общих представлений о том, как последующий летописец работал с унаследованным материалом своего предшественника. Оказывается (*passé* Шахматов), летописец «копировал», а не «редактировал». Но в чём тогда основания полагать, будто другие части этого гипотетического свода подверглись иной (более глубокой) степени переработки? Смыкание «Начального свода» с ПВЛ путём непрерывной цепи погодных записей разрушает фундаментальную для Шахматова (и позволяющую постулировать «глубокую переработку» текста) идею дискретных, значительно отстоящих хронологически, решительных актов литературной деятельности – «сводов». Мы, вероятно, вскоре вернёмся к более «нормализованному» образу киевского летописания XI – начала XII в. как, в основе своей, постоянному и непрерывному процессу накопления погодных записей. Но потенциально новые идеи о «Начальном своде» и ПВЛ (при додумывании их до конца) приводят к выводу о том, что «Начальный свод с анналистическим продолжением» и есть, собственно *Повесть временных лет*, составленная после 1115 г.

87 Татьяна Вилкул, «Новгородская первая летопись и «Начальный свод»,» *Paleoslavica*, XI (2003), 5–35. О КрП см.: 17, прим. 57 и 18, прим. 59. О сомнениях относительно «Начального свода» в том виде, как его предполагал Шахматов, см. также в: Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы XI–XIII вв.* СПб., 2003, 47–53.

88 Alan Timberlake, «Redactions of the Primary Chronicle,» *Русский язык в научном освещении*. 2001, №1, 208–212.

89 Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I. *Славяноведение*. 2007, №5, 23–25.

В заключение этой части наблюдений уместно будет поразмышлять ещё над одной загадкой, напрямую относящейся к нашей теме: почему именно в НПЛмл Шахматов увидел следы древней летописи? Сегодня мысль о «Начальном своде» кажется совершенно естественной, как естественно обращаться за ним к НПЛмл. Но во времена Шахматова это была радикальная идея: предположить, что летопись более древняя, чем ПВЛ, может быть открыта в позднем новгородском своде. Каким же образом среди всех новгородских летописей XV в. Шахматов идентифицировал именно НПЛ как содержащую «Начальный свод»? Нам часто кажется, что он представил свои резоны в «Разысканиях» в виде детального доказательства (и ими руководствовался изначально). Обоснование, впрочем, стало результатом огромной текстологической работы в течение многих лет. Но что-то же должно было подсказать, что такая работа не будет напрасной. Что именно в НПЛ сразу бросалось в глаза, как маркер старины?

Известно, что подсказало Шахматову идею «летописи древнее ПВЛ». Как справедливо напомнил Алан Тимберлейк,⁹⁰ под 1093 г. в «Истории Российской» Татищева Шахматов нашёл поучение, заканчивающееся словом «аминь». Для Шахматова это было свидетельством текстуального шва, окончания какой-то летописи, предшествующей ПВЛ – «Начального свода». Дальнейшая работа была обоснованием этой догадки.⁹¹

Но почему Шахматов принялся искать этот свод не там, где нашёл подсказку, а в совершенно другой летописи, в НПЛмл? Что сразу указывало на неё как на возможного подозреваемого? Ответ здесь очевиден – в НПЛмл была *Краткая правда*, древнейший известный памятник права. Ничего подобного не предлагала ни одна другая летопись XV в. Только в НПЛмл был шанс найти предшествующую ПВЛ летопись. Нет ли печальной иронии в том, что величайшее открытие Шахматова было спровоцировано двумя сомнительными свидетельствами – Татищевым и КрП?

90 Alan Timberlake, "Redactions of the Primary Chronicle," 197–198; см. также: Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.*, 51–52; Толочко А. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*, 7 (2008), 164, прим. 54.

91 Надо сказать, происхождение этого места у Татищева неясно. Ни одна из доступных ему летописей не должна была содержать подобного чтения. Напротив, в *Ипатьевской* летописи идентичным образом завершается статья 1111 г. о походе на половцев. Странно то, что выписывая из *Ермолаевского* списка это известие, Татищев по каким-то причинам опускает «аминь» (см.: Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 4. *История Российская. Часть вторая*. М., 1995, 178). Можно предположить, что перемещение такого очевидного маркера окончания летописи из 1111 г. в статью 1093 г. связано с доказательствами авторства Нестора. Нестор, по вычислениям Татищева, должен был писать летопись не позже 1090-х гг. Следующим летописцем был уже только Сильвестр, писавший в 1116 г. «Аминь» в статье 1093 г. как раз и разграничивает тексты двух летописцев:

О конце же летописи Несторовой сказать точно невозможно для того, что Сильвестр и другие, продолжающие по Несторе, хотя в надписании имя Несторова полагали, но своего начала от Несторова окончания не отличали, или после списыватели, от неразумности в том погреша, смешали. Однако же мнится, что оно в 1093-м году, где он, пиша о казнях божеских за грехи, кончит речь таким порядком, как обыкновенно книги русские кончаются: аминь, что и последователь его Сильвестр во окончании своей летописи равномерно положил.

(Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 1. *История Российская. Часть первая*. М., 1994, 120).

Гипотеза о «Начальном своде» в любой из своих модификаций не объясняет иной странности. КрП могла быть или не быть в составе киевского летописания в XI–XII вв. Но она не могла не быть в новгородском летописании. А между тем, древнейший его свидетель – *Синодальный* список (или старший извод *Новгородской первой* летописи) хранит о Ярославовой грамоте полное молчание.

Последнюю по времени попытку совладать с этой проблемой предпринял А.А. Гиппиус при изучении начального новгородского летописания.⁹² Исследователь различает в нём два этапа, совместно ответственные за формирование корпуса известий за XI в. В 1110-х гг. создаётся княжеский свод Всеволода Мстиславича. Этот гипотетический свод основывался на «Начальном своде» («с продолжением по 1115 г.»); в качестве дополнительного источника был использован «новгородский свод XI в.» Около 1132 г. княжеская летопись перешла под патронат епископа и подверглась существенному пересмотру в конце 1160 г. *Синодальный* список отражает состояние новгородского свода до его редактирования в 1160-х гг., тогда, как текст в НПЛмл отражает состояние свода после пересмотра 1160-х гг. Различение между двумя этапами призвано объяснить отсутствие КрП в *Синод.* и наличие в НПЛмл. Как именно?

По мысли Гиппиуса, в источнике «свода Всеволода 1110-х гг.» содержалось только упоминание Ярославовой «грамоты» и «устава», но не текст грамоты. Редактор «свода Всеволода» по идеологическим соображениям и вовсе убрал весь эпизод как предположительно неприличествующий княжескому своду. Так возник вариант *Синод.* Редактор же «владычного свода 1160-х гг.», движимый предположительно противоположными идеологическими соображениями, возобновил вычеркнутые упоминания о Ярославовой грамоте. Он пошёл ещё дальше, подтвердив «грамоту и устав» текстом КрП. Гиппиус предположил, далее, что именно этот последний из вереницы редакторов ответственен за ошибочную хронологию, почему КрП и оказалась вставленной под 1016, а не 1019 г.

Итак, последовательность такова: сообщение о грамоте есть в «своде 1110», удаляется в «своде 1130» и вновь восстанавливается на том же самом месте в «своде 1160». В сценарии Гиппиуса (вопреки некоторой переусложнённости) нет ничего невозможного. Его изъян – тот же, что и сценария Шахматова. Мы не узнаем, где редактор «1160» раздобыл текст КрП и откуда знал, что его место в статье 1016 г.?

Наибольшие сомнения вызывают, впрочем, побудительные мотивы для этих редакторских вмешательств: идеологические соображения, которые современный исследователь приписывает древним летописцам. Ничто не указывает, что «грамота», изданная князем, была бы неуместна в летописи иного князя, его потомка. Тем более грамота, в которой – как в КрП – нет ничего, что могло бы повредить авторитету князя. Как неочевидно, почему владычная летопись никак не могла обойтись без такой грамоты, где епископ и вообще церковь даже не упоминаются. Подобные решения, разумеется, освящены авторитетом Шах-

92 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. Т. 6 (16). СПб., 1997, 3–72.

матова, слишком часто прибегавшего к идеологическим аргументам для обоснования той или иной правки или даже создания новой летописной редакции. Эти идеи, изолирующие «княжеское летописание» и «владычное (церковное) летописание», глубоко укоренены в предрассудках российской историографии (усугублённых советским опытом) об ожесточённом соперничестве, политическом и идеологическом, между светской и церковной властями на Руси, а в Новгороде в особенности. Остаётся неизвестным, действительно ли летописцы руководствовались столь непосредственными идеологическими поводами для высказывания. Но даже если допускать их ангажированность, нет никакой уверенности, что современный исследователь безошибочно верно прочитывает скрытые идеологические мотивы хрониста XI или XII вв.

Если «идеология» выглядит сомнительным толчком к изыманию и повторному возвращению КрП в летопись (а иного – текстологического – мотива найти не удаётся), условия «задачи с тремя неизвестными» исчезают. Если известия о Ярославовых грамотах не изымались в «своде 1130» и не восстанавливались в «своде 1160», быть может, их никогда и не было?

Мораль предыдущего обзора состоит в демонстрации трудностей, испытываемых исследователями при попытках найти для КрП определённое место в генеалогических схемах раннего летописания. Тревожит не столько количество соперничающих и взаимоисключающих гипотез, сколько то единственное, в чём они согласны. В каждой из рассмотренных интерпретаций, начиная с того момента, как она попадает в летописание и до того, как выныривает в НПЛмл, КрП передаётся исключительно гипотетическими «сводами». На всех развилках стеммы, где КрП могла бы войти в летопись, от которой сохранился реальный список, она чудесным образом выбирала гипотетический – по разным причинам и в разные эпохи на протяжении 400 лет редакторы изымали её. Какова вероятность такого сценария?

«По сей грамоте ходите»

Статья 6524 г. НПЛмл вводит текст КрП сценой, где Ярослав отпускает новгородцев после победы над Святополком:

и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите»⁹³

А.А. Гиппиус проницательно заметил, что фраза эта в контексте летописи имеет смысл только в том случае, если далее следует текст *Правды*; это с несомненностью свидетельствует, что фраза современна моменту вставки КрП в летопись.⁹⁴ Для некоторых исследователей, как *Правды*, так и новгородского летописания, аутентичность фразы поддерживается и тем обстоятельством, что она фигурирует ещё раз, в списке новгородских князей под 989 г. («и писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сей грамотѣ ходите»⁹⁵). Как полагают, список был составлен в 1160-х гг. (именно особенностями этого каталога обосновывают существование «свода 1160»).

Фраза «по сей грамотѣ ходите» теперь кажется довольно обычной для языка XII в. и не вызвала никаких комментариев. И напрасно. Она чужеродна для домонгольского времени как в языке нарративных памятников, так и актовых. Статья НПЛмл 6524 г. представляет собой изолированный случай её употребления. Как *lectio singularis*, она заслуживала бы комментария, но филологи не зарегистрировали в ней ничего необычного. Простительная для исследователей летописания (с их повышенным вниманием к нарративным текстам), эта оплошность странна для исследователей *Правды*, в особенности тех, кто, подобно Л.В. Черепнину или А.А. Зимину, обладал несравненным знанием актового материала.

На самом деле фраза «ходить по сей грамоте» представляет собой хорошо известную актовую формулу, возникающую в самом конце XIV в. и бытующую в продолжение XV в.

Среди наиболее ранних документов, употребляющих её, нужно указать на *Двинскую уставную грамоту* 1397/1398 г., изданную от имени великого князя Василия Дмитриевича. Здесь формула употреблена дважды, в начальной клаузуле («и мои намѣстници ходять по сей по моеи грамотѣ, великого князя») и в завершающей («А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидить, или кто не иметь ходити по сей грамотѣ, – быти ту от мене от великого князя в казни»⁹⁶).

93 НПЛ: 175–176.

94 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи, 62.

95 НПЛ: 161. Тожественный текст («и писа грамоту Ярославъ, ркъ: по сей грамотѣ ходите») содержится и в дополнительных статьях к *Комиссионному* списку (НПЛ: 470). Нам предстоит ещё вернуться к этому вопросу. Пока стоит отметить только, что списки князей имеют несомненно летописное происхождение и не могут рассматриваться как независимые свидетельства.

96 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 144, 146.

Двинская грамота была составлена в великокняжеской канцелярии, но, как кажется, формула возникла в канцелярии митрополита Киприана и именно оттуда проникла в актовый язык московских документов. Во всяком случае, грамоты Киприана представляют собой наиболее ранние документы, где она встречается. Впервые она появляется в грамоте Киприана владимирскому монастырю св. Константина и Елены 1391 г. («ходите жь вси по моей грамотѣ... а хотя кто будеть иный игумень по семь игуменѣ, и тотъ ходити по сей моей грамотѣ»)⁹⁷. Затем – в грамоте Киприана псковичам 1395 г. («а приписаль къ грамотѣ князя великаго Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити...», «списаль такову грамоту, по чему ходити...», «ажъ будеть какову грамоту списавъ, положилъ князь великій Александръ, по чему ходити...», «а вы, дѣти мои, псковичи, ажъ будетъ преже сего ходили по той грамотѣ князя великаго Александровѣ, а будетъ то у васъ старина, и вы по той старинѣ и ходите...»)⁹⁸.

Как кажется, после смерти митрополита Киприана (1406 г.) формула несколько теряет в популярности и на некоторое время исчезает из делового языка московской канцелярии. Тем не менее, она доживает до второй половины XV в. и хорошо известна из документов Ивана III 1480-х гг. Среди таковых нужно указать на грамоту Андрея Васильевича Угличского 1480 г. («и ты бы у нихъ грамоты не рушалъ, а ходилъ бы еси по ихъ грамотѣ...»); грамоту великого князя Ивана Васильевича 1484 г. («сее у него граматы рушити не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити о судѣ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано»)⁹⁹; грамоту великого князя Ивана Васильевича 1485 г. («чтобы есте... отца моего великаго князя граматы жалованныя не рушили, а ходили бы есте у нихъ о всемъ по тому, какъ у нихъ въ отца моего граматѣ писано...»)¹⁰⁰; грамоту великого князя Ивана Васильевича 1484 г. («князь великій Василей Ивановичъ всеа Русии по сей грамоте пожаловалъ... велѣлъ имъ ходити о судѣ по тому, какъ в сей грамотѣ писано»)¹⁰¹; а также *Белозёрскую уставную грамоту* 1488 г. («хто нашихъ наместниковъ у нихъ ни будет, и они ходятъ по сей по нашей грамоте»)¹⁰².

Возникшая в канцелярии Киприана формула была, разумеется, развитием существующих моделей,¹⁰³ но всё же явственной инновацией и, следовательно, может быть довольно точно датирована. Ни один документ ранее 1390-х гг., если это, разумеется, не подделка, не мог бы употребить её.

97 *Акты, собранные Российской императорской археографической экспедицией Императорской академии наук*. Т. 1. СПб., 1836, 7.

98 *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией*. Т. 1. СПб., 1841, 19.

99 *Акты Археографической экспедиции*, 109, 111.

100 *Акты исторические*, 140.

101 *Русская историческая библиотека*. Т. 32. *Архив П.М. Строева*. СПб., 1915, 60.

102 Некоторые из приведённых случаев зарегистрированы у Срезневского (Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1903, 1281–1382) и у Кочина (Кочин Г. *Материалы для терминологического словаря древней России*. М., Л., 1937, 384).

103 Как кажется, она оформлена по образцу конструкции «ходити по словесам» (в смысле «следовать написанному»), известной ещё в старославянском употреблении (см.: *Slovník jazyka staroslověnského* 48 (Prague, 1994), 777). Близкую по существу формулу «ходити по пошлине» (в смысле «соблюдать старые обычаи») находим в договоре 1264 г. между Новгородом и Ярославом Ярославичем Тверским (*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 10).

Итак: Ярослав произносит в 1016 г. юридическую формулу, возникшую в 1390-х гг. Кто бы не вложил её в уста Ярослава, пытался придать тексту облик княжеской грамоты и притом того вида, который возникает на рубеже XIV–XV вв. Поступая так, интерполятор рассчитывал на знакомый ему и его читателям (но, возможно, уже несколько устаревший) деловой язык. Разумно поэтому будет предположить, что интерполяция КрП произошла не ранее, чем возник этот язык и видеть в интерполяторе одного из редакторов НПЛмл начала XV в. Мысль, что КрП возникла как экстракт, специально подготовленный для того, чтобы быть вставленным в летопись, теперь не кажется совершенно лишённой оснований.

«Исторические» статьи

Если существуют веские основания думать, что КрП возникла много лет спустя после того, как принял свой нынешний вид текст ПрП, стоит исследовать возможность того, что КрП представляет собой сильно правленную (сокращённую) версию ПрП, приготовленную специально для того, чтобы служить частью летописного рассказа.

И заголовок КрП, и заголовок ПрП именуют их «правдой». В то же время, ПрП сохранила также установления Владимира Мономаха и называет его дополнения «уставом». КрП, естественно, не знает этих дополнений, но – странно – НПЛмл именует грамоту Ярослава одновременно и «правдой», и «уставом» («давъ имъ правду, и *уставка* писавъ»¹⁰⁴). Не является ли эта оговорка указанием на то, что редактор НПЛмл имел перед собой весь текст ПрП?

В самом деле, как видно из обсуждавшейся табл. 2, автор КрП должен был знать текст ПрП как минимум вплоть до статьи 97, то есть гораздо далее заметки о Владимире Мономахе и его «уставе» в статье 53.

Как указывалось выше, *Правда* содержит несколько мест, которые современные исследователи склонны интерпретировать как хронологические указания. Назовём их для удобства «историческими статьями» и присмотримся к ним внимательнее.

Правда объясняет обстоятельства, при которых происходили поправки к законам, дважды. Впервые в статье 2 следующим образом:

[П]о Ярославъ же пакы съвѣкоупивъшеся сѣбе егоу • Нзаславъ • Стославъ • Всеволодъ • и моужн ихъ Къснлукю • Перенъгъ • Никифоръ • и ѿложнша оубненн за голову • нъ коунами сѧ въкоупати • а нно все нкоже Ярославъ соуднлъ • тако же и сѣове его оуставнш¹⁰⁵

Следующая «историческая» статья объясняет аналогичные действия Владимира Всеволодовича Мономаха:

А се оуставнлъ Володнмиръ Всеволоднчъ • по Стѣполуче съзвавъ дружинноч свою • на Берестовомъ • Ратнборд тысяцукского кнвекскоу • и Прокопью вѣлгородского тысяцукского • Станислава пераславскаго тысяцукского • Налнра Мирослава • Нванка Юднновнча • Ольгова моужа и оуставн людн¹⁰⁶

104 НПЛ: 175.

105 Здесь и далее ПрП цитируется по изданию Карского (Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава*. Л., 1930, 27).

106 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 39–40.

Статьи выполнены симметрично, напоминая одна другую идентичными зачалами (III)о Ярославъ, по Стополуе) и также списками княжеских мужей, принимавших участие в совете.

Из этих двух КрП содержит только первую статью, в несколько видоизменённом виде и – против ожиданий – не в начале текста, а приблизительно посередине (статья 18, то есть, там, где в ПрП читается вторая «историческая» статья).

Правда оуоставлена рускою земли, егда са совокѹпилъ Изаславъ, Всеволодъ, Сватославъ, Косначько Перенѣгъ, Микифоръ Кыянынъ, Чудинъ Микоула¹⁰⁷

Обычно именно этот вариант исследователи считают изначальным, а вариант ПрП – его последующей вариацией.¹⁰⁸ В этом, однако, позволительно усомниться.

Как кажется, только П.В. Голубовский назвал эту статью «бессмыслицей», и по веским основаниям. Исследователь отметил, что в том виде и в том месте, где сегодня в КрП находится эта статья, она выглядит как ещё один, дополнительный, заголовок *Правды*. Однако как заглавие, она не имеет смысла, ибо тогда «придётся доказать, а это невозможно, что следующие за записью статьи созданы или внесены в Русскую Правду впервые братьями, а раньше их в ней не было».¹⁰⁹ Голубовский отметил далее, что обе «исторические статьи» (и в КрП, и в ПрП) на самом деле представляют собой не заголовки (вводящие последующий текст), но новеллы, поправляющие или отменяющие существовавшую прежде норму права. Их задача – объяснить, чьей властью был отменён старый порядок и при каких обстоятельствах это произошло. Таким образом, единственный смысл записи о Ярославичах в *Правде* состоял бы в том, чтобы определить, каким образом была отменена кровная месть. Именно это и описывает «историческая статья» в ПрП. Напротив, её аналог в КрП лишён указания на какие-либо новые установления (отмену кровной мести) и просто сообщает, что Ярославичи встретились, сопровождаемые своими мужами. Признавая аутентичность этой записи, продолжает Голубовский, «мы должны признать, что кровная месть являлась узаконенной и действующей во весь древнейший период русской истории, ибо у нас не будет ни малейшего указания на её отмену законодательными путём».¹¹⁰ Более того, поскольку «вся суть лежит во второй половине записи (которая в Акад. сп. отсутствует), а не в первой (которая в нём есть)»,¹¹¹ запись о Ярославичах делает бессмысленными все статьи *Правды* о вирах за убийство (ибо кровная месть не отменена).

Заметим, что Голубовский был сторонником древности КрП, и, тем не менее, не видел возможности признать за вариантом КрП статус исходного. Ему при-

107 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 80 (*Археографический список*), 71 (*Академический список*).

108 Обзор мнений см.: *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947, 121–131.

109 Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор трудов по древнейшему периоду русской истории. *Университетские известия*. 1907, №8, август, 60.

110 Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор, 60.

111 Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор, 61.

шлось предположить позднейшее (XIV или XV вв.) редакторское вмешательство, отсёкшее от записи её наиболее существенную часть. К этому моменту запись была плохо читаема. Переписчик:

сумел или смог разобрать только «...совокупившиеся ... Изяслав, Святослав, Всеволод, Коснячъко, Перенег, Микыфор Кьяныны, Чюдин Микула...». Части записи уже не было. Переписчик задумался и результатом его соображений явился домысел, что они составили новую Правду, как Ярослав составил Правду, которую переписчик уже только что переписал: съехались и составили Правду. Добравшись до такого умозаключения, переписчик приставил к записи своё начало: «Правда уставлена Руськои земли, егда ся совокупить ... и проч». Таким образом, запись Ак. сп. есть исковерканная запись... Не найдя полной записи братьев, придав ей неправильный смысл по своим соображениям, этот какой-то переписчик какого-то века или не нашёл совсем, или принуждён был выкинуть, чтобы не противоречить себе, следующее замечание, существующее в других списках, а именно: «...и ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его оставиша».¹¹²

Несомненно, статья в КрП стоит не на своём изначальном месте: в оригинале она должно быть находилась (так же, как и в ПрП) очень близко к началу текста. Передвигая её в середину текста, автор КрП вместе с ней оторвал и часть общего заголовка текста («Правда уставлена Руской земли»), так что теперь КрП содержит как бы два заглавия; оба, как отметил Любимов, отмечены кинноварной заглавной буквой.¹¹³ Как и почему это произошло, станет ясно из последующего изложения.

Нетрудно догадаться о причинах перемещения «исторической статьи» КрП ближе к середине текста: редактору НПЛмл необходимо было «расчистить» место для «Ярославовой грамоты» 1016 г. Однако, передвигая запись о Ярославицах, этот редактор сохранял структуру своего оригинала, т.е. ПрП. Он просто сдвинул первую запись приблизительно на место второй (о Мономахе), которой, естественно, пришлось пожертвовать.

Нужно отметить и весьма неловкую фразировку статьи в КрП. Её понимание зависит от того, чем считать начало – *Правда оуставлена руской земли* – заголовком или началом повествовательной фразы.¹¹⁴ Большинство исследователей полагали это заглавием. Тогда фраза начинается с *егда*, и судя по единственному числу сказуемого (*ся совокупить*), подлежащим нужно признать Изяслава. В таком случае, однако, возвратный глагол требовал бы предлога, и имена

112 Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор, 61–62. Л. Гетц также полагал, что вариант ПрП сохранил исходное чтение, тогда, как запись в КрП оказалась испорченной и перемещённой не на своё место (См.: *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*, 126), но по другим соображениям, речь о которых пойдёт ниже.

113 Любимов В. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской правды. *Историк-марксист*, 1938, №5, 156.

114 Выбор могла бы подсказать интерпункция рукописей. К сожалению, оба списка КрП расставляют знаки по-разному и нет уверенности, что они верно передают пунктуацию своего общего предка.

братьев ожидалось бы в творительном падеже (*егда ся совокупилъ Изяславъ съ Всеволодомъ, Святославомъ*).¹¹⁵

Попытки спасти чтение КрП приводят к дальнейшим трудностям. К примеру, некоторые исследователи полагали, что, поскольку сказуемое стоит в единственном числе, подлежащим должен оказаться Ярослав, не упомянутый, но подразумеваемый фразой, который, собственно, и созвал (*съвокупилъ*) своих сыновей и приказал им поправить старое право. Такое предположение, в свою очередь, ведёт к иному – о двух княжеских съездах, на которых рассматривалась *Правда*: первом – при жизни Ярослава (о нём говорит «историческая статья» КрП) и вторым – после его смерти (как прямо указывает «историческая статья» ПрП). Как бы странно не выглядело это предложение, оно было принято значительным числом серьёзных учёных.¹¹⁶ Датой «второго» (из ПрП) съезда Ярославичей обычно считают 1072 г. Дату же «первого», по приказу Ярослава (из КрП), усматривают в сообщении С1 о выдаче в 1036 г. Ярославом «грамоты» новгородцам. В тот год, однако, перечисленным Ярославичам исполнилось соответственно 12, 9 и 6 лет. Единственный сын приемлемого возраста, тот самый, по случаю посажения которого на стол Ярослав якобы и издал грамоту в 1036 г., Владимир, по какой-то таинственной причине остался как раз и не упомянут в КрП.

Есть, впрочем, вероятность, что *Правда оуоставлена рускою земли* представляет собой именно начало фразы с последующим придаточным предложением. В этом случае на зависимость статьи от прототипа в ПрП указывает *ся совокупилъ*. Если в ПрП причастие *съвъкупъшеся* (собравшись) выражает неглавное действие, а полноценные действия выражены аористами *отложиша, оставиша*, то в КрП *ся съвокупилъ* – причастие, без связки употреблённое в качестве сказуемого (т.е. основного действия) в придаточном предложении; основное же действие заключается в главном предложении: *правда уоставлена Рускою земли*.¹¹⁷ Иными словами, в процессе редактирования был существенно смещён смысл «исторической статьи»: если статья в ПрП сообщала об отмене некоторых старых и установлении новых норм, то статья КрП сообщала об установлении вообще всей *Правды*. Отмеченная Голубовским «бессмыслица» из-за утери окончания статьи (*и отложиша убиение за голову... а ино все... и сынове его оставиша*), оказывается неслучайной – окончание это, по-видимому, было сознательно отсечено в процессе редактирования.

В литературе отмечался тот странный порядок, в котором сыновья Ярослава оказались перечислены в КрП: Всеволод назван перед Святославом. Это противоречит их действительным генеалогическим позициям (кстати сказать, неукоснительно соблюдаемым в летописных известиях). Официальный документ, изданный от имени и по общему согласию всех трёх Ярославичей едва ли бы

115 Обнорский полагал, что *егда ся съвъкупилъ* вообще представляет собой «вставное, позднейшее наслоение», так как слишком книжно выглядит на общем фоне текста (Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*, 27).

116 Нужно отметить, что это мнение восходит ещё к первооткрывателю КрП – Татищеву (см. Толочко А.П. «*История Российская*» В.Н. Татищева. *Источники и известия*. М., 2005, 398–399).

117 Приношу благодарность Н.В. Пак за консультацию.

допустил небрежность в таком чувствительном месте, в то время как для автора, глядящего на события с дистанции XV в., это могло не казаться так существенно. Напротив, в предположительно более поздней ПрП порядок старшинства соблюден верно.

Самое существенное различие между «историческими статьями» КрП и ПрП, впрочем, – в списках княжеских мужей. В ПрП трём князьям ассистируют три мужа, предположительно по одному от каждого князя: Коснячко, Перенег, Микифор. В КрП, в зависимости от реконструируемой пунктуации, список будет насчитывать от трёх до пяти людей.¹¹⁸ Притом некоторые из них, а, скорее, даже все они фигурируют с патронимами или же прозвищами. Вероятно, Зимин был прав, полагая, что в списке всё же значится три мужа: «Коснячко Перенѣгъ, Микифор Кьянинъ, Чюдинъ Микула». Список с патронимами звучит «торжественнее», и эта торжественность может подсказать, почему, сохранив общее число своего оригинала, редактор снабдил каждого патронимом или прозвищем. Для книжника XV в. называть бояр просто по имени могло показаться слишком фамильярным.

Исследователи предпочитают этот список КрП сухому перечню ПрП, как кажется, по той же причине, по которой автор и создавал его – он звучит значительно «официальнее».¹¹⁹ Главной же причиной предпочтения всегда была убежденность, что имена в списке КрП – подлинны и никакому позднему автору не удалось бы самостоятельно ни придумать, ни разыскать их.¹²⁰

118 Вопрос мог бы быть отчасти прояснен пунктуацией оригинала. К сожалению, существующие издания НПЛмл не сохраняют пунктуацию рукописей. В издании 1950 г. А.Н. Насонов полагал, что перечислены четыре княжеских мужа («Коснячко, Перенѣгъ, Микифор Кьянинъ, Чюдинъ Микула») (НПЛ: 177). М.Н. Тихомиров полагал, что Чудин и Микула – два разных человека, увеличивая, таким образом, список до пяти человек (Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 65); А.А. Зимин читал текст таким образом, что в списке оказывалось только три человека («Коснячко Перенѣгъ, Микифор Кьянинъ, Чюдинъ Микула») (*Памятники права Киевского государства*, 79). Рукописи, увы, непоследовательны в отношении пунктуации: в то время, как *Академический* список, возможно, упоминает четырёх людей (коснячко перенѣгъ, микыфоръ кьянинъ чюдинъ, микзла. (л. 50v), *Археографический (Комиссионный)* список можно понять так, что мужей пять (коснячко. перенѣгъ. микыфоръ кьянинъ. чюдинъ. микзла. (л. 81) (см.: *Правда Русская*. Т. 3. *Факсимильное воспроизведение текстов*. Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1963, 16, 27). Впрочем, вероятно и не стоит придавать слишком большое значение пунктуации в перечнях. Это, между прочим, для нашего случая удостоверяется тем, что в обоих списках между «Чюдин» и «Микула» поставлена либо точка, либо запятая.

119 Традиционная точка зрения, разумеется, состоит в том, что оба списка «подлинны», но только один (КрП) более ранний, а другой (ПрП) несколько более поздний и, вероятно, производный от первого. Увы, никакой внятной причины для того, чтобы редакторам в XII в. усекать список (либо вычёркивая людей, либо вычёркивая их патронимы и прозвища) в литературе найти не удаётся.

120 Многие исследователи, например, утверждали, что «Чудин Микула» – реальная личность, что и сообщает всему списку КрП атмосферу несомненной подлинности (см.: Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Т. XXX, №4. Казань, 1920, 20; Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 64–66; Зимин А.А. *Правда Русская*, 192–196). По иронии, этот персонаж выглядит более реальным, чем действительный летописный Чудин, так что этот последний оказался означен как «Николай Чудин» в именном указателе к изданию НПЛмл 1950 г. (НПЛ: 593, 589), ошибка, так и не исправленная в новом издании летописи в 3-м томе ПСРЛ (М., 2000).

Но в самом ли деле имена подлинны? Если, вопреки общей убеждённости, удастся продемонстрировать, что круг чтения, доступный летописцу (редактору НПЛмл) предоставлял ему все необходимые подсказки для формирования именно такого списка, не будет ли это убедительным доводом в пользу его позднего происхождения?¹²¹

Попробуем реконструировать логику работы редактора НПЛмл. Для него, живущего в начале XV в., имя *Къснлукъ* было достаточно прозрачно, и он знал, что это уменьшительная форма от *Къснятинъ*, Константин.¹²² Но уже следующее имя – *Перенъгъ* – могло быть серьёзной проблемой. Оно редко и к XV в., вероятно, вышло из употребления.¹²³ Летописец, несомненно, принял его за прозвище Коснячка. Снабдив Коснячка прозвищем, летописец вынужден был оказать такую же честь и Никифору. Что Никифор именно «Киянин» летописец уже знал из переписанной им статьи НПЛмл 6453 г. (945 г.), где именно к размещению двора Никифора привязывается местоположение изначального Киева («град же бяше Киевъ, идеже есть нынѣ Гродятинъ и Микифоровъ дворъ»¹²⁴). По существу, в историческое время Никифор оказывался владельцем древней территории Киева. Такая выдающая связь между Никифором и Киевом, несомненно, характеризовала его как «Киевлянина» (в английском тексте пришлось бы употребить определённый артикль). Летописец также знал, что этот Никифор и его двор станут объектом гнева киевлян во время событий 1068 г. (ярко описанных в НПЛмл), то есть как раз во время триумvirата Ярославичей.

Прозвище, усвоенное Никифору – *Кьянин* – уже само по себе весьма красноречиво. Оно имеет смысл только если автор записи сам не киевлянин и она создана вне Киева. В документе же, предположительно составленном в Киеве (а именно таковой полагают КрП) и к тому же киевлянами (Коснячко, кстати, тоже имел двор в Киеве и, значит, был таким же *кьянином*), прозвище выдаёт перспективу постороннего. Весьма сомнительно, чтобы кто-либо мог заработать прозвище «Киевлянин» в Киеве, где все – *кьяне*. Напротив, в Новгороде ни сам автор, ни его читатель не заметили бы ничего странного в том, чтобы назвать киевлянина киевлянином.

Никифором «Киевлянином» летописец исчерпал наличный список имён, но ему всё ещё необходим был «третий», чтобы выровнять количество мужей до числа его оригинала. Почему этим третьим оказался «Чудин» и почему имен-

121 Такая демонстрация имела бы несомненную доказательную силу. Напомню, что тезис, будто при сокращении ПрП к изначальному списку из трёх имён (Коснячко, Перенег, Микифор) невозможно было бы прибавить «Кьянин, Чудин Микула» всегда служил очевидным доказательством первенства списка в редакции КрП (см.: Присёлков М.П. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды», 243).

122 Білецький Леонід. *Руська Правда й історія її тексту* (Winnipeg, 1993), 126–127.

123 Словарь Тупилова, не исчерпывающий, но, всё же, показательный источник, кроме нашего знает ещё только один случай – некий Перенежко, муж Даниила Романовича галицкого, упомянутый в *Галицко-Волынской летописи* в событиях середины 1210-х гг. (см.: Тупилов Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имён*. СПб., 1903, 301).

124 НПЛ: 110–111.

но «Чудин Микула»?¹²⁵ Это всегда оказывалось наиболее трудным вопросом. Обычно полагают, будто «Чудин Микула» – историческое лицо (именно под таким именем он фигурирует в именных указателях). На самом деле, человек с таким именем никогда не существовал. Источники знают двух людей: летопись – Чудина (чьё крестильное имя неизвестно) и житие – Николу (чьё мирское имя было Ждан). Вопрос, следовательно, состоит в том, как автор КрП соединил их в одном персонаже?

Как было указано выше, автор КрП знал вторую «историческую» статью ПрП (об уставе Мономаха). Тут он обнаружил, что один из перечисленных «мужей» – Иванко Чудинович. Это подсказало ему выбор третьего имени для его собственного списка.¹²⁶ Эта же находка, кстати сказать, повлияла и на необычный порядок перечисления Ярославичей в КрП. Дело в том, что ПрП особо указывает, что Иванко Чудинович (последний в списке) был «мужем» Олега Святославича (*Иванка Чюдиновича. Ольгова мужа*). Поменяв местами Святослава и Всеволода, автор КрП добился, чтобы последний в его списке Чудин Микула оказался человеком Святослава, как его предположительный сын – человеком Святославова сына Олега. Автор КрП, кроме того, знал всё из той же статьи НПЛмл 945 г., что некий «Чудин» (предположительно, отец Иванка) имел двор по соседству с «Никифором Киянином»: «а князь бяше дворъ во градѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ».¹²⁷ Чудин (а, точнее, его брат Туки) также упомянут наряду с Никифором в ближайшем окружении Ярославичей в описании событий 1068 г.¹²⁸

Но почему «Микула»? «Чудин» выглядит как прозвище, образованное от этнонима *чудь* (например, по аналогии с известным из летописи мужем Святослава Изяславича – Иванком Захарьичем «Козарином»,¹²⁹ или мужем Олега Святославича – «Торчином»,¹³⁰ или поваром св. Глеба – «Торчином»¹³¹). Человек нуждался в имени. «Микула» или «Никола» – нечастое имя в источниках для XI в., что, казалось бы, делает выбор в его пользу маловероятным. Но именно редкость имени помогает идентифицировать нашего подозреваемого. Как редактор НПЛмл, автор КрП хорошо знал, что в *Чудесах*, прибавляемых к *Сказанию о Борисе и Глебе* (чудо о хромом и немом) упоминается некий человек в

125 Почему, например, было не выбрать Гордята, упомянутого наряду с Никифором в статье 945 г.? К соображениям, приводимым ниже, стоит добавить ещё одно: Гордята больше нигде летописью не упомянут. О Чудине же, напротив, твёрдо известно, что он был жив во времена Ярославичей и принимал активное участие в отражённых в летописи событиях. У него, кроме того, был брат Туки и сын Иванко. Чудин – гораздо более «реальный» персонаж.

126 Любопытно, что А.Е. Пресняков заметил перекличку двух персонажей, но утверждал, что «Чудин Микула» – реальное лицо и законно упомянут в КрП именно потому, что его сын Иванко Чудинович упомянут в аналогичной роли в ПрП. Как и в случае идентификации «Микулы Ждана» с «Чудином Микулой», исследователи, как представляется, всё же обнаруживали логику автора КрП, но трактовали её всякий раз «в пользу подозреваемого».

127 НПЛ: 111.

128 НПЛ: 189.

129 ПСРЛ 1: 281.

130 ПСРЛ 2: 249.

131 ПСРЛ 2: 123.

Вышгороде, глава огородникам, мирским именем Ждан, а в крещении Никола (уловъкъ Вышгородъ старъшнина огородникомъ зовомъ. же вѣше жданъ по мирьскоуоумоу. а въ хрещени Никола).¹³² Главный огородник, конечно, фигура малопригодная для производства в княжеские бояре. Но так читается в *Успенском сборнике*, тогда, как списки *Сильвестровской* редакции и редакции *Торжественника* передают должность иначе – старъшнина въ градъ, старъш въ градъ.¹³³ Иными словами, широко распространённые списки поздних редакций *Сказания*, хронологически (возникшие не ранее XIV в.) и территориально более близкие к автору КрП, представляют Николу вышгородским посадником. По совпадению, последний раз Чудин в летописи упомянут как раз в качестве «держателя» Вышгорода («Бѣ тогда Вышегород держа Чюдинъ») в статье 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба.¹³⁴ Очень может быть, что именно эта статья и заставила летописца проверить, а что же говорится о том же событии в *Сказании*. Тут важно помнить, что чудо «о хромом и немом», где фигурирует наш герой, непосредственно следует за чудом «о перенесении святую мученику». Если летописец, в самом деле, решил заглянуть в *Сказание*, он не мог не натолкнуться на нашего Николу. Почему же он передал его имя как «Микула»? Он мог сделать это по собственной воле,¹³⁵ но, скорее всего, так подсказал ему тот список *Сказания*, что оказался у него в руках. Дело в том, что некоторые списки, действительно, «старейшину во граде» называют именно Микулой (Микѹла).¹³⁶

И наконец: только ли предположение, что автор КрП (он же – редактор НПЛмл) заглядывал в текст *Сказания*, или же это можно утверждать наверное? Ответ: можно утверждать. Статья 1016 г. об убийстве святых братьев в НПЛмл, как известно, отличается от версии ПВЛ именно тем, что испытала влияние *Сказания*.

Если такая реконструкция верна, с точки зрения редактора НПЛмл, было бы только логично отождествить двух людей, обретающихся в Вышгороде на сходных должностях и приблизительно в одно и то же время, соединив Чудина и Микулу в единого человека «Чудина Микулу».¹³⁷

132 Бугославський С. *Пам'ятки XI–XIII вв. про князів Бориса та Гліба. Розвідка та тексти*. К., 1928, 162.

133 Бугославський С. *Пам'ятки XI–XIII вв. про князів Бориса та Гліба*, 162, вар. 121. Именно этот вариант был избран для английского перевода памятника Полом Холлингсвортом (см.: *The Hagiography of Kievan Rus'*, transl. and with an introd. by Paul Hollingsworth (Cambridge, Mass., 1992) [Harvard Library of Early Ukrainian Literature, English Translations, vol. 2], 124). В самом Сильвестровском сборнике, впрочем, Никола назван starjī ogorodnikom= (см. факсимильное воспроизведение рукописи: *Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника*. М., 1985, л. 153). Аналогичная замена (старъшнина въ Вышеградъ вместо огородникъ или градникъ) была сделана в *Чудовском* списке в чуде о хромом (см.: Бугославський С. *Пам'ятки XI–XIII вв. про князів Бориса та Гліба*, 159, вар. 83).

134 Так в ПВЛ, так же и в НПЛмл.

135 Микула, как раз, ожидаемо в НПЛмл, автор которой предпочитал именно такую вокализацию, ср.: *Микифор* против *Никифор* ПВЛ.

136 См.: Бугославський С. *Пам'ятки XI–XIII вв. про князів Бориса та Гліба*, 162, вар. 122.

137 Как кажется, Пётр Голубовский был первым, кто пришёл к той же идентификации, что и автор КрП (см.: Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор, 63; *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*, 124), что для исследователя только подтвердило аутентичность «Чудина

Эксперимент, следовательно, удался: редактор НПЛмл оказывается вполне в состоянии изыскать всю «дополнительную информацию» для своего списка, располагая всего двумя текстами – летописью, им переписываемой, и *Сказанием о Борисе и Глебе*.

Микуль». «Чудин» большинство исследователей трактует как прозвище, указывающее на этническое происхождение («из чуди») либо самого лица, либо его отца (Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор, 63). Трудно сказать, как трактовал автор КрП имя *Чудин*; он мог воспринимать его даже как патроним (скажем, произведённый от *Чуды*, что напоминало бы имя брата *Тукы*; или от *Чудо*, личного имени, зафиксированного в словаре Тупикова; или аналогичное действительному отчеству *Чудинов*), и в этом случае имя получалось вполне разумным. Современные же исследователи должны знать, что *Чудин* – не патроним, но мирское имя человека, чьё крестильное имя якобы было Никола/Микула (и, кстати сказать, имя чрезвычайно распространённое, судя по словарю Тупикова, см.: Тупиков Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имён*, 431). Иметь два имени – мирское и крестильное – вполне нормально для человека XI в. Идентифицируя Чудина с Микулой Жданом, однако, учёные (похоже, не осознавая того) приписывают нашему герою *три* имени.

«Зри!»

В 1938 г. В.П. Любимов сожалел, что исследователи не уделяют должного внимания палеографическим особенностям списков КрП и оттого не понимают, как представлялось древнему автору членение текста на структурные элементы.¹³⁸ Исследователь отметил, что, судя по палеографическим признакам, понимание древним автором структуры текста КрП кардинально отличалось от того, которое выработала современная наука. В отличие от списков ПрП, в КрП нет киноварных заголовков или инициалов, как, впрочем, и любых других примет, которыми бы древние авторы давали понять, как текст членится на меньшие сегменты. *Академический* список НПЛмл содержит только две киноварные буквы «П»: в собственно заголовке («Правда росьская») и «втором заголовке» о Ярославичах («Правда уставлена Руской земли»). Эти киноварные буквы расставлены точно там, где в *Академическом* списке на полях проставлены пометы «зри» в крестообразном знаке (см. рис. 1 и 2).

Упрёк Любимова был не совсем справедлив. Ещё Сергеевич обратил внимание на пометы «зри» на полях *Академического* списка КрП и даже поместил воспроизведение одного из них в своём издании *Правды*.¹³⁹ В более поздней работе Любимов отметил, что аналогичные пометы – всего шесть – встречаются в *Академическом* списке и в нескольких иных местах. Исследователь предположил, что они представляют собой указания для писца, отмечая места, где необходимо было сделать вставки из какого-то иного источника.

В конце 1940-х гг. А.А. Зимин наново открыл третий древний, *Троицкий*, список НПЛмл.¹⁴⁰ Шахматов знал эту рукопись и даже полагал, что она сохранила текст старший, чем *Комиссионный* и *Академический* списки.¹⁴¹ Согласно Шахматову, этот текст *Троицкого* списка должен быть близок или даже тождественен их общему протографу, своду 1432 г.¹⁴² *Троицкий* список оканчивается на 1015 г. и КрП в нём, естественно, отсутствует (хотя Шахматов утверждал, что некогда

138 Любимов В. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды, 156–161.

139 Сергеевич опубликовал фотографию листа с первым знаком (*Русская Правда в четырёх редакциях*); репродукция л. 49 с вторым знаком впервые была опубликована Насоновым в приложении к изданию НПЛмл. См. также полное воспроизведение *Академического* списка в: *Правда Русская*. Т. 3. *Факсимильное воспроизведение списков*, 13, 16.

140 Опубликовано в приложении к изданию НПЛ 1950 г. (НПЛ: 510–561). По бумажным знакам список датируется 1560-ми гг. (Клосс Б.Н. Предисловие к изданию 2000 г., VII). Загадочно, и не получило до сих пор надлежащего объяснения, то обстоятельство, что *Троицкий* список простирается именно до того места, с которого начинается текст *Синодального* списка, как бы восполняя его утрату.

141 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов*. М., Л., 1938, 174. См. также: Бобров А. *Новгородские летописи XV века*. СПб., 2001, 76–77.

142 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов*, 174–175.

его текст продолжался до 1432 г.). Тем не менее, весьма примечательно, что все фрагменты, отмеченные в *Академическом* списке пометами «зри» в крестообразном знаке, в *Троицком* списке отсутствуют.¹⁴³

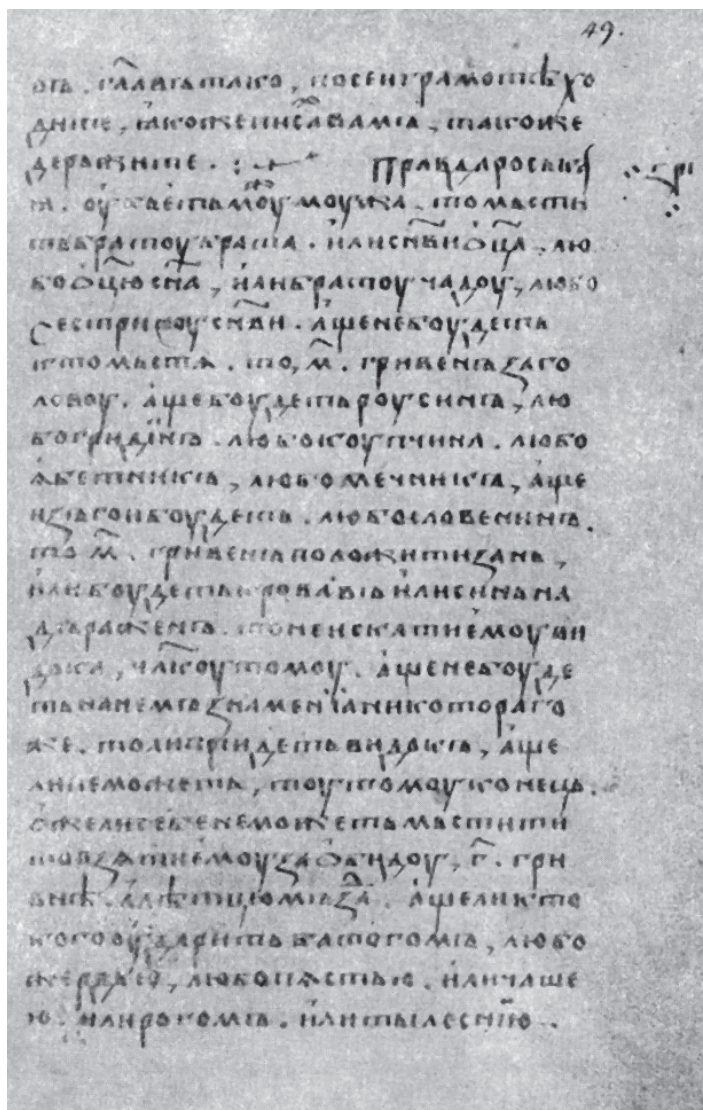

Рис. 1. Помета «зри» на л. 49 Академического списка

143 Зимин А.А., Насонов А.Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. *Вопросы истории*. 1951, №2, 89–91; Зимин А.А. *Правда Русская*, 44–46. См. также: Бобров А. *Новгородские летописи XV века*, 76.

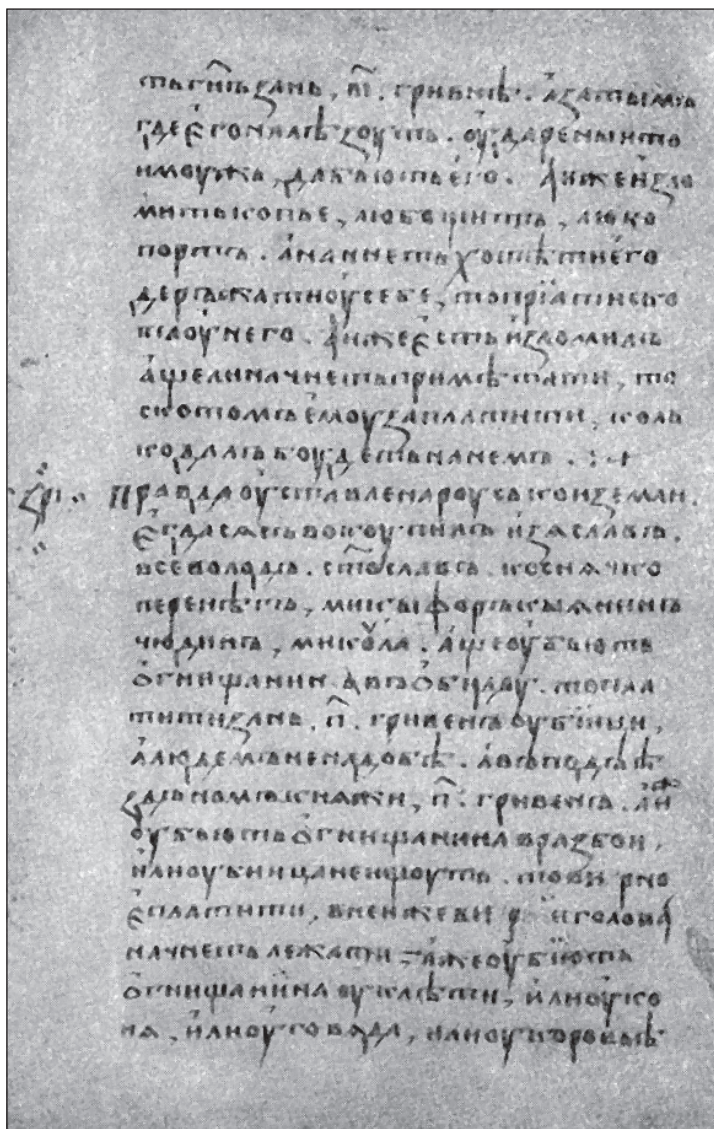

Рис. 2. Помета «зри» на л. 50 об. Академического списка

Пометы «зри» могут означать различные вещи. Они могут отмечать места для того, чтобы справиться о них позднее, они же могут привлекать чьё-либо внимание к важным фрагментам текста. Но они могут также быть и редакторскими сигналами для писца не пропустить определённые места в тексте (либо вычеркнуть их, либо вставить новый текст). Если пометы в *Академическом* списке именно такого свойства – т.е. редакторские пометы, случайно перенесённые не-

брежным писцом из оригинала, как полагали Зимин и Насонов – они могут послужить важным свидетельством о времени и обстоятельствах включения КрП в НПЛмл. Во-первых, это означало бы, что все недостающие в *Троицком* списке (но наличествующие в *Ком.* и *Акад.* списках) фрагменты были вставлены в летопись довольно поздно, во время подготовки протографа *Ком.* и *Акад.* списков. Во-вторых, оказывается, КрП была заимствована не из предыдущего новгородского летописания, но из внелетописного источника.¹⁴⁴ Что именно представлял собой этот источник, пока воздержимся судить. Обратим внимание, какие ещё тексты были вставлены вместе с КрП.¹⁴⁵

Оказывается, в *Троицк.* отсутствуют списки новгородских князей, архиепископов и посадников под 989 г., представляющие собой единственное иное место, где читается фраза из КрП («по сей грамоте ходите»).¹⁴⁶ Кроме того, история убийства Бориса и Глеба дана в отличной от НПЛмл версии: если в в *Ком.* и *Акад.* списках статья 1016 г. выдаёт зависимость от анонимного *Сказания о Борисе и Глебе*, *Троицк.* передает события ближе к стандартной версии ПВЛ.¹⁴⁷ Последняя деталь представляет собой особенно важное свидетельство. Не только потому, что этот фрагмент непосредственно предшествует КрП и, по существу, служит оправданием её присутствия в летописи, но и потому, что автор КрП, как мы имели возможность убедиться, действительно знал *Сказание о Борисе и Глебе*. Наконец, ещё два известия оказались вставленными в НПЛмл: о походе Ярослава против Литвы под 6552 г. (1044 г.),¹⁴⁸ и (под особым заголовком «Начало княжения Изяслава в Киевѣ») о порядке разделения Ярославичами отцовского наследия, помещённое под 6563 г. (1055 г.).¹⁴⁹

Итак, оказывается, что в начале XV в. человек, ответственный за новое издание новгородской летописи, решил усилить её внесением новых материалов. Он подготовил сам или где-то обнаружил готовые списки князей, митрополитов, епископов, новгородских посадников,¹⁵⁰ а также подготовил новую версию

144 Любимов полагал, что то был «Начальный свод» 1096 г.; Зимин настаивал на том, что это – «Свод» 1136–1137 гг. (Зимин А.А. *Правда Русская*, 46, прим. 56).

145 См.: Сverdlov M.B. *От Закона Русского к Русской Правде*. М., 1988, 17–21.

146 Кстати сказать, вставной характер этих списков в НПЛмл выдаётся тем обстоятельством, что год, под которым они помещены в летописи (6497/989), оказывается повторён дважды, следующая статья НПЛмл под тем же годом – «пустая» (как пуста она и в источнике, *Синодальном* списке).

147 Ср.: НПЛ, 160–164, 551; 169–176, 554–556.

148 НПЛ: 181. Это известие не засвидетельствовано ни *Синодальным* списком, ни ПВЛ. Это вообще наиболее раннее сообщение о литве в новгородском летописании; следующего придётся ожидать 140 лет, до 1183 г. (см.: НПЛ: 38). Надо сказать, ситуация в ПВЛ весьма похожа: впервые в датированной части литва упомянута под 6548 г. (1040 г.) в сообщении о походе Ярослава; следующее сообщение – только в Киевской летописи под 6640 г. (1132 г.).

149 НПЛ: 182. Это сообщение соединяет информацию ПВЛ с неизвестного происхождения известиями, связанными с новгородским епископом Лукой Жидятой. Надо полагать, сообщения о нём имели особое значение для новгородских летописцев XV в. Этого епископа не знает *Синодальный* список. В ПВЛ он упомянут только раз – под 1036 г. сказано о его поставлении в Новгород (ПСРЛ 2: 138). Именно к этому заимствованному из ПВЛ сообщению С1 и приурочивает издание «второй Правды» Ярославом Мудрым.

150 Происхождение этих списков представляет собой совершенно особый сюжет, детальное обсуждение которого могло бы увести нас далеко от главной темы. В примечании, однако, нет причин уклоняться от краткой их характеристики. Эти списки очевидным образом составлены из

рассказа о Борисе и Глебе и его продолжение – КрП. Он отметил места, куда его писец должен был вставить эти материалы пометами «зри», и писец скопировал их вместе с дополнениями.¹⁵¹

данных, предоставляемых летописью, и простираются до великого князя Василия Васильевича (1425–1462 гг.), митрополита Герасима (1432–1435 гг.) и новгородского архиепископа Евфимия (1424–1429 гг.), что указывает на возможную дату составления. Излюбленная в литературе о новгородском летописании мысль, что первоначальное ядро этих списков было составлено в конце 1160-х гг., представляет собой не более, чем малообоснованную догадку, унаследованную от Шахматова. Как известно, Шахматов заметил, что в первом из них список киевских князей оканчивается Ростиславом Мстиславичем, умершим в 1167 г. Эта дата заставила Шахматова предположить, что список, а также и летопись, для которой он предположительно был составлен, были завершены вскоре после 1167 г. (Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 144–145, 179–181; см. также: Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи, 46–47). Это «шов», однако, может быть не текстуальным. Каждый знакомый с киевской историей человек знает, как затруднительно становится отслеживать калейдоскопические перемены на киевском столе как раз после княжения Ростислава Мстиславича. Редактор, подготавливавший списки, мог просто бросить это занятие, сообразив, какие его ожидают трудности впереди. Если же он полагался преимущественно на информацию новгородских летописей, он мог понимать, что за пределами конца 1160-х гг. задача составления полного списка киевских князей становится практически невыполнимой из-за исключительной фрагментарности известий о Киеве. На самом деле, ничто не указывает, что списки представляют собой что-либо иное, чем компиляцию XV в. Вероятность обнаружить тождественный «шов» в остальных списках (как, например, новгородских князей) находится за пределами возможностей нормальной текстуальной критики. И, тем не менее, ожидаемо исследователи оказались в состоянии найти его в каждом из списков, на который обращали внимание. Отправляясь по этому пути, следует помнить, что предположительно до 1160 г. ядро списков содержит в себе юридическую формулу XV в. *по сей грамоте ходите*. О происхождении списков см. также: Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании. *Летописи и хроники*, 1980. М., 1981, 153–181.

Исследователям, настаивающим на том, что каталоги были включены в новгородскую летопись уже в XII в., предстоит объяснить, каким образом они могли бы пополняться в продолжение следующих почти трёх веков. Практически, дописывать имя нового князя или митрополита можно было бы при изготовлении новой копии летописи. Учитывая, что после 1168 г. в каталоге указано 38 новгородских князей (и некоторые по несколько раз), необходимо предположить такое же количество актов переписывания летописи. Реалистично ли это?

То, что списки существовали первоначально вне летописи, удостоверяется тем, что они были ошибочно вставлены ещё раз перед летописным текстом в *Комиссионном* списке. Вставку произвёл второй писец рукописи уже после того, как текст летописи был завершён перепиской (см. подробнее: Бобров А. *Новгородские летописи*, 68–70). Тот вариант, что сегодня читается в статье 989 г. НПЛмл, как кажется, представляет собой переработку именно такого списка. Примечательно обстоятельство: как отметил М.Б. Свердлов, первая из помет «зри» проставлена в *Академическом* списке именно против того места, где список под 989 г. отклоняется от порядка списка, помещённого перед *Комиссионным* списком (Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 18–19). Изначальный каталог был сокращён, а некоторые фрагменты даже выпущены, чтоб лучше соответствовать летописной статье.

В любом случае, нет никаких оснований полагать, будто каталоги князей старше даты составления иных каталогов – новгородских посадников или епископов. Как справедливо указал Анджей Поппэ, список епископов выдаёт (причём, в самой ранней своей части) несомненное происхождение из XV в. тем, что аттестует первого новгородского епископа как «Корсунянина». Легенда о «корсунических святынях» родилась во второй половине XV в. (см.: Andrzej Poppe, "On the So-Called Chersonian Antiquities," Andrzej Poppe, *Christian Russia in the Making* [Variorum Collected Studies Series, no 867] (Ashgate, 2007, XII, 103–104).

151 Подобная невнимательность (или, наоборот, дотошность) часто случалась с древними писцами, механически копировавшими оригинал. Так, например, списки болгарского перевода *Хроники* Константина Манассии сохранили пометы «смотри», содержащиеся в оригинале (см.: *Летописца на Константин Манаси. Фототипно издание на Ватиканския препис на среднобългарски превод*.

В своей наиболее поздней работе Шахматов утверждал, что «новгородский свод 1432 г.», который исследователь именовал «Софийским временником», вобрал в себя «Начальный киевский свод 1096 г.». Если это даже так, то приходится признать, что в «Начальном своде», если он и существовал в том виде, как представлялся Шахматову, КрП ещё не было, поскольку *Троицк*. (отражающий «свод 1432 г.») ещё не содержал её. КрП прокралась в текст новгородской летописи несколько позже – между 1432 и 1439 гг. «Софийский временник» (следуя схеме Шахматова) – единственное «окно возможности» для КрП попасть в НПЛмл из древней новгородской летописи. Если же КрП там не читалась, это означает, что её не было ни в одной из новгородских летописей ранее времени создания непосредственного протографа *Ком.* и *Акад.* списков.

Под ред. Ивана Дуйчева. София, 1963; *Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах*. Под ред. Д.С. Лихачёва и др. София, 1988).

Краткая правда и Закон судный людем

В литературе о КрП неоднократно отмечалось, что существующий её текст несколько засорён позднейшими добавлениями к оригиналу XI в. Некоторые из поздних интерполяций опознавались по содержательным соображениям как либо чужеродные для предполагаемого времени создания КрП, либо противоречащие иным статьям текста. Среди таких добавлений указывали на термин *нзъгон*, обычно ассоциируемый с церковными уставами – *Уставом Ярослава о мостех* и *Уставом Всеволода*, – наличные редакции которых никак не старше XII в.¹⁵²

Другие интерполяции выявляются тем, что их источник обнаруживается вне *Правды русской*; и именно эти фрагменты, оказывается, не имеют соответствий в тексте ПрП.

М.Н. Тихомиров отметил два случая (статьи 12 и 18), в которых КрП цитирует *Закон судный людем* (далее – ЗСЛ).¹⁵³

<i>Краткая правда</i>	<i>Закон судный людем</i>
А кто поѣдет на чюжемъ конѣ, не прошавъ ег(о), то по[ло]жити 3 гривнѣ.	О томъ (ж). Аще кто бес повелѣннѣ. на чюжемъ конѣ ѣздить. да са тепеть по три краты. и да тепеть и продасться ако и тать.
А иже изломить копые, любо щить, любо порть, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то приати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити, колько даль боудет на немъ.	Иже изломить дроугоу копие. любо щить, любо порть да аще оу себе начнеть держати, то приати скота у него, иже что есть изломилъ; аще ли начнеть скотомъ примѣтати ему, заплатитъ предъ чадиоу, иже начнеть вѣдати, колко будеть даль на немъ.

На самом деле, первая из этих статей находится также и в ПрП, так что, вполне возможно, КрП заимствовала её оттуда, вопреки предположению Тихомирова. В ПрП, впрочем, нет второй из наших статей. Представляется маловероятным, чтобы какой-либо законник, составляя в XII в. «новое издание» кодекса (т.е. ПрП), был бы в состоянии идентифицировать статью как чужеродную для изначальной *Правды русской* и сознательно выпустил бы её. Более вероятно предположить, что обе статьи представляют собой прямое заимство-

¹⁵² См.: Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 74–75; *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*, 48–57.

¹⁵³ Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 58.

вание из ЗСЛ, что ещё больше подрывает идею первенства КрП по отношению к ПрП.

Более того, можно предполагать, что эта же статья ЗСЛ повлияла на неожиданное окончание статьи КрП-6: «Аще ли боудеть нога цѣла или начьнетъ храматѣ, тогда чадь смирать».¹⁵⁴

Статьи 5 и 6 КрП представляют собой переделку статьи 27 ПрП:

<i>Пространная правда</i>	<i>Краткая правда</i>
Аще ли оуѣтнеть роукоу, и ѡтпадеть роука или оуѣсхнеть, или нога или ѡко, или не оуѣтнеть, тѣ польь вѣры .ѣ. грѣнь, а томоу за вѣкъ і гривень	Аще ли оутнеть роукоу, и ѡтпадеть роука любо оусохнеть, то за обиду 40 гривен. Аще боудеть нога цѣла или начьнетъ храматѣ, тогда чада смирать.

То, что здесь что-то не в порядке, сигнализируется необычайно высоким штрафом за несмертельное увечье – 40 гривен, что равняется вине за убийство свободного мужа. ПрП выглядит в данном случае более реалистично, накладывая половинную виру в 20 гривен. Такой штраф накладывается в ПрП даже за обратимые увечья, поскольку преступление все-таки состоялось. КрП, напротив, неожиданно объявляет, что в случае необратимости увечья («начнетъ храматѣ») дети пострадавшего должны уладить спор. Это единственное место во всей КрП, где упоминается *чадь/чада*. Представляется вероятным, что норма появилась из-за неправильного понимания *заплатить предъ чадию* ЗСЛ.¹⁵⁵

Закон судный людем полагают среди наиболее ранних славянских переводов, так что не было бы ничего невозможного и даже необычного в том, что текст XI в. содержит цитаты оттуда. *Краткая редакция* ЗСЛ известна на Руси, по крайней мере, со второй половины XIII в. (её содержит Новгородская Синодальная кормчая 1280/1282 гг.)¹⁵⁶ Та же редакция включена в *Мерило праведное* и известна в списках XV в.¹⁵⁷ Дело, однако, в том, что КрП цитирует не *Краткую* (где интересующие нас нормы отсутствуют), но *Пространную редакцию* ЗСЛ, возникшую, как утверждают, в Новгороде или Пскове в первой половине XIV в. (с наиболее ранним списком конца XIV в. и большинством – XV и XVI вв.).¹⁵⁸

154 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 70.

155 Кирилл Максимович предположил, что ещё одна статья ЗСЛ (О огоѸii) оказала влияние на статью 13 КрП (Максимович К. «*Закон судный людем*». *Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*. М., 2004, 124). Однако КрП-13 имеет аналог в виде статьи 34 ПрП и, скорее всего, заимствована оттуда, а не из ЗСЛ.

156 Тихомиров М.Н. *Закон судный людем* краткой редакции в русских летописях. *Закон судный людем* краткой редакции. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961, 8–14.

157 Тихомиров М.Н. *Закон судный людем* краткой редакции в русских летописях, 14–21; Максимович К. «*Закон судный людем*», 73–74.

158 Максимович К. «*Закон судный людем*», 79–80. Иногда думают, не была ли *Пространная редакция* ЗСЛ, с её вниманием к Ветхому завету, каким-то образом связана с новгородской ересью стригольников второй пол. XIV в. (см.: “Introduction,” *Zakon sudnyj ljudem (Court Law for the People)*, ed. H.W. Dewey and A.M. Kleimola (Ann Arbor, 1977) [= *Michigan Slavic Materials*, No 14], XX–XXII).

Цитаты из ЗСЛ *Пространной редакции* в КрП суть свидетельства гораздо более поздней, чем обычно полагают, даты её возникновения. Вторая половина XIV в. была бы довольно оптимистическим *terminus post quem*.¹⁵⁹ Эти же цитаты подсказывают, что автору КрП были знакомы юридические сборники, обращавшиеся около этого времени в Новгороде. В самом деле, *Пространная редакция* ЗСЛ практически всегда соседствует в рукописях с ПрП.¹⁶⁰ Более того, во всех сборниках ЗСЛ непосредственно следует за ПрП без какого-либо заголовка, что, как полагают, свидетельствует о попытке редактора слить оба текста в единый законодательный памятник. ЗСЛ, таким образом, служит естественным продолжением и дополнением ПрП. Человеку знакомому с юридическими текстами, но не эксперту, оба памятника будут представляться единым кодексом. Чтобы различить их, необходима компетентность современного учёного.¹⁶¹

Разумеется, для целей настоящего исследования наибольший интерес представляют сборники, присоединяемые к летописям.¹⁶² Из них подборка в составе *Комиссионного* списка НПЛмл, разумеется, заслуживает первоочередного внимания. Ведь здесь автор КрП нашёл бы практически все тексты, необходимые ему для создания КрП: ПрП, ЗСЛ, а также церковный устав Всеволода. Насколько соблазнительно не выглядела бы идея провозгласить этот сборник источником КрП, её необходимо отклонить по целому ряду причин. Список ЗСЛ, которым пользовался автор КрП, был иного извода, весьма близкий к *Пушкинскому* списку. Это обнаруживается в целом ряде специфических чтений *Пушкинского* типа, проникших в КрП.

Так, например, статья 18 КрП (та, что заимствована из ЗСЛ) перечисляет копье, щит и – неожиданно – «портъ» (одежду), находящуюся явно не на месте в этом списке оружия. Более того, статья довольно бессмысленно предусматривает, что эту одежду (подобно копьё или щиту) можно «поламать» («А иже *изломить* копие, любо щить, любо *портъ*»). Как отметил Тихомиров, в *Комиссионном* списке ЗСЛ, а также в *Софийском* изводе содержится иное чтение: «топоръ», что, разумеется, лучше согласуется с перечислением оружия. Следовательно, «портъ» *Пушкинского* списка – испорченное и вторичное чтение.¹⁶³ Таким образом, КрП

159 Одним из возможных способов опровергнуть этот вывод, было бы провозгласить интересующие нас статьи «русскими дополнениями» ЗСЛ и гадать, не из *Краткой ли правды* заимствовал их русский редактор ЗСЛ? Эта гипотеза предполагала бы, однако, что в XIV в. бытовали рукописи иные, чем летописи, содержавшие текст КрП (что делало бы заимствование возможным). Лучшим ответом на подобное возражение мог бы служить «сценарий Кормчей» других защитников КрП (см. ниже в главе «Возвращаясь к исходным фактам»), согласно которому с конца XIII в. и далее теоретически не могло существовать юридических рукописей, с КрП в составе.

160 Описание рукописей см.: Тихомиров М.Н. Пространные списки Закона судного людем. *Закон судный людем пространной и сводной редакции*. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961, 5–27.

161 Надо сказать, исследователи также колеблются относительно существования интересующих нас статей. Поскольку в некоторых рукописях они расположены между ПрП и ЗСЛ, их квалифицируют в зависимости от того, какой памятник издают: издавая ЗСЛ, Тихомиров утверждал, что это – дополнительные статьи ЗСЛ; издавая ПрП, сотрудники Грекова определили их как дополнительные статьи ПрП.

162 Так называемая «сводная редакция» содержится в списках С1 летописи.

163 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 59.

цитирует не абстрактный текст ЗСЛ, но текст типа *Пушкинского* списка, где статья «О копыи» находится как раз между окончанием ПрП и ЗСЛ.

Что автору КрП ЗСЛ был известен именно в образе *Пушкинского* списка, можно подтвердить и наблюдениями над иными испорченными чтениями ПрП, унаследованными КрП. Как отметил Любимов, в тексте ПрП *Пушкинского* вида статья 81 упоминает пса среди списка птиц («Аще кто украдетъ чии песь, или ястребъ, или соколь, то 3 гривны продажи»).¹⁶⁴ Данная статья представляет собой часть главы, целиком посвящённой штрафам за кражу птиц из силков, **А се ѿ перевъсехъ**. Быть может, пёс и мог бы запутаться в силках, расставленных для птиц (хотя то был бы Симаргл). Но едва ли на Руси это происходило повседневно и повсеместно, и едва ли мог развиться специфический промысел – воровство собак из птичьих силков. Потенциально чтение – испорченное. Действительно, в *Синодально-Троицком* виде *Правды* находим верное чтение: **Аже кто оукрадетъ въ чиеи перевесе или соколь или ястребъ, то продаже ꙗ гривны**.¹⁶⁵ В статье 37 КрП находим то же испорченное (или, по крайней мере, индивидуальное) чтение *Пушкинского* вида: «А оже оукрадоутъ чюжь песь, любо ястребъ, любо соколь, то за обидоу 3 гривны».¹⁶⁶

И, наконец, ещё одно чтение ведёт к *Пушкинскому* виду ПрП. Во всех старших списках ПрП (*Троицком* и *Синодальном*) статья 97 **Оуроци мостнни** предполагает, что работникам, осуществляющим починку моста, причитается плата в 10 ногат за каждый локоть (покрытия): **помостнвшѣ мостъ, взати ѿт 10 локоть по ногатъ**.¹⁶⁷ В *Пушкинском* виде – иное чтение: **помостнвшѣ мостъ, взати ѿт дѣла ѿт 10 локоть по ногатъ**,¹⁶⁸ где **ѿт дѣла** может быть объяснено как результат зрительной ошибки переписчика («от десяти локоть»).¹⁶⁹ Именно это чтение находим в статье 43 КрП («А се оурокъ мостъниковъ»): «аще помостивше мостъ, взати ѿт дѣла ногата».¹⁷⁰

Как объяснить тот факт, что несколько вторичных чтений, возникающих не ранее второй половины XIV в. в отдельной ветви рукописей ПрП, соединённой с отдельной ветвью ЗСЛ, оказываются в тексте КрП? Обернуть направление заимствований и предположить, что эти чтения возникли в КрП и оттуда попали в более «поздние» тексты невозможно, так как в этом случае *все* списки ПрП и *все* списки ЗСЛ должны были бы продемонстрировать эти чтения.

Цитаты из ЗСЛ невозможно объяснить постепенным накоплением в процессе жизни КрП. Однажды будучи включённой в летопись, она превращалась в юридическую окаменелость и не способна была бы вбирать новые законоу-

164 Любимов В.П. Списки Правды Русской, 40; соответствующий текст статьи см.: *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 310.

165 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 131.

166 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 72.

167 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 144, 132.

168 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 290. Такое же чтение находится также в *Карамзинском* виде.

169 Впрочем, такая ошибка могла быть спровоцирована и фразеологизмом XV в. В Н4 под 1447 г. вознаграждение для «денежника» указано следующим образом: «отъ дѣла отъ гривны по полуденгъ» (ПСРЛ 4: 442).

170 *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 73.

тановления. К тому же «жизнь» КрП вне летописи представляется достаточно краткой – по консервативным оценкам, она оказывается в летописи либо в 1130-х, либо самое позднее в 1160-х гг.

Объяснить наличие цитат из ЗСЛ в КрП можно, допустив, что КрП существовала как актуальный легальный документ значительно дольше предполагаемого, до второй половины XIV в., либо предположив, что она возникла не ранее этого времени. Первое предположение – маловероятно, так как ожидалось бы, что КрП оставит за собой археографический «след» вне НПЛмл, а именно отсутствие такого следа для большинства исследователей и служило доказательством её ранней инкорпорации в летопись (и древнего происхождения). Вторая возможность представляется более реалистичной, а, кроме того, позволяет поместить КрП в надлежащий контекст юридических сборников конца XIV – начала XV вв.

Какое бы направление мы не избрали, побочной жертвой оказывается существующее со времён Шахматова представление о раннем летописании. В самом деле, позволяя документу конца XIV или начала XV вв. совершенно удобно располагаться внутри летописей XI или XII вв., такая схема летописания обнаруживает, что фундаментально ошибочна в критических своих сегментах.

Разгадывающая головоломку: *Краткая правда* и *Синодальный список Пространной правды*

Установлено: никакие подозрения, насколько бы серьёзными они не казались и как бы солидно не обосновывались, не могут разрушить репутацию документа, однажды попавшего в канон. Применительно к нашему случаю это означает, что пока не найдено приемлемое объяснение, как именно возник текст КрП, картина будет оставаться неполной и не до конца убедительной.

К настоящему моменту у нас уже есть все основания полагать, что КрП возникла как сжатый конспект текста ПрП. Однако, как демонстрируют обсуждавшиеся выше табл. 1 и 2, между двумя текстами не удаётся обнаружить явной структурной корреляции. Независимо от того, какое направление заимствования мы будем полагать верным, выборка будет представляться случайной, а лежащего в её основе рисунка выявить невозможно. Если КрП действительно конспект ПрП, она представляет собой плод беспорядочного ума.

Как явствует из предыдущей главы, некоторые специфические чтения КрП ведут к тексту ПрП, близко или тождественному с *Пушкинским* видом. Хотя нет сомнений в том, что автор КрП действительно знал этот вид текста ПрП, трудно утверждать, будто *Пушкинский* вид послужил основанием КрП. Другие специфические чтения *Пушкинского* вида, не находящие соответствия в тексте КрП, говорят против такой возможности.

Так, например, в *Пушкинском* виде отсутствуют статьи 16 и 17,¹⁷¹ фигурирующие как статьи 26 и 27 в КрП; также отсутствуют статьи 24 и 25, фигурирующие как статьи 9 и 3 в КрП. Обратим внимание и на следующие чтения: КрП-1 *аще будеть русин vs П-1 ачи будеть горожанин*; КрП-7 *аще ли перст утнеть которьи любо vs П-28 аже утнеть мечем кии любо*; КрП-42 *и сути им на рот vs П-9 конем на ворот сути*; КрП-42 *а переде гривна vs П-10 а переди съсадная*; КрП-4 *утнеть мечем, а не вынез его vs П-23 ударить мечом вынез его*; КрП-36 *жерав* отсутствует в соответствующей статье П-81.

Во всех случаях, где КрП расходится с *Пушкинским* видом, её чтения согласны с *Троицко-Синодальной группой*.¹⁷² Таким образом, следует предположить,

171 Счёт статей ПрП установлен по наиболее полному её тексту в Троицком *Мериле Праведном*.

172 Также к *Пушкинскому* виду ведёт и чтение КрП-19 «то платити в немь»; ср.: *Пушк.*: «то платити в немь», против *Синод.-Троицк.*: «то платити в томь» (ст. 40). Это чтение, однако, менее показательное, так как присутствует во всех списках *Пушкинской* группы, в том числе и в *Археографическом II* (то есть, в приложении к *Комиссионному* списку НПЛмл). Этот последний, впрочем, следует исключить из числа возможных источников КрП. Ср., например, характерное чтение КрП-17 о холопе, ударившем свободного мужа: «а за тым где его налезуть ударенныи тои мужь да биють его». В *Синод.-Троицк.* (ст. 65): «а затемь аче и кде налезеть ударенни ть [...] любо бити и розвязавше [...]»; похоже и в *Пушк.*: «и затемь аци где налезеть ударенный [...] любо бити розвязавше». В *Арх. II*, однако, совершенно иначе: «а за тым аци где налезеть ударенный [...] а

что автору КрП был доступен и ещё один список ПрП, и именно его он положил в основу своей работы.

Традиционно полагают, что стандартный и наилучше сохранившийся текст ПрП содержится в списке Троицкого *Мерила праведного* XIV в. Именно эту версию, как правило, воспроизводят многочисленные издания *Правды русской*, предназначенные для учебных или просветительских целей. Этот же текст служил для нас руководством при составлении табл. 1 и 2. Однако наиболее древний список содержится в Новгородской *Синодальной Кормчей* 1280/1282 гг.¹⁷³ Текст ПрП здесь полный, сходный с *Троицким* (отчего и объединяется в одну группу), но порядок следования статей – совершенно отличен.¹⁷⁴ Принимая нумерацию статей *Троицкого* списка, последовательность *Синодального* списка будет выглядеть следующим образом:

I — 1–17
II — 20–53
III — 56
IV — 66–74
V — 88–95
VI — 101–109
VII — 54–55
VIII — 57–65
IX — 75–87
X — 96–100
XI — 110–121

Отсутствуют, таким образом, статьи 18 и 19; все остальные на месте, но в сильно «перепутанном» виде. Причины такого необычного расположения текста неясны и были предметом споров в историографии. Большинство исследователей высказывалось в пользу мнения, что механический дефект в оригинале *Синодального* списка (где, должно быть, оказались перепутаны листы) достаточно хорошо объясняет последовательность текста. Карский, однако, отметил, что если бы виной было механическое перемещение листов, то фрагменты, по крайней мере, некоторых статей неизбежно оказались бы в различных местах

любо тако же 2 гривне». О том же свидетельствует и КрП-36, где перечислены штрафы за кражу птицы («а в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан [...]»). В *Арх. II* (ст. 81) в списке отсутствуют *журы, лебеди и журавль*; в *Пушк.* нет только журавля; в *Синод.* список полный, идентичный КрП.

Напротив, статья КрП-40 свидетельствует в пользу *Синод.-Троицк.* группы. Здесь (ст. 42), как и в КрП, сделано различие между коллективной («будет ли их много, то всем по 60 кун») и индивидуальной кражей скота; в *Пушк.* – отсутствует окончание статьи, так что санкция есть только за индивидуальную кражу.

173 О датировке рукописи см.: Янин В.Л. О дате Новгородской Синодальной кормчей. *Древняя Русь и славяне*. М., 1978, 287–292.

174 Наилучшим изданием по-прежнему остаётся: Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 26–62. См. также: *Правда Русская*. Т. I. *Тексты*, 121–133.

рукописи и это сделало бы текст неудобочитаемым. Между тем, статьи, хотя и в ином порядке, но каждая – полного состава и никакие их части не утеряны, не оторваны и не перемещены. Учитывая, что *Синодальный список* – древнейший из сохранившихся, Карский предположил, что его порядок и должен быть признан изначальным, в то время, как порядок *Троицкого списка*, вероятно, представляет собой результат позднейших усилий по кодификации *Правды*.¹⁷⁵

Обратившись к той же проблеме через десять лет после Карского, Тихомиров настаивал, что определённый порядок всё же существует и может быть объяснён особенностями оригинала *Синодального списка*.¹⁷⁶ Он отметил, что наименьший «перемещённый» фрагмент равен 12 строкам рукописи, что составляет половину столбца; два следующих равны 64 и 59 строкам (два с половиной столбца каждый), затем – фрагмент в 76 строк (3 столбца). Свои наблюдения Тихомиров суммировал в следующей таблице:

1	12 строк	0,5 столбца
2	64 строки	2,5 столбца
3	59 строк	2,5 столбца
4	76 строк	3 столбца
5	54 строки	2 столбца
6	104 строки	4 столбца
7	125 строк	5 столбцов
8	70 строк	3 столбца

Тихомиров заключил, что для всех цифр во второй колонке таблицы наименьшим общим кратным выступает 25, что оказывается количеством строк в одном столбце *Синодального списка*. Он предположил, далее, что страница оригинала *Синод.* должна была содержать объём текста, приблизительно равный объёму одного столбца *Синод.* Следующим допущением Тихомирова было предположение, что писец *Синод.* пытался располагать киноварные заголовки ближе к началу страницы, таким образом, начиная каждую страницу новой статьёй, что объясняло бы то обстоятельство, что ни одна часть статьи не оказалась случайно потеряна или оторвана от основного текста.

Действительно, легко заметить, что *все* сегменты в *Синод.* имеют киноварные заголовки, что придаёт предположению Тихомирова дополнительный вес. Вместе с тем, довольно трудно представить себе рукопись, чей писец умудрился бы начинать *каждую страницу* с новой статьи и заканчивать страницу именно окончанием статьи и при том так, чтобы ни один фрагмент не оказался утерян. Учитывая довольно небольшой формат реконструируемого Тихомировым оригинала *Синод.*, где объём текста на странице был бы равен одному столбцу *Синод.* и где, следовательно, не было бы достаточного пространства для маневрирования, а также учитывая совершенно различную длину индивидуальных

175 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 7–9.

176 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 86–88.

статей *Правды*, такое форматирование было бы практически невозможно достигнуть.¹⁷⁷

Сходно смотрел на дело и С.В. Юшков. Он также утверждал, что «в каждом комплексе статей, чередующихся в Синодальном списке, содержится определённое число строк или букв, которое могло содержаться в листе малого формата, увеличенное в несколько раз (1, 4, 5, 6, 8)». ¹⁷⁸ Но поскольку Юшков предполагал, что *Правда* была заимствована в *Кормчую* из юридического сборника, который имел практическое значение, а, значит, был малого формата (в четвёрку), эти сегменты *Синод.* отражают не столбцы, но «листы малого формата». Эти листы уже были перепутаны в юридическом сборнике или оказались перепутаны при переписке *Кормчей*, послужившей оригиналом для *Синод.*

Можно предположить и ещё один сценарий возникновения уникального порядка следования статей в *Синод.*¹⁷⁹ В *Синод.* существует очевидный водораздел в виде статьи 109. Перед тем, как достичь его, компилятор продвигался, выписывая из своего оригинала фрагменты строго в порядке возрастающих номеров: 1–17, 20–53, 56, 66–74, 88–95, 101–109.¹⁸⁰ Достигнув вершины (ст. 109), компилятор вернулся к началу текста и выписал (в том же порядке неукоснительно возрастающих номеров) все фрагменты, которые были им пропущены при первом «проходе»: 54–55, 57–65, 75–87, 96–100, 110–121. В результате *Синод.* можно рассматривать как текст, состоящий из двух выборок из оригинала. В самом деле, едва ли случайно то обстоятельство, что обе серии (из шести и пяти фрагментов соответственно) демонстрируют одинаковый метод строго возрастающих номеров. Вероятно, изначальная идея редактора *Синод.* состояла в том, чтобы создать именно выборку из текста *Правды*, но в какой-то момент работы он изменил план и решил воссоздать полный текст.

Подобные техники компилирования, в особенности текстов, состоящих из хорошо различимых и небольших сегментов, имеющих самостоятельное значение (например, сборников изречений), известны. Так, например, М.Н. Сперанский описал один из сборников, содержащих *Притчи Соломоновы*, автор которого, извлекая из текста выборку, в какой-то момент остановился в продвижении, вернулся к началу, переписал всё, что пропустил при первой попытке, и, наконец, завершил работу перепиской остатка текста с того момента, где сделана была остановка (создав, следовательно, три выборки из своего источника).¹⁸¹ Аналогичную технику Т.Л. Вилкул проследила в тексте *Столловца Геннадия в Изборнике Святослава 1076 г.*¹⁸²

177 А.А. Зимин также настаивал, что порядок *Синод.* происходит от дефектов его оригинала (Зимин А.А. *Правда Русская*, 157).

178 Юшков С.В. *Русская Правда. Происхождение, источники, её значение*, 144.

179 Эта идея подсказана мне Т.Л. Вилкул.

180 Указываю номера статей для удобства ориентации в тексте. Разумеется, ни в *Синод.*, ни в его оригинале никакой нумерации статей не было. Нумерация, однако, наиболее наглядно демонстрирует продвижение писца в тексте.

181 Сперанский М.Н. *Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты*. М., 1904, 501–502.

182 Вилкул Т. Христианское мироощущение древнерусского книжника (Опыт исследования «Столловца Геннадия» в Изборнике Святослава 1076 г.). *Mediaevalia ucrainica*, 2 (1993), 5–29.

Ещё один пример – *Новгородская Карамзинская* летопись XV в., текст которой представляет собой две выборки из предполагаемого протографа (восстанавливаемого в целости, если произвести обратную процедуру «соединения» текстов).

Почему компилятор *Синод.* применил такую технику, остаётся только гадать. Но, быть может, не случайно то обстоятельство, что *Синодальная Кормчая* 1280/1282 гг., согласно Щапову, была первой, включившей в себя текст *Правды*. При том, что статус этого светского текста в составе церковного законодательства мог быть ещё не вполне ясен, можно предположить, что изначально и не планировалось включить в кормчую *Правду* в полном объёме.¹⁸³

Впрочем, каковы бы ни были причины уникального порядка статей в *Синод.* – механические дефекты в оригинале или сознательная техника компилирования, – нас больше занимает конечный результат. Уникальный порядок текста в *Синод.* помогает, как кажется, установить источник для КрП.

Таблица 3: Структурное соотношение КрП и ПрП по *Синодальному* списку

1		1	615 v
2		29	617 v
2		30	
3		25	
4		23	
5		27	
6		27	
7		28	
8	X		
9		24	
10		31	
11		32	
12		33	618
13		34	
14		35	
15		47	620
16		38	619
17		65	624 v
18	X		
18		2	
19		1	
19		3	
20		3	
21		40	

¹⁸³ Быть может, пристальный анализ содержания статей *Правды*, вошедший в первую «выборку» *Синод.*, мог бы прояснить, что именно интересовало её создателей в первую очередь.

22		11	
22		12	
23	X		
24		13	
25		14	
26		16	
27		17	
28		45	619 v
29		38	619
30		29	617 v
31		41	
32		75	624 v
33		78	
34		72	621 v
35		79	625
36		81	
37		81	
38		40	
39		82	
40		42	
41	X		
42		9	616 v
42		10	
43		97	626

Сопоставительная таблица статей КрП и ПрП по *Синодальному* списку (табл. 3) рассказывает всё ту же знакомую историю хаотического распределения статей КрП по тексту ПрП. Однако, если мы присвоим цветовые значения сегментам *Синод.* (или иным образом обозначим их), то окажется, что некая закономерность всё же начинает просматриваться. Обнаруживается, например, что автор КрП работал (более или менее) в пределах выделенных сегментов, всё равно, осознавал ли их, или нет. Так, например, оказывается, что, выписав заглавие и первую статью, наш автор переключился на второй сегмент, выписывая из него последовательно вплоть до 38 статьи. Затем, «изолировав» этот слой одной статьёй из четвертого сегмента (ст. 65), он вернулся к первому сегменту и стал выписывать (в последовательности возрастающих номеров!) всё пропущенное за первым заходом вплоть до 17 статьи.¹⁸⁴ Примечательно, что выписку из первого сегмента автор КрП обрывает именно на этой статье, то есть как раз там, где сегмент заканчивается в *Синод.* списке. В этом месте (т.е. после статьи 17) в *Синод.* наличествует единственный его пропуск – нет статей 18 и 19 между первым и вторым сегментами. То обстоятельство, что этих же статей мы не на-

¹⁸⁴ В пределах этого сегмента единственная «аномалия» – статья 40, занесённая из второго сегмента.

ходим и в КрП, соблазнительно было бы объяснить тем, что автор КрП работал с текстом, тождественным или близким к *Синод.* Впрочем, придавать слишком большой вес этому наблюдению рискованно – большое число иных статей ПрП также отсутствуют в КрП.

Как видно из табл. 3, ближе к концу работы автор КрП всё чаще «перескакивает» между сегментами, ожидаемо отбирая всё меньшие порции текста (четыре статьи подряд второго сегмента, затем две статьи пятого, одну статью четвертого, затем три пятого, и затем ещё пять раз по одной статье из различных сегментов).

Осознавал ли автор КрП, что в *Синод.* списке порядок статей необычен и мог ли он фиксировать окончания и начала сегментов? Ответить на первый вопрос можно с уверенностью и в положительном смысле. Как было показано в предыдущей главе, у нашего автора, несомненно, был ещё один список ПрП, *Пушкинского* вида, где порядок следования текста совершенно обычен для *Правды*. Не заметить различий автор не мог бы. Ответить на второй вопрос сложнее, так как установление границ сегментов предполагает весьма детальное сличение текстов. Но совершенно исключить такой возможности нельзя.

Вырисовывающаяся общая картина работы автора КрП, однако, не объясняет неожиданных скачков, которые он совершал внутри сегментов. Почему, например, проследовав во втором сегменте до статьи 35, он вдруг выписывает статью 47, а затем опять возвращается назад, к статье 38? И другой вопрос: почему, «меняя» сегменты, наш автор обращается именно к этой статье, а не, скажем, любой другой?

Эти и подобные вопросы находят свой ответ, если в таблицу мы добавим ещё один параметр – пагинацию *Синодального* списка. В этом случае становится очевидно, что все «скачки» автора КрП приходятся на границы страниц *Синод.* Это обстоятельство – именно, что практически во всех случаях автор КрП останавливался свой выбор либо на первой, либо на последней статье страницы, не может быть случайностью. «В этом безумии есть метод».

Теперь мы в состоянии лучше понять процесс работы автора КрП. Он действительно выбрал ПрП как свой оригинал. Но скопировать весь текст ПрП было и невозможно, и нецелесообразно. Задачей автора КрП (летописца, составляющего рассказ о прошлом!) было создать некий вариант, который бы удобно вмещался в летопись и не прерывал существенно течение рассказа. Быть может, автор КрП имел какое-то представление о том, какой именно длины текст он может себе позволить. С этой целью ему необходимо было решительно сокращать имевшийся у него оригинал. Нужно было выбирать – что переносить в летопись, а чем пренебречь.

Вероятно, именно ощущение автором пропорций и ответственно за ту манеру, в которой он завершал работу. Вначале автор КрП работал размашисто – первый и второй ломоть ПрП были отрезаны им щедро. Но, вероятно, вскоре он обнаружил, что этого не вполне достаточно и отпущенный ему объём позволяет вместить ещё какое-то количество текста. Он стал добавлять из разных мест ПрП меньшие фрагменты, по три или две статьи, в конце концов завершив цепью из пяти одиночных статей, выбранных наугад (это вызывает образ мелких

гирек, последовательно добавляемых для определения точного веса). Делая выбор, автор КрП следовал нехитрому принципу – он просто листал свой оригинал, выбирая либо первую, либо последнюю статью на странице.

И всё же вопросы остаются, и ответы на них можно дать только предположительные. Главный из вопросов таков: почему, выписав из своего источника первую статью, автор КрП сделал такой большой скачѣк и остановил свой выбор на статье 29? Нет сомнения, что ему необходимо было «перепрыгнуть» через статью 2 ПрП, т.е. «историческую статью», где речь идёт о Ярославичах. В конце концов, его мысль состояла в том, чтобы создать «грамоту» от имени Ярослава, а не его детей. Автор КрП, несомненно, желал бы отложить их появление на страницах документа до более позднего случая. Но почему следующей за 1 статьѣй стала 29-я?

Во-первых, она расположена ровно двумя листами ниже (617v) первой статьи (615v) в *Синод.*, так что нашему автору стоило просто перевернуть два листа и возобновить выписывание с того же места на странице, где он и прервался. Возможно, какие-то другие соображения повлияли на его решение. Статья ПрП-29 «О муже кроваве» довольно примечательна. Это странствующая статья не только в КрП, но также и в *Сокращѣнной правде*. Встречается она и отдельно от основного текста, перед некоторыми списками ПрП.¹⁸⁵ В *Сокращѣнной правде*, что любопытно, она расположена в совершенно идентичной позиции – непосредственно за первой статьѣй. Обычно СкП считают поздней переработкой *Чудовского* или *Ферапонтовского* вида ПрП.¹⁸⁶ Однако Тихомиров, несомненно, один из наиболее проницательных исследователей *Правды*, полагал возможным датировать её возникновение XV веком.¹⁸⁷ Соображения хронологической близости, таким образом, позволяют предполагать, что автор КрП мог знать СкП, что и подтолкнуло его перескочить сразу к ПрП-29. Любопытно, что ещё один, весьма лапидарный после сокращений, вариант этой статьи находим в статье 30 КрП, то есть приблизительно в той части текста, где бы и ожидали.

Оказавшись внутри второго сегмента, автор КрП продвигался более-менее последовательно. Не вполне понятно, что заставило его перескочить от статьи ПрП-38 «О челядине» его оригинала к статье ПрП-65 «А се оже холоп ударить». Он мог руководствоваться общностью социального статуса упомянутых людей. Так же не совсем ясно, что заставило его вернуться к началу оригинала и начать вновь со статьи 2. Не желание ли передвинуть «историческую статью» о Ярославичах ближе к позиции, которую в ПрП занимает вторая «историческая статья»?

Но то, что именно этот резкий возврат ответственен за избыточный «второй заголовок» КрП («Правда *у*ставлена Руской земли...»), ясно. Необходимо заме-

185 Поэтому С.В. Юшков полагал необходимым издать её в приложениях к изданию *Правды* Украинской академии наук, см.: *Руська правда. Тексти на основі 7 списків та 5 редакцій*. Склад і підгот. С.В. Юшков. К., 1935, прилож. Так же поступил и Тихомиров, см.: *Пособие для изучения Русской Правды*, 120.

186 Любимов В. Списки Русской Правды, 51.

187 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 183–197.

тить, что первой «исторической статьёй» в *Синод.* начинается второй столбец первой страницы, ровно напротив общего заголовка *Правды* (см. рис. 3).

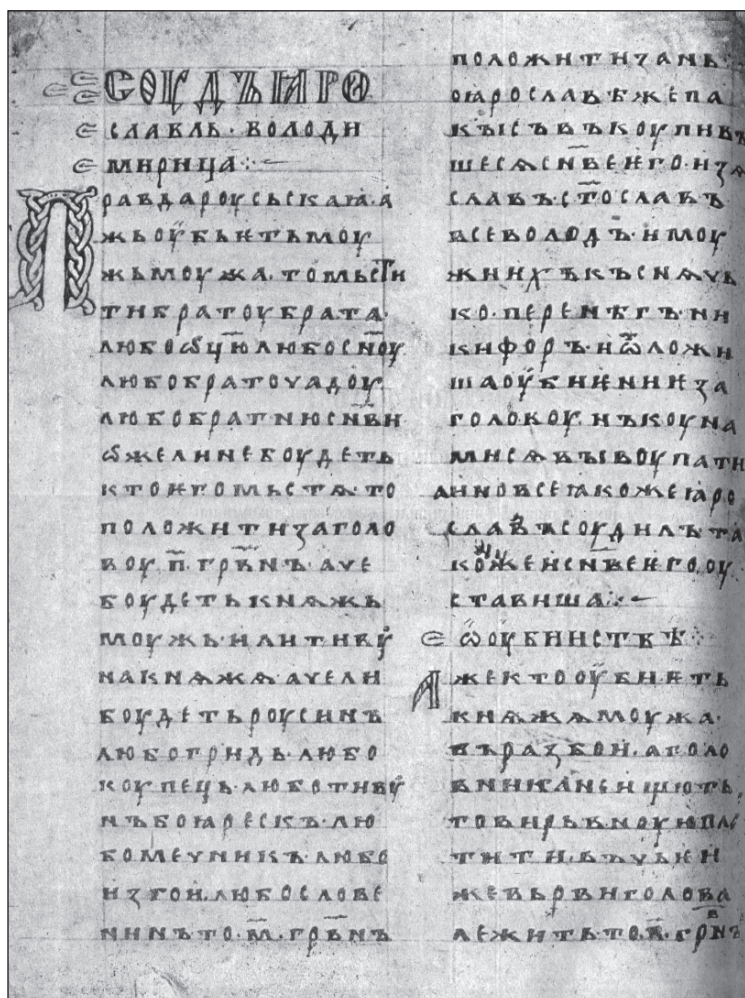

Рис. 3. Начало *Синодального списка Правды русской*, л. 615 об.

Легко совершить зрительную ошибку и, вернувшись, попасть взглядом на первую строку первого столбца, т.е. заглавие. Ложное «второе» заглавие доказывает, кроме прочего, что к этому времени автор КрП должен был уже знать вторую из «исторических статей» ПрП («А се уставу Володимер»), поскольку явно апеллирует к ней. Эта отсылка и не удивительна, поскольку ровно перед этим вторым заголовком помещена статья, заимствованная из ПрП-65 (которой, кстати, *оканчивается* восьмой сегмент), находящаяся намного дальше «второй исторической» статьи (ПрП-53).

Свою статью 17 автор КрП заимствовал из статьи ПрП-65, ср.:

КрП	ПрП
Или холопъ оударит(ь) свободна моужа, а оубѣжитъ в хоромъ, а господинь начнетъ не дати его, то холопа поати, да платитъ за него господинь его 12 гривнѣ, а за тимъ, гдѣ ег(о) налѣзоут(ь) оударении тои моуж(ь), да биют(ь) его	А се оже холопъ оударитъ. Аже холопъ оударитъ свободна моужа а оубѣжитъ въ хоромъ. а господиноу него не выдасть. то платити за нь господиноу 12 гривъ. а за тымъ оуе кдѣ налѣзѣтъ оударени тѣ своего истѣуа. кто же него оударилъ. то Ярославъ былъ оуставилъ н оубити. нь сынове него оуставилъ по отци на коуны. любо н бити розважавше. нли взати гривна кунъ за соромъ

То, что автор КрП дочитал статью своего оригинала до конца, выдается санкцией: *да биють его*, что отражает *любо н бити розважавше* ПрП. Это одна из наиболее внятно переданных в КрП статей ПрП. Но примечательно в ней даже не это, а то, что именно автор КрП решил сократить: упоминание о Ярославичах и об отмене кровной мести. Случайно ли, что сразу после этой статьи в КрП следует «историческая статья» о Ярославичах?

Итак, какие-то намёки на мотивы скачков от первого сегмента ко второму и затем от второго сегмента назад к первому всё же отыскиваются.

Какими бы соображениями не руководствовался автор КрП, представляется, что в остальном его главным принципом было «пролистывать» свой оригинал, останавливая выбор либо на первой, либо на последней статье на странице. В некоторых случаях можно даже показать, что за рамками его текста осталась именно та часть статьи, которая переползала на другую страницу. Как именно он изобрёл свой метод, неизвестно, но вполне вероятно, что как раз порядок (или беспорядок?) его оригинала был тому виной. Наблюдения над порядком его работы убеждают, что каким-то образом он ощущал границы между сегментами в *Синод*.

Кроме одной статьи из восьмого сегмента (ПрП-65), наш автор заимствовал ещё по одной статье из отдалённых сегментов: из четвёртого – ПрП-72/73 (КрП-34)¹⁸⁸ и из десятого – ПрП-97 (КрП-43). Статьей 65, как отмечалось, окан-

188 Хотя большая часть статьи КрП-34, действительно, заимствована из ПрП-72, одно её чтение обнаруживает, что и ПрП-73 приняла здесь участие. В КрП-34 (о нарушении межи) фигурирует так и оставшееся невыясненным слово *перетесь* («А иже межоу переореть либо перетесь»). Судя по варианту Акад.: *сопретесь*, и слово, и содержание статьи было непонятно уже копиистам НПЛмл. Слову посвящена даже специальная статья В.Е. Данилевича (Слово «перетес» в Русской Правде. *Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой*, 199–127), автор которой, по его собственному признанию, так и не смог разрешить «один из тёмных и трудных вопросов в истории быта и права древней Руси». Перетес представляет собой *hapaх*. Тихомиров (*Пособие для изучения Русской Правды*, комм. к статье 33) трактовал *перетес* как специальный термин для «межевого знака на дереве». В этом случае, текст звучит странно: дерево перепаживают. Соболевский, полагая место явно испорченным, думал, что смысл можно восстановить, если допустить пропуск хотя бы одной глагольной формы с значением «произведёт» (см. комментарии к статье в: *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*, 207). Статья ПрП-72 трактует нарушение межи (бортовой, пахотной или дворовой). Следующая короткая статья 73 (одно предложение) трактует порчу межевого дуба: *Оже доубъ перетнетъ знаменгын...* Можно думать, загадочный *перетес* появился в результате искажения *перетнетъ*. Это, кстати сказать, индивидуальное чтение *Синод*,

чивается сегмент. Две остальные также расположены маркировано: 73 является предпоследней в своём сегменте (и последней на странице); 97 является второй в своём сегменте и также последней на странице. Их выбор, возможно, определился тем, что в обоих случаях автор переходил от статей (78 и 9 соответственно), также находившихся внизу страницы.

Заметить границы сегментов автор КрП мог, сличая *Синод.* с иным доступным ему списком ПрП. Действительно, по крайней мере, один такой список у него был – *Пушкинского* вида. Автор КрП не мог не заметить различий между двумя текстами *Правды* в том, как расположен их текст. Располагая только двумя копиями, ему было бы затруднительно или даже невозможно определить, какой из двух порядков следования статей верный. Скорее, он мог прийти к выводу, что вообще никакого установленного порядка не существует и он, следовательно, не обязан следовать любому из них. Можно, впрочем, предполагать, что *Синод.* казался ему более авторитетным текстом, чем *Пушк.* и он сделал окончательный выбор в пользу *Синод.* Синодальная *Кормчая* была не просто наиболее древним из доступных текстов, но к тому же (судя по её истории) считалась рукописью особенно чтимой в Новгороде.¹⁸⁹

Впрочем, наш автор и не был обязан составлять внятный юридический документ, пригодный для использования. В его задачу входило «набросать» некое подобие грамоты, которое (подобие) его читатели смогли бы принять за старинную грамоту древнего князя. Единственное требование, как кажется, состояло в том, чтобы не превысить некий объём. Чем именно (то есть, какими именно нормами) она будет заполнена, в сущности, было не так уж и важно.

отличающее его от всех иных списков ПрП, где вместо *перетнетъ* находим *подотнетъ*, *посечеть* или *потнетъ* (см. сводные тексты ПрП: *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 434).

189 Необходимое признание: я использую *Синод.* как наилучшее приближение к возможному оригиналу КрП. На самом деле, метод «перелистывания» до определённого момента (как правило, до середины текста) даёт удовлетворительные результаты и будучи применён к иным спискам ПрП с приблизительно равным *Синод.* объёмом текста на страницу (к примеру, *Пушк.* конца XIV в.). Учитывая, что автор КрП не цитировал свой источник буквально, но предлагал весьма сжатые резюме статей, и учитывая огромные скачки между ними, большей точности в определении его оригинала, по существу, и не требуется. Вывод о методе «перелистывания», даже если *Синод.* не был оригиналом для КрП, предполагает, что теоретически такая рукопись могла существовать и, следовательно, предлагает решение проблемы в общем виде. Оказывается действительно возможным объяснить происхождение текста КрП как компиляцию из текста типа ПрП. Сделав эти оговорки, я всё же настаивал бы на том, что *Синод.*, с его особенным порядком текста, представляет наилучшее объяснение происхождения КрП. Существует высокая вероятность того, что он и послужил оригиналом КрП.

Разгадывая головоломку: *Краткая правда и Пространная правда II*

В своё время Соболевский отмечал, что многие статьи КрП – просто бессмысленны или темны оттого, что так сильно отредактированным оказался их оригинал, т.е. соответственные места ПрП. Он указал на статьи 3, 6, 16 и 18.¹⁹⁰ Этот список может быть существенно расширен. В самом деле, многие статьи КрП поддаются пониманию только потому, что исследователь уже знает текст ПрП и мысленно заполняет пропуски или исправляет несообразности текста КрП, исходя из знания текста ПрП. Эти дефекты КрП хорошо известны, но поразительным образом все расхождения между ПрП и КрП продолжают трактовать в пользу древности последней. Если бессмысленно, значит, древнее.

Рассмотрим для примера статью 2 КрП:

Или боудет(ь) кровавъ или синь надражень, то не искати емоу видока человекѡу томоу; аще не боудет(ь) на немъ знаменіа никоего же, аще ли приведет(ь) видокъ [Арх.: приидеть]; а внъ [Арх.: аще ли] не можетъ, ино тоу томѣ конецъ

Установление совершенно невразумительно. Невозможно понять, почему человеку с видимыми признаками того, что его избили, не следует искать свидетеля. Что происходит, если свидетель всё же появляется, неясно, так как фраза явно оборвана. Почему дело прекращается, если кто-то неозначенный *не можетъ* и что именно он «не можетъ», остаётся тайной.

На эти вопросы можно ответить, только обратившись к тексту ПрП:

Оже придеть кровавъ моуже на дворъ. или синь то видока іемоу не искати. нъ платиті іемоу продаю .г. грѣн• или не боудеть на немъ знаменна• то привести іемоу видокъ• слово противѡу слова• а кто боудеть науалъ• томоу платити *ѣ* коушь• аче же и кровавъ придеть • или боудеть самъ поуалъ• а вѣстоупать послоуен• то то іемоу за платежь ѡже и выли¹⁹¹

Только из текста ПрП мы понимаем, что избитый человек с явными следами (кровь, синяки) вправе на компенсацию и не нуждается в свидетелях избияния для этого; что свидетель становится необходим, только если видимых знаков нет. Также свидетель должен выступить, если избитый сам первый начал драку. Мы также понимаем, что странное *то тому конецъ* – это просто приём сокращения более пространного текста (как, например, и в следующей статье 3: *то тому конецъ*).

190 Ср.: «Некоторые из первых 17 статей [*Краткой правды* – А.Т.] не имеют смысла» (Соболевский А.И. Две редакции Русской Правды, 20).

191 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 32–33.

Во многих случаях текст КрП настолько аграмматичен, что совершенно невозможно понять, кто что сделал или сказал и кто заслуживает компенсации и за что. Автор КрП злоупотребляет местоимениями или опускает какую-либо часть предложения, так что конечный результат звучит довольно гротескно:¹⁹²

<i>ПрП</i>	<i>КрП</i>
аже кто познаеть свое уто боудеть погоубнль• или оубрадено оу него уто• или конь • или портъ• или скотина• то не рци се мое• нъ понди на сводъ кдъ еси възаль• съведетеса кто боудеть вновать• на того татьяа сндеть • тыгда онъ свое възметь •	Аще познаеть кто, не емлет(ь) его, то не рци емоу: мое, но рци емоу тако: поиди на свод, кдъ еси възаль; или не поидет(ь), то пороучника за 5 дніи

Если бы не текст ПрП-35, нам было бы чрезвычайно сложно решить: что именно было опознано (или кто?); кто (или что?) не должно быть взято; кто кому не должен говорить «мое»; почему владелец украденного (если нечто было украдено, что неочевидно), а не пострадавший, должен искать первого вора и т.д.

Аналогичным образом, статья КрП-15 практически недоступна расшифровке без обращения к соответствующему тексту ПрП, как становится очевидно из следующего примера:¹⁹³

<i>ПрП</i>	<i>КрП</i>
А оже кто възницьеть коуны на друзъхъ• а онъ са наунеть запирати• то оже на нь введееть послочси. то ти пондоуъ на ротоу. а онъ възметь свое коуны• зане же не даль иемоу за много лтъ• то платити иемоу за обидоу •ѣ• грѣны•	Аще гдѣ възницьеть на друзи проче, а онъ са запирати начнетъ, то ити емоу на изводъ пред 12 мужа, да аще боуда обида не вдаль достойно емоу свои скот, а за вбиду 3 гривнѣ

Кроме проблем с грамматикой, следует отметить, что наш автор, похоже, совершенно неправильно понял термин *изводъ*, который полагал синонимом свидетельских показаний. (Так же ошибочно он интерпретировал и термин *поконъ* (статья 21), под которым, судя по контексту, понимал судебный штраф («а то же покон и тивуницу»)). В некотором смысле текст КрП представляет собой «перевод» установлений ПрП, причём техника его предполагала нанизывание коротких предложений. В результате перевода появились статьи КрП, совершенно лишённые ясного смысла, как, например, статья 3:

Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, или пастью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; *аще сего не постигнууть, то платити ему, то ту тому конецъ*

192 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 34–35.

193 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 39–40.

Статья, кажется, настаивает, что сбежавший и не пойманный виновный должен каким-то образом заплатить за обиду или же, что кто-то должен заплатить за него, но фразу можно понять и так, что жертва избиения должна заплатить сама себе. Похожая невнятность и в статье 13:

Аще кто поидет(ь) на чужемъ конѣ, не прошав его, то положити 3 гривны

Смысл фразы, вероятно, должен был состоять в том, что нельзя без спроса ездить на чужом коне, но злоупотребление местоимениями привело к тому, что буквальный смысл оказался – прежде чем ездить на чужом коне, нужно спросить разрешение у коня.

Наконец, некоторые чтения КрП могут быть объяснены как результат ошибочного прочтения ПрП и, таким образом, указывают на направление заимствования текстов. Статья 21 содержит весьма странный термин *коровья татьба*:

А иже оубиют(ь) огнищанина оу клитѣ, или оу кона, или оу говада, или оу коровьи татѣ, то убити за пса мѣсто.

Прежде всего, выглядит довольно странно, что огнищанин – член княжеского окружения – занимается мелким воровством скота (а таков буквальный смысл). Во-вторых, смущает, что огнищанина можно убить *во пса место*, т.е. не понести никакой ответственности за его убийство (пусть даже и во время неблагоприятных занятий).¹⁹⁴ В-третьих, странно – потому что явно тавтологично – звучит *коровья татьба*, ведь кража «говяда» и есть кража коров. Наши недоумения так и оставались бы неразъясненными, если бы не текст ПрП, где находим все ответы, а кроме того – объяснение, как именно в КрП возникла *коровья татьба*:

А оже оубьють кого оу клѣтнѣ или оу которон татьбы• то оубьють въ пса мѣсто• оже ли и додържатъ свѣта• то вести и на князь дворѣ• оже ли оубиють нѣ а оуже боудуць людие видѣли съвзана• то платити в томъ •ѣи• грѣне•¹⁹⁵

Ещё один пример, частично обсуждавшийся выше – статья 43 КрП (*Урок мостником*), устанавливающая, что работник получает вознаграждение в одну ногату за всю работу по починке или строительству моста («взати ѿ дѣла ногата»). Подобная оплата выглядит слишком незначительной, в особенности принимая во внимание статью ПрП-97, щедро оплачивающую по 10 ногат за каж-

194 Можно было бы гадать, не имеет ли статья ввиду два различных убийства: огнищанина, защищающего скот, и его пойманного убийцы, собственно вора. Но в том виде, как фраза читается в КрП, в ней отсутствует второй субъект. Её смысл: если огнищанина застанут за кражей скота и убьют, то не нужно никакого расследования. Впрочем, это спасительное толкование оказывается излишним ввиду смысла статьи ПрП, послужившей оригиналом.

195 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 37. *Коровья* в КрП возникло из *котороя* под влиянием предыдущего *говяда*. Словарь определяет последнее как «крупный рогатый скот» (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 2. М., 1989, 344). Таким образом, статья явно тавтологична, что убеждает: *коровья татьба* не трудное чтение, но вторичное чтение.

дые 10 локтей завершённого покрытия моста. Если бы не специфическое чтение ПрП (*взати ѿ дѣла ѿ 10 локоть по ногатѣ*) нам пришлось бы предположить одно из двух – либо в XI в. мастерство мостников ценилось весьма скромно и драматически возросло в цене в XII в., либо в XI в. мосты не превышали одного локтя в длину.

Итог: обычно КрП доступна пониманию и толкованию только вместе с текстом ПрП. Сама по себе КрП зачастую настолько невнятна, что граничит с бессмысленностью. Происхождение подобного текста можно объяснить как неудачное сокращение более пространного и удобочитаемого текста ПрП.

Разгадывая головоломку: денежная система *Краткой правды II*

Имея теперь более ясное представление о происхождении текста КрП, можно вернуться к загадке её денежной системы с «дорогой» резаной, доставлявшей исследователям столько хлопот.

Как мы помним, вся проблема возникает из того обстоятельства, что денежные штрафы и виры, указанные в ПрП в кунах, превращены в резаны в КрП. Нижеследующая таблица демонстрирует это превращение:

<i>ПрП</i>	<i>КрП</i>
9. ... а в среду <i>куна</i> , же сыр, а в пятницу тако же	42. ...а в среду <i>резану</i> въже сыры, в пятницу тако же
41. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 <i>кун</i> ; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 <i>кун</i> платити.	31. А иже крадеть любо конь, любо волю, или клеть, да еще будеть един крал, то гривну и <i>тридесять резан</i> платити ему, или их будет 18, то по три гривне и по 30 <i>резан</i> платити мужеви.
42. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 <i>кун</i> ; будеть ли их много, то всем по 60 <i>кун</i> .	40. Аже украдуть овцу или козу, или свинью, а их будеть 10 одну овцу украле, да положить по 60 <i>резан</i> продажи.
79. Аже лодью украдеть, то 60 <i>кун</i> продаже.	35. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 <i>резан</i> , а продажи 60 резан.
81. А за гусь 30 <i>кун</i> , а за лебедь 30 <i>кун</i> , а за жеравль 30 <i>кун</i> .	36. А в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 <i>резан</i> ; а продажи 60 резан.

Поскольку КрП полагают документом значительно более древним, чем ПрП, такое сравнение всегда приводило к выводу о том, что в промежутке между составлением памятников в денежной системе Руси произошли какие-то существенные изменения. Как мы убедились, читая берестяные грамоты, каковы бы ни были перемены в экономике Руси, именно те, что предсказывались на основании текста КрП, не состоялись. Но раз, как мы теперь знаем, соотношение текстов обратное, нужно предположить, что «революция» произошла под пером автора КрП. Замена кун резанами в КрП есть результат последовательно проведённой редакторской правки, а не изменения в счётно-денежных традициях Руси. Редакторский приём состоял в том, что где бы автор КрП в своём оригинале ни встречал *куна*, он заменял её на *резана*. Быть может, ему казалось, что так достигается бóльшая точность высказывания. Стремление к уточнению оригинала можно продемонстрировать и на других

примерах.¹⁹⁶ Как и любой средневековый автор, редактор КрП не был последователен и несколько раз не уследил, ср.: «а в голубе и в куряти 9 кун», статья 36, ср. ПрП-81: а за голубь 9 коунъ, а за коур а 9 коунъ; «оже сено крадутъ, то 9 кун; а в дровех 9 кун», статья 39, ср. ПрП-82: а в сень и въ дровьхъ 9 коунъ. Эти случайно оставшиеся неисправленными случаи указывают, что автор КрП работал с оригиналом, где штрафы были проставлены в кунах.

Из другого примера:

<i>ПрП</i>	<i>КрП</i>
45. А се уроци скоту. Аже за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат, а за коровие молоко 6 ногат.	28. ... за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьякъ 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, а за яря ногата, за боран ногата.

становится ясно, что автор сознательно уменьшал штрафы в кунах в два раза, и при этом он исходил из соотношения между кунной и резаной как 1:2. Это очевидно из того обстоятельства, что единственный штраф, оставленный в кунах (за трёхлетнего жеребца) передан как 15 кун, также в два раза меньше, чем того требовала ПрП. Не будем выяснять, почему автор КрП полагал, будто в старину жизнь была гораздо дешевле – это всеобщее убеждение.

Единственный вопрос, который нас должен занимать: почему автор КрП именно таким образом отредактировал свой источник и из чего при этом исходил?

М.Н. Тихомиров отметил одну особенность «Покона вирного» (т.е. статьи 42), которую назвал «поразительной»: статья устанавливает точный размер вознаграждения, причитающегося вирнику за недельную работу, и этот размер чудовищно велик – 60 гривен, 10 резан и 12 вевериц. Отметим и другую «поразительную» черту: вознаграждением вирника был процент от собранной суммы вир; поскольку люди, как правило, совершают различное количество преступлений от года к году, общая сумма вир будет колебаться, а с нею будет колебаться и процент, причитающийся вирнику. Поскольку предположить заранее количество преступлений, а, следовательно, и объём штрафов невозможно, исчисление вознаграждения с такой точностью (вплоть до веверицы) также невозможно, а его закрепление в законе – непрактично.

¹⁹⁶ Так, например, вместо расплывчатого «много» ПрП он предпочитал «или их будет 18» или «а их будетъ 10»; вместо «оже на нь выведеть послуши» (ПрП-47) он пишет: «ити ему на извод пред 12 человека». Вместо «то колко городне починить» в ПрП-97 он уточняет: «неколико досок, или 3, или 4, или 5». Вместо татбы у «клети» находим: «оу клитъ, или оу кона, или оу говада, или оу коровьи татбъ». При этом очевидно, что, пытаясь быть более точным, чем его оригинал, он не всегда правильно понимал смысл написанного: так, например, в одном из только что приведённых примеров ПрП (статья 41) говорит о краже из хлева или клетки. Переделывая текст, автор КрП добился того, что у него объектом кражи стало сооружение, клетъ: «А иже крадеть любо кон(ь), любо волы, или клтъ...» (КрП-31).

Чтобы объяснить эту странную черту, Тихомирову пришлось гадать: не может ли статья, что вознаграждение вирника исчислялось не от суммы собранных им штрафов, но от определённого территориального округа, где вирник появлялся бы регулярно из году в год. Приняв такое предложение, пришлось бы допускать далее, что ко времени возникновения ПрП порядок сбора вир коренным образом изменился. Это тоже было бы возможно, но действительно поражает зарплата мелкого княжеского чиновника – 60 с лишком гривен. Какое же количество убийств и увечий в небольшом округе предусматривали творцы КрП, чтобы позволить столь высокую оплату?

Статья 42 («Покон вирный») на самом деле оказывается переделкой двух соседних статей ПрП (ст. 9 **А** *се поконн вирьнини*, и ст. 10 **Ω** *виряхъ*). Первая из них устанавливает недельное содержание вирника продуктами и деньгами (скромные 8 гривен). Вторая демонстрирует, как именно исчислять положенный вирнику процент вир на условном примере виры в 80 гривен (в таком случае сборщик получает 16 гривен, 10 кун и 12 векш).¹⁹⁷ Автор КрП объединяет обе статьи в одну:¹⁹⁸

<i>ПрП</i>	<i>КрП</i>
<p>А се поконн вирьнини • А се поконн вирьнини были при Ярославъ. вирьникоу взати • Ѱ вѣдеръ солодоу на не^Алю • оже овьнь. любо полоть. или • Ѵ ногатъ • а въ сре^А. коуна • оже сыръ • а въ патнью такоже • а коуръ по двое на днь • а хлѣбовъ • Ѱ на не^Алю. а пшена • Ѱ оубороковъ • а горохоу • Ѱ оубороковъ • а солн • Ѱ головажень • то то вирьникоу • съ ѡтрокомъ • а конн • Д конемъ на ротъ соути овьсь • вирьникоу. • И грѣнь • а • Г коуны • перекладна • а метелникоу • • В векшн а съсадна грѣна</p> <p>Ω виряхъ • Аже боудеть виръ • въ • И грѣнь • то вирьникоу • сѣ • грѣнь • н • Г коуны • н • В въкше • а передн съсадна грѣн • а за головоу • Г грѣны</p>	<p>А се поконъ вирьни: вирнику взати 7 вѣдоръ солоду на недилу, тоже овень или полоть, или двѣ ногатъ; а въ среду рѣзану, а в пятницу такоже; а хлѣба по колку могут изъести, и пшена; а куръ по двое на день; кони 4 поставити и сыпати имъ на конь, колко могут зобати, а вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а переди гривна; или ся пригодъ в говѣние рыбами, то взати за рыбы 7 рѣзанъ; то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю, а борошна колко могут и ясти; до недѣли же виру сберут вирьници; то ти урокъ Ярославъ.</p>

Очевидно, что автор КрП не был вполне внимателен ни к содержанию (он установился не на первом примере исчисления вознаграждения от «нормальной» виры, но на втором, от двойной), ни к цифрам. Маловероятно, чтобы он мог принять цифру «80» (п) его оригинала за «60» (Ѱ), но она повлияла на ошибочное чтение следующей цифры – «16». Сумма «60» гривен в КрП появилась как результат ошибки самодиктовки – «шестьдесятъ» вместо «шестнадцать». Верный своему принципу, впрочем, он не забыл заменить куны резанами.

¹⁹⁷ В таком случае, сумма, установленная в ПрП-9 – 8 гривен и 10 кун – представляет собой процент от обычной виры в 40 гривен.

¹⁹⁸ Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 29–30.

Расчёты этих двух статей ПрП определили и то, как, по мнению автора КрП, должна исчисляться церковная десятина, обсуждавшаяся в одной из предыдущих глав. Как легко установить, плата вирника составляет 1/5 от суммы собранных вир (и в первом, и во втором примере). Поразительно, но такую же пропорцию устанавливает автор КрП и для десятины. Статья 41 КрП, где устанавливается её объём, не имеет параллели в тексте ПрП, и весьма сомнительно, чтобы такая норма содержалась в светском законодательстве при наличии специального церковного права. Десятина, как и вообще объём материального обеспечения церкви, по авторитетному мнению Е. Голубинского, устанавливалась особыми документами, уставными грамотами, подобными той, что выдана была Ростиславом Мстиславичем Смоленской епископии.¹⁹⁹ Статья 41, следовательно, продукт собственного творчества автора КрП. Определив процент платы вирнику,²⁰⁰ он, вероятно, решил распространить ту же пропорцию на все вообще расчёты своего текста.²⁰¹

В этой статье содержится ещё одно примечательное обстоятельство, по какой-то непостижимой причине не обратившее на себя внимание ни историков, ни знатоков языка. Это единственное место, где указано название княжеского чиновника, ответственного за сбор церковной десятины – *емьць*. Это ещё один *hapaх* КрП.²⁰² На самом деле мы не знаем, как называлась должность соответствующего человека (если таковой вообще принадлежал к княжеской администрации) по той простой причине, что летописи ни разу не упомянули его. По той же причине не знал этого и автор КрП. Он образовал название от глагола «немати» – наиболее естественный выбор, разумеется.

Повышенное внимание автора ПрП к церковным вопросам в своё время отмечалось Тихомировым. Он, например, обратил внимание на то, что строгое разграничение между постными и скоромными днями (проведённое в соседней

199 Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. 1. *Период Киевский или домонгольский*. 1 пол. тома. Изд. 2-е. М., 1901, 506–514.

200 Уяснить, каков смысл этой статьи о десятине в составе *Правды*, довольно трудно. Быть может, понять, что имел автор КрП под *десятиной*, позволяет именно её размер, равный вознаграждению вирника. Не имел ли он в виду судебные пошлины (продажи) или виру, полагающиеся церкви в случае рассмотрения дел церковным судом? Виры и продажи с отдельных категорий населения, действительно, предоставлены Ростиславом епископии.

201 Надо сказать, что расчёты в этой 41-й статье не вполне сходятся. Вторая часть статьи более сбалансирована: от 12 гривен – 10 идёт князю (из которых 2 гривны – десятина), а 70 кун отходит *емьцу* (надо полагать, это означает сборщика дани или налога). 70 кун в системе КрП равняются 2 гривнам и 20 кунам; так что, чтобы удовлетворять условию задачи, в изначальной сумме недостаёт дополнительных 20 кун. Первая часть статьи ещё более путана: от 1 гривны 1 куна идёт *мечнику* и 3 гривны идут князю, из которых 15 кун – в десятину. Таким образом, из штрафа в 1 гривну должны быть уплачены пошлины в более чем 3 гривны. Заметив неладу, писец *Акад.* списка попытался исправить положение, несколько подправив текст: «а от гривни е (т.е. «5») мечнику коуна» и т.д. (*Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*, 72). Это, впрочем, несколько не сделало подсчёты более вероятными.

202 *Словарь древнерусского языка* (заметим, до XIV века!) приводит его единственный случай – из КрПр, отмечая список *середины XV в.*! (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 1990. Т. 3, 212). Впрочем, составители этого словаря, как кажется, просто переписали соответствующую статью *Словаря* Срезневского (см.: Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1. СПб., 1893, 827).

КрП-42) не характерно для XI в. и, скорее всего, отражает заботы позднейшего клирика. В самом деле, посты по средам и пятницам оставались предметом спора даже ещё в XII в. и за требования, подобные статье КрП-42, два иерарха жестоко поплатились – один головой, другой карьерой. Известен знаменитый спор между суздальским епископом Леонтием и Андреем Юрьевичем Боголюбским, закончившийся довольно печально для епископа:

поча Суждали оучити не ѣсти мась . въ Гдѣськыа праздни[кы] в среды и в паткы . ни на Рожьство Гсне . ни на Крщнье . и бысѣ тажа про то велико . пред блговѣрнымъ княземъ Андрѣемъ . [и] предо всеми людми . и оупрѣ яго влдѣка Февдоръ . вн же не иде на исправленье Цсрюгороду . а тамо оупрѣдъ и Аньдрианъ епспъ . Болгарьскыи . передь цсрмъ Мануиломъ [...] сущимъ ту оу цсра всемъ сломъ . Къиьевьскыи соль . и Суждальскыи [соль] Илья . и Переяславьскыи . и Черниговьскыи . се же сказахомъ вѣрныхъ дѣла людии да не блазнатса ѡ праздниѣхъ Бжѣихъ.²⁰³

Похожая история (с похожей же концовкой) повторилась несколько позже, когда митрополит Константин спорил с новгородским епископом Нифонтом, а черниговский епископ Антоний предписывал князю поститься по средам и пятницам в господские праздники:

[митрополит] в то бо время запрѣтилъ бѣ Поликарпа игумена Печерьского . про Гдѣськыѣ праздникы . не вела ему ѣсти масла ни молока . въ среды . и в паткы . въ Гдѣськыѣ праздникы . помагашеть же ему и Черниговьскыи епспъ . Антонии . и князю Черниговьскому . многожды бранашеть ѣсти мась . въ Гдѣськыѣ праздникы . князю же Стославу и не хоташю ему изверже и изъ епспы.²⁰⁴

Здесь, правда, тонкость состояла в том, поститься ли по средам и пятницам, если на них приходятся господские праздники, и оба иерарха пострадали от княжеского гнева потому, что настаивали на безусловном, во всех случаях и при всех обстоятельствах, соблюдении поста по средам и пятницам.²⁰⁵ Поэтому странно, что и КрП не делает никаких исключений из общего правила. А между тем исключений было много и практика существенно отклонялась от предписаний (которые, впрочем, тоже различались).²⁰⁶

203 ПСРЛ 1: 352. Ср. в *Ипатьевской* летописи: «нача просити оу него ѿ вськрснниа Хсва до всиѣ стѣхъ ѣсти маса и въ среду и въ патокъ . еппъ же повелѣ ему ѡдину недлю порозную ѣсти маса . въ среду и в патокъ . а прочею добрѣ хранити . внъ же противу вину погна и своеи земли . и приде Чернигову къ Стославу Ѡлговичю . Стославъ же оутѣшивъ добрѣ . пусти къ Киеву к Ростиславу» (ПСРЛ 2: 520).

204 ПСРЛ 1: 354–355.

205 В *Вопрошани* Кирик также интересовался у своего епископа: в каких случаях можно есть по средам и пятницам, и получил следующий ответ: «Аже, рече, боудеть праздникъ господьскыи въ среду и въ патокъ, или сватыа Богородица и сватаго Иоана, аще ѣдать, добро; аще ли не ѣдать, а лouchе» (РИБ. Т. 6, 50).

206 О различных практиках соблюдения и несоблюдения постов по средам и пятницам см. подробнее: Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. 1. *Период Киевский или домонгольский*. 2 пол. тома. М., 1904, 464–470.

Ещё одной любопытной особенностью статьи 42 является замена *векши* ПрП на *веверицу* в КрП. *Веверицу* как название денежной единицы не знает ни один правовой или актовый текст. Это преимущественно летописный термин и упоминается в многочисленных летописях в рассказах о жизни языческих славян. Именно *веверицами* (от дыма) древние славяне платят дань хазарам.²⁰⁷ Избегать векш, доживших до первой половины XV в., ожидаемо. Такое же летописное происхождение нужно предполагать и для другого термина – *скоть* – в качестве обозначения денег вообще.²⁰⁸ В КрП он встречается четыре раза и довольно ожидаемо – заменяет собой *куны* ПрП.²⁰⁹

ПрП	КрП
<p>Аже кто познаеть ѹе^{АА}дннѣ свон оу^{АА}краденъ• а пометь н• то ономоу^{АА} вести н по коу^{АА}намъ• н до третьяго свода• поатн же ѹеладннѣ въ ѹеладна мѣсто• а ономоу^{АА} датн лице• отъ ндетъ до конеу^{АА}наго свода то ти поодоу^{АА}т на ротоу^{АА}. а онъ възмиеть своѣ коу^{АА}ны•</p>	<p>Аще кто челядинъ поняти хоцеть познавъ свои, то ко оному вести и, у кого то будет купиль, а тои ся ведет къ другому, даже и доидеть до третьяго, то рци третьему: въдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего <i>ската</i> ищи при видоци достоино ему свои <i>скот</i>.</p>

В первом из наших примеров очевидно, что автор КрП ко всему ещё и неверно понял свой оригинал. Смысл КрП-38 состоит в том, что хозяин украденного челядина (опознав его) должен найти первого из укравших, основываясь на показаниях челядина, так как он – не скотина же: (а ономоу^{АА} датн лице. отъ ндетъ до конеу^{АА}наго свода. а то ти ѹеть не *скоть*. не лѹъ рѹн не въдѣ оу^{АА} кого ѹемъ коу^{АА}пнлъ).

Похоже, что автор КрП предпочитал летописные наименования денег и последовательно избегал называть деньги кунами. Почему он вообще решил заняться исправлением денежной системы своего оригинала? Нужно сказать, он довольно далеко отстоял от реалий XI–XIII вв. и проблема для него носила чисто теоретический характер. К его времени «куны» стали общим именованьем денег. Так что логика здесь могла быть следующей: в отличие от экзотичных *веверицы* и *ската*, вышедших из употребления и звучавших «по-старинному», *куны* всеобщее упот-

207 «а Козаре имахуть на Поланехъ и на Съверехъ и на Ватичихъ . имаху по бѣлѣ . и въверици . тако ѿ дыма» (ПСРЛ 2: 17). Это обстоятельство было отмечено А.И. Соболевским (Две редакции Русской Правды, 21).

208 В словаре Срезневского из девяти примеров, поддерживающих значение «деньги», четыре взяты из КрП. Один случай – в ПВЛ, один – в *Поучении* Владимира Мономаха, один – в новгородском договоре 1189–1199 гг. и два – в *Александрии* (Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1903, 388). Хотя *скот*, как кажется, представлял собой общеупотребительное обозначение денег, нас интересуют только тексты, физически доступные автору КрП. Единственный из приведённого списка – ПВЛ.

Въверица (в качестве денежной единицы) засвидетельствована в ПВЛ, *Пандектах* Никона Черногорца (в списке 1296 г.), берестяной грамоте, а также *Вопрошании* Кирика Новгородца (кстати сказать, в *Новгородской Синодальной кормчей* 1280/1282 гг.). Вновь ПВЛ оказывается наиболее доступным для автора КрП текстом. Юридические тексты единодушно предпочитают *векши* (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 2. М., 1989, s.v. *въверица* and *вѣкша*), как и ПрП.

209 Карский Е. *Русская Правда по древнейшему списку*, 36, 40.

реблялись в значении денег, как в летописях, так и в юридических документах. «Старинному» документу, который пытался воссоздать автор, уместнее было бы оперировать какими-то узнаваемыми, но всё же необычно звучащими терминами – *куны* же, напротив, звучали бы слишком современно.

Ко всему прочему, у автора КрП могли быть и более насущные причины избегать кун при любой возможности. Примечательное событие произошло в новгородской денежной системе как раз накануне того времени, когда он принял за свой труд. Как он сам отметит в своей летописи под 1410 годом,

Того же лѣта начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги нѣмечкыми, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячкомъ Васильи Есифовичѣ²¹⁰

Подобное событие делало *куны* частью ещё живой памяти современников и любой документ, их упоминающий, неуместно напоминал бы о своём недавнем происхождении. В Пскове аналогичная реформа произошла на год раньше, в 1409 г.²¹¹ НПЛмл была завершена в бурные для новгородской денежной системы времена. Через десять лет после отмены кун, в 1420 г., литовские и ливонские деньги также были отменены и введена собственная чеканка монеты:

В лѣто 6928. Месяца мая 28 начаша новгородци торговати денги серебряными, а артугы попродаваша нѣмцемъ. А торговали артуги 9 лет²¹²

Вопросы денег, их счёта, происхождения и названий, курсов и пересчётов, следовательно, были предметом насущных интересов и повседневных разговоров, а люди – особенно насторожены и бдительны к подобным вещам.²¹³ Составляя «старинный»

210 НПЛ: 402. *Новгородская Карамзинская летопись* (в первой выборке) перечисляет более полный набор денег: «Сего же лѣта начаша новгородци торговати промежи себе бѣлками, лопци и гроши литовьскими, и денгами московскими, и артуги немецкими, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячкомъ Васильи Есиповичи» (ПСРЛ 42: 97). В Пскове это произошло годом ранее, в 1409 г.

211 Кауфман И.И. *Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейших времён*. СПб., 1906, 45.

212 Так в *Карамзинской летописи*, которая выглядит детальнее (ПСРЛ 42: 97). Вариант НПЛмл см.: НПЛ: 412.

213 Проблемы с деньгами в Новгороде не прекращались и позже. Под 6955 г. (1447 г.). в Н4 читаем:

Того же лѣта начаша людие денги хулити сребреныя, даже и вси Новгородци, друг на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадники и тысяцькїи и весь Новьгородъ оуоставиша 5 денежниковъ, и начаша переливати старья денги, а новья ковати в ту же мѣру, на 4 почки таковы же (ПСРЛ 4: 442).

Позже в том же году новгородцы ещё раз, гораздо более решительно и с «оргвыводами», рассматривали вопрос производства денег:

Того же лѣта Новгородци охулиша сребро рубли старья и новья; бѣ денежникамъ прибыльтокъ, а сребро предѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаше посулы (ПСРЛ 4: 443).

Было вече, виновных наказали, потом выяснилось – ложно оклеветаны.

документ в такие времена, автору следовало быть особенно аккуратным и избегать любых ассоциаций с повседневным опытом своей потенциальной аудитории.²¹⁴

Вернёмся, впрочем, к статье 42 КрП («Покон вирный»), поскольку именно она оказывается ключевой для определения древнерусского счёта. Как неоднократно отмечалось, ПрП не знает резан, оперируя только гривнами, ногатами и кунами. С другой стороны, дополнительные статьи *Оболенско-Карамзинского* вида ПрП (так называемые «математические задачи») знают резану, а также и её соотношение с гривной (1:50), но прямо не упоминают куну.²¹⁵ Если быть точнее, то «математические статьи» всё же упоминают куну, но косвенным образом, в формулах типа «а то кунами N гривен».²¹⁶ Таким образом, оказывается весьма затруднительно или даже практически невозможно вывести точное соотношение между куной и резаной, основываясь исключительно на тексте ПрП.²¹⁷

214 Ещё одна денежная реформа произошла в 1447 г.: старые деньги переливали и чеканили из их металла новые, но якобы в тот же вес (Кауфман И.И. *Русский вес*, 48–51). Однако эта реформа, как кажется, уже не должна нас занимать. Шахматов, правда, предполагал существование «свода 1448 г.», но возраст этого общего предка С1 и Н4 в работах последних лет существенно вырос (с датой ближе к началу XV в.).

215 Янин В.Л. *Денежно-весовые системы*, 39–40. О «математических статьях» ПрП см.: Комар Олексій. Математичні статті Правди Руської та способи обрахунку в Давній Русі. *Ruthenica*, 2 (2002), 181–194.

216 Надо сказать, что из статей «О вепрях» и «О свинях» становится ясно, что их автор(ы) оперировали в системе, где 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам, т.е. именно в стандартном счёте Руси. В первой статье цена вепря установлена в 6 ногат, тогда, как во второй цена 3 вепрей равна 45 резанам. И 6 ногат, и 15 резан равны 6 1/2 кунам. Это отметил А.Е. Пресняков (Пресняков А.Е. *Лекции*, 226). По какой причине вычисления в «математических задачах» пренебрегают кунами, не ясно. Одно из возможных объяснений состояло бы в том, что задачей «задач» было выучить человека конвертировать гривны в ногаты и ногаты в резаны. Учитывая их соотношения, это могло представлять некоторые затруднения. В то же время, чтобы пересчитать резаны в куны, нужно просто поделить полученную сумму на 2.

217 Может показаться, что ПрП действительно представляет доказательства существования гривны в 50 кун. За доказательством исследователи (например, Н.П. Бауэр), как правило, обращаются к статье 45 («А се уроци скоту»): «за вол гривна, а за корову 40 кун, а за трепяку 30 кун» и т.д. Поскольку штрафы, похоже, перечислены в порядке убывания сумм, предполагают, что гривна больше чем 40 кун, но половина гривны меньше, чем 30 кун. 50 кун на гривну вполне удовлетворяло бы этим пропорциям. При этом исходят из убеждения, что гривна больше 40 кун, так как иначе стоимость коровы была бы указана как «одна гривна и пятнадцать кун». Подобные, на первый взгляд, убедительные наблюдения подрываются, скажем, величиной «69 кун» в той же статье, и, кроме того, в статье 41. Исходя из тех же предпосылок, нам следовало бы предположить, что гривна может быть и больше 60 кун, так как иначе мы бы ожидали, что эта сумма будет звучать как «одна гривна и десять кун». Суммы в 60 кун неоднократно встречаются в ПрП. Более того, если мы продолжим цитировать статью 45 («за тела 5 кун, а за свинью 5 кун, а за пороса ногата, за овцу 5 кун, за боран ногата, а за жеребец, аже не все дано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат, а за коровие молоко 6 ногат»), то обнаружим, что штрафы отнюдь не перечислены в порядке убывания, что делает свидетельства статьи лишёнными решающего значения. Гораздо лучшие результаты можно получить, сравнивая версии статьи 79 («О ладье») в различных списках ПрП. Так, например, в *Троицком I* списке штраф за кражу челна установлен в 20 кун, а в *Пушкинском* списке тот же чёлн оценён в 8 ногат, что давало бы соотношение 1:2,5, то есть, 50 кун на гривну. Однако, в *Троицком IV* списке тот же чёлн оценён в 8 кун. Велика вероятность, что получаемое соотношение ногаты к куне является результатом случайной описки: писец принял 8 (i) за 20 (k), чрезвычайно часто совершаемая ошибка. Это предположение поддерживается и тем, что в старейшем списке *Троицко-Синодальной* группы, *Синод.*, чёлн также оценён в 8 ногат. С полной уверенностью трудно утверждать, существовала ли гривна в 50 кун или нет. Нас, впрочем, интересует иное, а именно: на каких основаниях

Исследователи вывели соотношение на основании сравнения штрафов в ПрП с аналогичными штрафами в КрП. Это основание, как мы убедились, довольно шатко.

Решающим свидетельством, однако, оказалась статья 42 КрП и её постановления о содержании вирника во время постов:

или ся пригодѣ в говѣние рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзань; то всѣхъ кунъ
15 кунъ на недѣлю

Несколько выше в той же статье указано, что в непостные недели вирник должен получать либо мясо, либо вместо него 2 ногаты, а также 1 резану на сыр по средам и пятницам. Хотя общий итог подведён в кунах, отношение куны к резане найти невозможно. В своё время Татищев, пытаясь разобраться в цифрах, вынужден был признать: «Сиа статия так темна, что [её автор – А.Т.] числа денег поденных не мог с седмичными сровнять. Мню, нечто проронено или списывателями проронено [...]».²¹⁸ Действительно, итог невозможно свести, не выставив трёх дополнительных условий в задаче: во-первых, что «неделя» в данном случае длилась только шесть дней, а воскресенье – не в счёт как выходной; во-вторых, что 7 резан за рыбу представляют собой дневной рацион, а не недельный (ПрП, например, устанавливает 7 кун на рыбу *за неделю*, статья 96); и, наконец, в-третьих, что в великий пост вирник всё равно получал бы свой сыр по средам и пятницам в дополнение к рыбе. В таком случае суммируем: $7 \times 4 + 2 \times 1 = 30$ резан = 15 кунам, что даёт соотношение куны и резаны как 1:2.²¹⁹

Как мы удостоверились, пассаж о посте представляет собой прибавление автора КрП к тексту, находившемуся в его источнике. Привычная интерпретация этой статьи в литературе настаивает, что она определяет содержание вирника в период постов или даже именно великого поста (так, кстати сказать, переводит текст и Дэниэл Кайзер).²²⁰ Такое понимание делает установление несколько эксцентричным, так как назначать судебные разбирательства на время великого поста было бы странным. Как правило, в средневековье никакие серьёзные государственные действия не назначались (и, тем более, законодательно не устанавливались) на время великого поста, зарезервированного для иных, более возвышенных и созерцательных времяпрепровождений. Естественно, и ПрП не предусматривает никаких действий специально на случай великого поста (или

исследователи пришли к такому выводу.

218 Татищев В.Н. *Собрание сочинений*. Т. 7. М., 1996, 287.

219 Здесь воспроизведены рассуждения В.Л. Янина (Янин В.Л. *Денежно-весовые системы*, 39), представляющие собой почти дословную версию предположения, изложенного в своё время Н.П. Бауэром, на которого, по условиям времени, ссылаться было нельзя (Бауэр Н.П. *Денежный счёт Русской Правды. Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей*. М., Л., 1937, 197) и восходящего к Мрочек-Дроздовскому (см.: Мрочек-Дроздовский П. *Исследования о Русской Правде. I. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды*. М., 1881, 190–195).

220 Daniel H. Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* (Princeton, 1980), 19. Это мнение восходит к Мрочек-Дроздовскому (см.: Мрочек-Дроздовский П. *Исследования о Русской Правде*, 190–195).

даже вообще постов). К сожалению, мы крайне мало знаем о порядке отправления правосудия на Руси в домонгольский период. Но вот именно для Новгорода (хотя и несколько более позднего времени) некоторые данные имеются. Так, например, договоры Новгорода с князьями XIII в. предусматривали, что князь имеет право посылать своих судей в новгородские владения только на Петров день (и особенно указано, что это – древний обычай): «А судье слати на Петровъ день, тако пошло».²²¹

Таким образом, в отличие от современного судопроизводства, осуществляющегося постоянно (с выходными по воскресеньям), в старину были определённые, строго оговоренные времена («сроки»), когда на законных основаниях могли происходить судебные заседания.²²² В этом, кроме прочего, состоял залог того, что судебные решения действительно легитимны. В Новгороде суды приурочивались ко дню Петра и Павла, т.е. 29 июня, что именно и знаменует конец Петровского поста.²²³

Нет сомнения, что и автор КрП знал об этом, в отличие от современных историков, совершенно превратно интерпретировавших, следовательно, установления статьи 42. Надо полагать, речь в ней идёт не о кормёжке для вирника во время великого поста, но о двух различных продуктах, позволенных по средам и пятницам – либо сыр, либо рыба («или ся пригодѣ в говѣние рыбами»).

Кроме того, ничто не указывает, что судебная «неделя» длилась шесть дней. Такое впечатление, похоже, вытекает из неверного перевода «до недели же виру сберут вирники» как «до воскресенья».²²⁴ Хотя *неделя* несомненно может означать и «воскресенье», совершенно ясно, что в ПрП слово употребляется в значении «неделя, семь дней» и провизия для вирника в ПрП определена из расчёта на семь дней, ср.: *вирьникоу взати •ѣ• вѣдерь солодоу на неѣлю*, чему следует и КрП: «вирнику взяти 7 вѣдоръ солоду на недѣлю»; «то всѣхъ кунь 15 кунь на недѣлю».²²⁵

221 Так в договоре Новгорода 1270 г. с великим князем Ярославом Ярославичем. В более раннем договоре 1264 г. с Ярославом Ярославичем несколько иначе: «А куда пошл[о] судии твоему ездити по волости, еха[ти и]мъ межень по Петровѣ дни» (*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 10, 13).

222 Пример из несколько другого времени – Волыни XVI в., где, впрочем, тоже количество и длительность судебных «рочков» были строго установлены. В 1571 г. урядник Луцкой епископии отказался судить под тем предлогом, «иж тепер пост, негодится никому справедливости чинити» (Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве, ф. 25, оп. 1, д. 458). Благодарю Н.П. Старченко за указание мне этого факта.

223 Как отметил Е. Голубинский, можно даже думать, что в самый ранний период Петровский пост не соблюдался, поскольку упоминание о нём отсутствует в Студийском уставе (см.: Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. 1. *Период Киевский или домонгольский*. 2 пол. тома. М., 1904, 463–464). Исследователь, впрочем, склонялся к тому, чтобы считать это случайным пропуском. Действительно, в главах о трапезе и пище упомянуты только Великий и Филипповский посты. Однако в разделе о *панахидахъ* (порядке поминовения основателя монастыря Алексея Студита) Петровский пост всё же упоминается: *въторамъ же [панихида – А.Т.] въ время пос стѣихъ аиель* (см.: Пентковский А.М. *Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*. М., 2001, 414).

224 См., например: Тихомиров М.Н. *Пособие для изучения Русской Правды*. М., 1953, 85. Впервые считать «неделю» воскресеньем и, следовательно, выходным, не входящим в расчёт, предложил Мрочек-Дроздовский (см.: Мрочек-Дроздовский П. *Исследования о Русской Правде*, 194–195).

225 Ср.: *Словарь древнерусского языка*. Т. 5, 268, где *Синод.* список ПрП цитируется в поддержку значения «неделя».

В самом деле, речь идёт не о зарплате, а о пропитании. Воскресенье или будний день, а вирнику нужно же было что-то есть, даже если он и отдыхал.²²⁶

Но если «неделя» длилась семь дней, никаких разумных результатов добыть из статьи 42 КрП не удаётся и, следовательно, отношение куны к резане не может быть установлено. Возможно ли, однако, обойтись без «шестидневной недели» и всё же прийти к общему итогу в 30 кун?

Автор КрП жил после 1420 г. Это означает, что привычная для него самого денежная система установилась после начала чеканки собственной новгородской монеты. Главной единицей здесь выступала деньга, причём деньга московская, в XIV в. часто называемая в Новгороде резаной (И.Г. Спасский). По счастью, внутренняя структура обеих новгородских денежных систем (1410 и 1420 гг.) известна из давно введённой в научный оборот глоссы в *Мине* 1494 г.:

Паме^Т. какъ торговали доселе на^Вгоро^Ацн. па^Т лобцо^В уетверетца. а деса^Т лобцо^В двѣ уетвертцн. ино то мротка. а ногата по^Аторы мротки. три уе^Тверетцн. а двѣ възши лбецѣ. а лбецо^В па^Т зѣ уетверѣ^Ацѣ.

Нована гривна .ѣ. гривны. а кзна. двѣ денги. а ногата .ѣ. дънегѣ. а гривна серебра рѣвль²²⁷

В собственной системе автора КрП за куну давали две деньги. Её (системы) наиболее примечательной чертой, однако, было то, что ногата теперь равнялась семи деньгам/резанам, а не двум с половиной – как в XII и XIII вв.²²⁸

Учитывая всё это, можем, наконец, решить задачу статьи 42. Похоже, что её автор просто суммировал в своём итоге все цифры, упомянутые в тексте. В самом деле, две ногаты (7x2) за мясо плюс две резаны за сыр, плюс дважды по 7 резан за рыбу в каждый из постных дней (7x2+2+7x2) будут равны 30 резанам/деньгам или 15 кунам: «то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю».

Автор КрП оперировал в системе счёта, установленной после 1420 г. Другими словами, ему не требовалось никакого глубокого понимания денежной системы *Правды*, и даже вообще никакого знания о ней, чтобы прийти к «уменьшенным» штрафам и соотношению куны к резане. Вероятно, ему и не пришлось специально ничего изучать. Всё, что ему потребовалось – его повседневный опыт соотношения куны к деньге как 1:2.

226 В ПрП все расчёты натурального содержания (и не только вирников) установлены из расчёта семидневной недели, как, например, статья 96 (Очроци городни): а за корьм. и за вологѣ. и за мѣса. и за рыбы ѣ коць на недѣлю.ѣ хльбокѣ. ѣ оѣбороковъ пшена. ѣ лоѣковъ овса на дѣ кони . Н.П. Бауэр предполагал, что содержания вирнику не полагалось в воскресенье не потому, что это был выходной день, но напротив – то был рабочий день, предназначенный для «переезда вирника из одной общины в другую и довольствия ему в тот день вовсе не отпускалось» (Бауэр Н.П. Денежный счёт Русской Правды, 197).

227 Цит. по факсимильному воспроизведению в: Спасский И. *Русская монетная система*, 66.

228 Специфический новгородский счёт по семь хорошо засвидетельствован в источниках (см.: Янин В.Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 3. Л., 1970, 150–179).

Вывод прост: в КрП не отразилась некая «архаическая» или «древняя» система денежного счёта. Напротив, в КрП присутствует счёт гораздо более новый, чем в ПрП. Можно считать почти чудесной удачей, что исследователям на основании такого текста удалось установить действительное соотношение куны и резаны.

Применяя свою систему счёта XV в. к счёту, отражённому в ПрП, наш автор, естественно, совершал ошибки. Но он и не ставил себе задачей создать связный и пригодный для практического использования юридический документ. И содержание, и денежный счёт должны были выглядеть как в настоящей грамоте, и *казаться* такими.

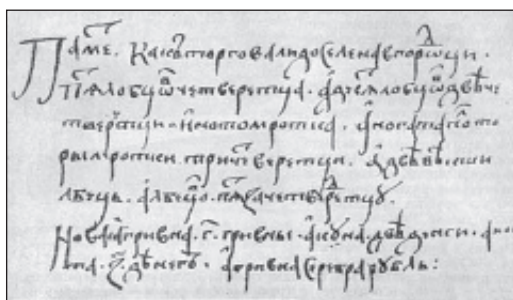

Рис. 4. Память, как торговали доселе новгородцы

Разгадывая головоломку: Краткая правда и новгородское летописание II

В первых десятилетиях XV в. летописание в Новгороде пережило взрывообразное развитие, произведя на свет, по крайней мере, три огромных компиляции – *Новгородскую первую летопись младшего извода*, *Софийскую первую* и *Новгородскую четвёртую* летописи.²²⁹ Совместными усилиями эти три компиляции навсегда изменили облик летописания. Новый тип летописи, позже названный А.А. Шахматовым *сводом*, был решительным разрывом с безраздельно царящим в предыдущей новгородской письменности типом непрерывно ведущейся летописи (представленным, например, *Синодальным списком*). *Своды*, вызванные к жизни технологическим новшеством XV в. – «бумажной революцией» – изготавливались в большем количестве копий, разрабатывали большее количество источников и, что для нас наиболее существенно, задумывались с учётом гораздо более целостного представления о смысле прошлого, доносящего посредством летописного рассказа. В отличие от своих предшественников-анналистов, видевших задачу летописца в том, чтобы довести рассказ до современности прибавкой нескольких сообщений в конце рукописи, авторы сводов рассматривали всю протяжённость летописи как подверженную модификациям. Они решительно вторгались в сообщения об отдалённом прошлом, внося новые тексты

229 Упоминание в этом ряду С1 требует комментария. Обычно эту летопись полагают продуктом московского летописания. Однако несомненных доказательств, подтверждающих бы подобное утверждение, весьма мало. Как в отношении содержания, так и в отношении летописных техник С1 явно питается из тех же новгородских инноваций, что и НПЛмл и Н4. Более того, генетически она связана именно с новгородским летописанием, имея общего предка с Н4. Обоснованием её иного происхождения, как правило, служит указание на явную «промосковскую» идеологию, просматривающуюся в редакторской практике её «автора». «Идеологии» различного вида и формы были излюбленным инструментом текстологов советского времени. Первоначально примета суровых времён, в которых для выживания учёным приходилось быть особенно внимательными к различным идеологическим «мессиджам» окружавших их текстов, со временем это стало дурной привычкой. «Идеология», разумеется, понималась как отражение в историческом тексте сиюминутной политической конъюнктуры, как политическая пропаганда. Есть некая самонадеянность в уверенности, что через много сотен лет учёный может правильно распознать изменчивые приметы текущей политики. «Идеология» древнего текста – при практически полной утрате контекста – субстанция неуловимая и уклончивая, которую современный глаз едва ли в состоянии различать со всей отчётливостью, даже допуская, что текст содержит её. Неоднократно исследователи оказывались в состоянии устанавливать различные или даже диаметрально противоположные идеологические предвзятости в одном и том же тексте. Вполне может статься, что С1 действительно заметно благосклоннее к московским князьям, но ведёт ли подобная констатация непременно к выводу о её «московском» происхождении? Не кажется немислимым, что некий сторонник Москвы, каковых в Новгороде в XV в. было, надо думать, немало, занимался летописанием. Напротив, кажется довольно маловероятным, чтобы в двух различных концах Восточной Европы две группы людей *одновременно* занимались бы созданием двух практически *идентичных* летописей (С1 и Н4), используя при этом *идентичные* источники.

из дополнительных источников, либо редактируя уже существующие рассказы. В некоторых же случаях они прибегали к вымышленным сообщениям или даже целым документам.

Ещё одной, резко отличительной, чертой этих новых летописей было внесение (либо в текст, либо в приложения к летописи) значительного числа юридических и исторических памятников: перечней князей, митрополитов, епископов, посадников, русских городов и епископий, а также копий важнейших юридических памятников, имевших историческое и идеологическое значение для истории Новгорода.²³⁰ Как показал Я.Н. Щапов, включение в состав летописных сводов целых юридических сборников не имело смысла с точки зрения практического отправления правосудия. Напротив, и состав сборников, и тексты отдельных памятников в них перерабатывались специально для целей исторических. Внешённые в летопись, эти тексты приобретали мемориальное и «антикварное» значение именно «памятников истории»:

В этой новой форме [юридический] сборник приобретал уже другой, политический смысл, как одна из составных частей литературного идеологического предприятия, направленного на обоснование древних прав Новгорода на самостоятельное существование и независимость от московского великокняжеского стола. Согласно упоминаниям имён в заглавиях памятников, все эти акты относились или ко времени, от которого новгородцы вели свою независимость («великие князья» Ярослав, Всеволод, Владимир Мономах), или к ещё более раннему времени («пятый вселенский собор», «великий князь Владимир»).²³¹

Именно это новое интеллектуальное движение и породило КрП.

В новгородской версии прошлого города существовала идея «Ярославлих грамот». Некогда это были несомненно реальные документы – контракты между князем и городом, упоминаемые несколько раз под 1228–1230 гг.²³² и затем ещё только раз (и лишь в младшем изводе) под 1339 г.²³³ Они, скорее всего, не имели никакого отношения к Ярославу Владимировичу Мудрому. Велика вероятность, что упомянутые под 1228–1230 гг. «Ярославли грамоты» представляют собой ссылку на действительный договор между Новгородом и князем Ярославом Всеволодовичем, главным героем этих летописных известий. «Ярославли грамоты», по всей видимости, должны были быть таким же докончанием, как и позднейшие докончания Новгорода с князьями (например, с великим князем

230 На эту особенность летописей XV в. как признак рождения совершенно нового типа летописных произведений обращал внимание Я.Н. Щапов в замечательной и незаслуженно забытой историками летописания работе: Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. *Летописи и хроники*. 1973. М., 1974, 173–186. Ср.: «В этих летописных сборниках нелетописные произведения используются столь необычно для летописания предшествующего времени, что названные своды можно рассматривать как новый тип исторических трудов, появившийся в XV в. Это сложный по составу, многочленный историко-генеалогический и историко-юридический труд».

231 Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в., 182.

232 НПЛ: 67, 68, 70.

233 НПЛ: 350.

Ярославом Ярославичем тверским (1264, 1266, 1270 гг.) или с великим князем Михаилом Ярославичем тверским (1304–1305 гг.).²³⁴ Примечательно, что окончание Ярослава Ярославича и в самом деле ссылается на грамоты его отца Ярослава.²³⁵ Это, вероятно, и были «Ярославлы грамоты» НПЛмл.²³⁶ Однако к началу XV в., похоже, «Ярославлы грамоты» стали ассоциироваться с иным Ярославом, основателем новгородской государственности.

Когда через двести лет после первого упоминания грамот начался проект массивного переписывания истории Новгорода «Ярославлы грамоты», как некогда реальные документы отношений Новгорода с князьями, уже мало о чём говорили летописцам. Они принадлежали к «седой старине». Для человека, держащего в голове всю протяжённость новгородской истории (а именно такими теперь были летописцы) было бы естественно связать их с наиболее знаменитым из Ярославов, когда-либо княживших на новгородском столе. Так незначительная ремарка в древней летописи дала толчок растущему убеждению, что у истоков государственности Новгорода лежит какой-то особенный документ, изданный Ярославом Владимировичем, некая «Ярославлы грамота». В ней – источник исключительного положения Новгорода среди иных русских земель, документ, от которого можно вести историю новгородских вольностей.

Все главные летописные своды этого времени вспоминают о грамоте Ярослава. Их сообщения, однако, во многом разнятся и хронологией, и частотой Ярославлих «дач», и текстом грамоты. *Новгородская Карамзинская* летопись, которая, как теперь полагают (А. Бобров), лежит в основании компиляции, давшей начало как С1, так и *Новгородской четвертой* (далее – Н4) летописи, сообщает о «Ярославлей грамоте» дважды – под 1020 г. («и дав имь правду и устав, списав грамоту, ркуще: «По сеи грамотѣ ходите; якоже списах вам, такоже держите»») и под 1036 г. («и людемь написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дадите дань»»).²³⁷ Оба случая необыденны в новгородской истории: первая грамота знаменует окончание войны со Святополком, где так отличились новгородцы, а вторая грамота выдана по случаю обретения Новгородом князя, Владимира Ярославича. С незначительными модификациями эта версия была унаследована Н4 и С1 летописями. В С1 сообщения датируются 1019 и 1034 гг. соответственно, а, кроме того, предложен и текст «Ярославлей грамоты», которым оказывается *Пространная редакция Правды русской* с присоединённым к ней *Законом судным людем*.²³⁸

234 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 9–19.

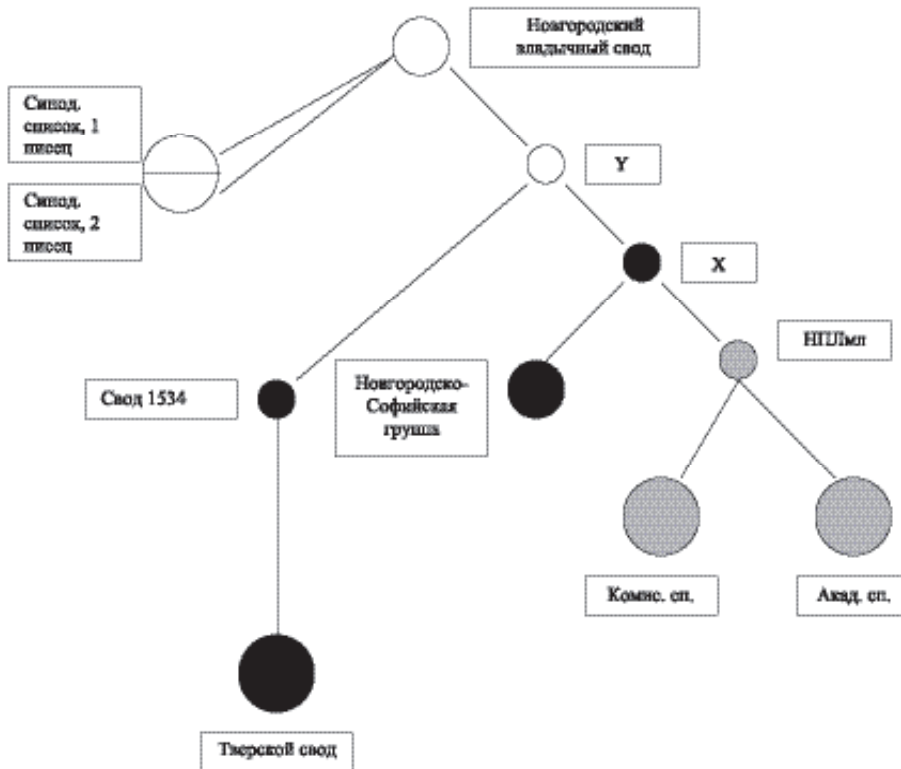
235 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 9–11.

236 О «Ярославлих грамотах» см. недавнюю работу: Петров А. *От язычества к святой Руси. Новгородские усабицы: к изучению древнерусского вечевого уклада*. СПб., 2003, 63–108, где полезной оказывается только библиография.

237 ПСРЛ 42: 62, 63.

238 ПСРЛ 5/1: 90, 127. В С1 можно заметить следы позднейшего редактирования сообщений. Вероятно, не без значения оказывается то обстоятельство, что в списке Царского С1 ПрП под 1019 г. не читается. Судя по тому, что ПрП читается в С1 в соединении с *Законом судным людем*, можно предполагать, что она заимствована из какого-то сборника, сходного с *Мерилом Праведным*, где оба законодательных памятника соединены вместе. О юридических сборниках, ставших источниками

К сожалению, взаимоотношения главнейших новгородских летописных сводов начала XV в. всё ещё далеки от желанной определённости и ясности.²³⁹ При том, что многие детали ещё только предстоит выяснить, не так просто собрать воедино точную цепочку передачи идеи «Ярославлих грамот» в новгородских летописях. Впрочем, предложенная недавно Т.В. Гимом стемма новгородского летописания позволяет набросать контуры картины.²⁴⁰

Генеалогические взаимоотношения новгородских летописей
(черным цветом обозначены своды, передающие ПрП, серым – передающие КрП)

Эта стемма была задумана со специальной целью объяснить передачу гипотетического «Новгородского владычного свода», то есть именно того источника, который, по общему мнению, содержал КрП по крайней мере со второй полови-

текстов в различных новгородских летописях, а также о времени включения их в летописи см.: Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в., 174–181.

239 Из новейших работ см.: Шибяев М. Редакторские приёмы составителя Софийской 1 летописи. *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст.* Вып. 3. СПб., 2000, 368–394; Бобров А. *Новгородские летописи XV века.* СПб., 2001.

240 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской I летописи. *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. 57. СПб., 2006, 112–125.

ны XII в. Судя по стемме, НПЛмл представляет собой финальную стадию развития идеи «Ярославлей грамоты». НПЛмл имеет общего предка, обозначенного на стемме как *X*, с так называемой «Новгородско-Софийской группой» летописей, включающей С1, Н4 и *Новгородскую Карамзинскую* летописи. В таком случае, композитный вариант «Новгородско-Софийской группы», то есть два летописных сообщения, сопровождаемые неким текстом «грамоты», должен быть признан более ранним видом, в котором идея «Ярославлей грамоты» появилась в летописи. Исходя из стеммы, однако, очевидно, что шансы КрП и ПрП оказаться текстом грамоты в *X* равны. К счастью, стемма предоставляет свидетельство, которое склоняет чашу весов в пользу ПрП. Как убедительно демонстрирует Гимон, так называемый *Тверской сборник* воспользовался текстом «Новгородского владычного свода» на более ранней стадии (обозначенной на стемме как *Y*), чем «Новгородско-Софийская группа». Важно поэтому отметить, что *Тверской сборник* заимствовал оба сообщения под 1019 и 1036 гг., а также полный текст ПрП, соединённый с *Законом судным людем*, из С1.²⁴¹ Редактор *Тверского сборника* не решился полностью выписать весь текст ПрП, сочтя его слишком длинным, и ограничился регестом:

Здѣ пишеть судебникъ великаго князя Ярослава Владимерича, и потомъ его дѣтей: Изяслава, Святослава и Всеволода, и по них уставъ великаго князя Владимира Всеволодича Манамаха, и потомъ царя Константина великаго; язъ же сіе преминухъ, множества ради²⁴²

Если заботой редактора *Тверского сборника*, как он и признался, была экономия места, то, столкнувшись с возможностью выбора между ПрП в С1 и КрП (предположительно во «Владычном своде»), он остановил бы свой выбор на кратком варианте. То обстоятельство, что он не смог этого сделать, убеждает, что альтернативы у него не было и, следовательно, «Новгородский владычный свод» ещё не содержал КрП.

Таким образом, идея «Ярославлих грамот», как и собственно текст грамоты в образе ПрП, впервые возникает в *X*, то есть общем предке «Новгородско-Софийской группы» и НПЛмл. Судьба этой идеи сложилась различно в различных летописях: некоторые, как С1, сохранили оба сообщения и текст; другие, как *Тверской сборник* или Н4, сохранили сообщения, но опустили текст по соображениям экономии.

Вероятно, теми же мотивами был движим и редактор НПЛмл. В отличие от своих коллег, он, однако, не решился совершенно выбросить «Ярославлю грамоту». Его решение состояло в том, чтобы предоставить читателю синопсис её текста, внешне напоминающий настоящую грамоту. Как было указано в одной из предыдущих глав, КрП вместе с некоторыми другими текстами оказалась в составе НПЛмл на довольно поздней стадии, непосредственно перед тем, как та обрела свой нынешний вид. Вероятно, именно это последнее по времени редак-

241 ПСРЛ 15: 141–142, 147.

242 ПСРЛ 15: 141–142 (выделено мною – А.Т.).

торское вмешательство стало причиной сбоя в хронологии, благодаря которому Ярослав выдал грамоту новгородцам в 1016 г., а не в 1019 г. Автор мог ориентироваться на хронологию *Синод.*, где война со Святополком завершается в 1016 г. Вдобавок, в рамках всё того же редакторского усилия вторая грамота Ярослава 1036 г. исчезла из текста НПЛмл.

Но не бесследно. Сообщение под 1036 г. прямо утверждает, что вторая грамота Ярослава каким-то образом (а в рамках летописной концепции – навеки) регулировала порядок выплаты Новгородом даней в пользу великих князей. Примечательно поэтому, что (после упоминаний начала XIII в.) «Ярославля грамота» всплывает в НПЛмл ещё только один раз и именно в контексте выплаты татарской дани (выхода) Ивану Даниловичу Калите. Под 1339 г. НПЛмл сообщает, что новгородцы отказались платить ему дополнительный выход, напомнив князю: «того [у насъ] не бывало от начала миру, а ты цѣловаль крестъ к Новугороду по старой пошлинѣ новгородчкои и по Ярославлимъ грамотамъ».²⁴³ И событие, и ссылка новгородцев на грамоту известны и по другим новгородским летописям.²⁴⁴ Нет сомнения, что летописцы и в этом случае (как и в упоминаниях «Ярославлих грамот» начала XIII в.) имели ввиду одну из двух грамот Ярослава Мудрого. С1 прямо так и заявляет: «Того не бывало от начала миру. А ты, г(о)с (поди)не, целоваль кр(е)сть къ Новугороду по старой пошлинѣ новгородьскои, по грамотам прадѣда своего великаго кн(я)зя Ярослава Вьлодимерича».²⁴⁵ Это сообщение есть далёкое эхо «грамоты 1036 г.»

При всем сказанном, противоположная гипотеза, состоящая в том, что изначальным был вариант НПЛмл (то есть, КрП под 1016 г.), из которого впоследствии вырос распространенный вариант С1-Н4 (два упоминания *Правды* плюс текст ПрП), не выглядит безнадежной. Дело в том, что в Н4 осталось свидетельство знакомства с вариантом, представленным в НПЛмл. Хотя сообщение о выдаче новгородцам *Правды* Н4 датирует 1020 г., в ее источнике текст грамоты читался под 1016 г. По каким-то соображениям (а, скорее всего, под влиянием «длинной хронологии» событий войны со Святополком в ПВЛ) редактор Н4 сообщение под тем годом сократил, но следы остались: в конце статьи 1016 г. читается в виде заголовка: «О правдѣ. Правда Рускаа». Возможны два толкования этого обстоятельства: либо вариант НПЛмл предшествовал варианту С1-Н4, либо редактору Н4 были известны обе истории «Ярославовой грамоты» (что лучше согласуется с изложенной выше версией).

Как бы ни перетасовывать взаимоотношения новгородских сводов начала XV в., в любом случае ясно, что *Краткая редакция Правды русской* была создана, чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом

243 НПЛ: 350.

244 Например, в С1 (ПСРЛ 6/1: 411), откуда заимствовано в *Московский летописный свод конца XV в.* (ПСРЛ 25: 172) и в *Воскресенскую летопись* (ПСРЛ 7: 205); в несколько сокращённом виде (без упоминания «Ярославлих грамот») – в *Ермолинской* (ПСРЛ 23: 105) и *Никаноровской* (ПСРЛ 27: 64) летописях, а также в «Новгородской летописи по списку Дубровского» (ПСРЛ 43: 112).

245 ПСРЛ 6/1: 411.

«Ярославлей грамоты». Она создавалась в расчёте на летопись и никогда вне летописи не существовала.²⁴⁶

246 По существу, создание *Краткой правды* представляет собой подлог, фальсификат. В таких случаях для полной уверенности в том, что «преступление» состоялось, обычно требуют указания на мотив. Ясно, что, поскольку КрП писалась как часть *исторического* сочинения, обычный мотив для создания подложных грамот – материальная выгода – здесь не имел места. Стимулы же для создания *исторических* фальсификатов могут быть различны, но, в конечном итоге, все помещаются в широкий разряд попыток «улучшения истории». Указать на тот несомненный и единственный из возможных мотивов, который действительно заставил человека взяться за перо, можно было бы, только зная личность фальсификатора и детали его биографии. В своё время Шахматов идентифицировал автора «Софийского временника» как автора биографических заметок в Н4 под 1371, 1382, 1405, 1406, 1411 гг. Матвея Михайлова, которого, далее, отождествил с Матвеем Кусовым, упомянутым в колофонах нескольких новгородских рукописей начала XV в. (см.: Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1. *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 2. *Раннее русское летописание*. СПб., 2003, 382). Именно этот Матвей Кусов, по мнению Присёлкова, разыскал в приложениях к «Начальному своду» текст КрП и, «понимая драгоценность этого древнего текста и желая сберечь его для будущего, [...] решил включить его в самое летописное повествование [...]» (Присёлков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды», 241). Если догадки Шахматова и Присёлкова верны, обретаем нашего «подозреваемого». Матвей Михайлов сообщает о себе довольно много (гораздо больше, чем мы знаем о большинстве летописцев): он родился в 1371 г., его отец умер в 1382 г., а жена (у Шахматова ошибочно – мать) – в 1405 гг.; он женился вновь в 1406 г., а сын Киприан родился в 1411 г. Увы, из этих биографических подробностей ничего не следует для определения мотива. Впрочем, Матвей Кусов, как отметил Шахматов, интересовался летописанием: все три колофона рукописей содержат летописные известия, отыскивающиеся и в Н4. Это, впрочем, опять возвращает нас к мотивам исторического и антикварного порядка.

К сожалению, как и в любом другом вопросе о летописании, на эту догадку существует опровержение. Я.С. Лурье указал, что Матвей Михайлов не мог быть автором «Софийского временника», так как записи из его семейной истории отсутствуют в *Софийской первой* и *Новгородской Карамзинской* летописях и, следовательно, суть прибавления именно Н4 на более позднем, чем «Софийский временник» этапе (см.: Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976, 82). Лурье даже полагал, что Матвей Михайлов не имел отношения к составлению Н4, но редактор летописи, «пополняя текст своего оригинала по какому-то дополнительному новгородскому летописцу, [...] включил туда наряду с другими местными новгородскими известиями и личные записи Матфея Михайлова конца XIV – начала XV в.» (Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, 82, прим. 48).

Таким образом, Матвей Михайлов не причастен к составлению НП/мл или какого-либо её источника. Это означает, что мы теряем единственного «подозреваемого». Но в этом случае, автор КрП остаётся анонимен, и выбрать из группы вероятных тот единственный мотив, которым он действительно руководствовался, не представляется возможным.

Вместо того, чтобы гадать *почему*, полагаю, достаточно продемонстрировать, *как* сделана КрП.

«И вѣда имѣ волю всю и уставы старыхъ князь»

Легко вдохновиться идеей. Совсем другое дело – воплотить её в красивый рассказ. Летописцам было бы не трудно подхватить идею «Ярославлей грамоты», но гораздо сложнее оказывалось бы облечь её в яркий эпизод, имеющий, к тому же, все признаки отчёта о реально происшедшем событии.

Судя по всему, летописцы, даже позднесредневековые, не измышляли на пустом месте. Для создания фиктивного рассказа им необходима была модель, образчик, шаблон, по которому уже легко было бы скроить новое повествование. Был ли такой шаблон у новгородских летописцев?

Рассказ о даровании Ярославом грамоты новгородцам в награду за их верную службу не уникален. Уникально то, что за всю историю Новгорода подобное повторилось ещё только один раз, но теперь уже в действительности.

В 1209 г., то есть очень близко к упоминаниям «Ярославлих грамот», новгородцы участвовали в чужой войне. По призыву Всеволода Юрьевича владимирского они пошли на юг, в поход на черниговских князей. До Чернигова, впрочем, дело не дошло, как и до большой битвы. Дошли до Оки. Войска Всеволода стояли на одном берегу, рязанские союзники – по другую сторону реки.²⁴⁷ Поход остался в памяти не столько добытыми военными победами, сколько странной историей – владимирцы «обадили» Всеволоду рязанцев, тех арестовали, оковали и отослали во Владимир,²⁴⁸ затем ещё и воевали в Рязанской земле. Из военных удач отмечено взятие Пронска. После такой славной победы был заключён мир. Новгородцев же Всеволод наградил за военную службу и отпустил домой:

А новгородьци пусти ис Коломна Новугороду, одаривъ бещисла, и вѣда имѣ волю всю и уставы старыхъ князь, егоже хотѣху новгородьци, и рече имъ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните»²⁴⁹

247 Стояние войск на разных берегах реки – знаменитый мотив из рассказов о битве Ярослава со Святополком (там войска оказываются разделены рекой дважды – Днепром и затем Бугом). Переключка мотивов между рассказами 1016 и 1209 гг. становится гораздо более очевидной, если принять во внимание текст ПВЛ. Известие 1209 г. представляет собой как бы зеркальную копию событий 1016–1018 гг. Тогда, как известно, дарованию грамоты предшествовало восстание в Новгороде. В 1209 г. случилось наоборот. После возвращения воевавших в Новгород, в городе вспыхнуло восстание. Во время мятежа грабили дворы («скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу»); в 1016 г. новгородцы, наоборот, собирали по городу по 4 куны («начаша скоть събирати . ѿ мужа по . д . куны . а ѿ старость по . 1 . гривнѣ . а ѿ бояръ по . ии . гривнѣ»).

248 О различных версиях этих событий в летописании см. подробно: Вилкул Т.Л. «Людьѣ» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. [Ruthenica. Supplementum 1]. К., 2007, 133–138.

249 НПЛ: 50. Дословно такой же текст и в младшем изводе: «А новгородцовъ пусти с Коломна к

Попробуем слегка перефразировать:

и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по сеи грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите»

Новгороду, одаривши бешисла и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князей, егоже хотѣху новгородци, и рече имъ: «кто вы добръ, того любите, злыхъ казните» (НПЛ: 248). Это сообщение было унаследовано всеми новгородскими летописями XV в. Ср.: ПСРЛ 4/1, 181; ПСРЛ 6/1, 261; ПСРЛ 42, 80–81.

«По сей грамоте не ходите»

В 1916 г. Алексей Соболевский опубликовал небольшую статью о *Краткой правде*.²⁵⁰ Великий филолог не скрывал своего удивления тем обстоятельством, что у поколений исследователей не находилось ничего, кроме безудержных похвал тексту настолько причудливому и странному, как *Краткая правда*. Для него было очевидно, что каковы бы ни были недостатки *Пространной правды*, она превосходит *Краткую правду* во всех отношениях: как памятник права, как памятник языка, как исторический памятник. Главное же – она гораздо более аутентична. Для Соболевского это было так ясно, что он даже не считал нужным тратить время на систематическое доказательство очевидного, ограничившись указанием на несколько признаков явной вторичности текста *Краткой правды* по отношению к *Пространной правде*. Изумление учёного вызывало то, что эти явные признаки оставались нераспознанными так долго. Высокая репутация *Краткой правды* в науке казалась Соболевскому почти помрачением. Основывать свои суждения о прошлом на подобном тексте представлялось ему граничащим с карикатурой.

Призыв Соболевского был проигнорирован. Все новые поколения исследователей отправлялись «ходить по сей грамоте». Теперь понятно, что они сбились с пути.

Можно, разумеется, блуждать ещё столетие. Но не проще ли вернуться к распутию и ещё раз, но уже внимательно, прочесть надпись на камне?

250 Соболевский А.А. Две редакции Русской Правды. *Сборник статей в честь графини Прасковьи Уваровой*. Пг., 1916.

49 Правда росыкам.* Оубьеть моуж(ь) моужа, то мьстить братоу брата, 1
или сыновн отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу⁶ сыновн;
аще не боудеть кто мьста, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусннъ,
либо гридинъ, либо коупчина, либо лбетникъ, либо мечникъ, аще изьгон
боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь. Или боудеть кровавъ²
или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человекю томоу; аще не
боудеть на немъ знаменіа никотораго же, то ли приидеть видокъ; аще ли не
можеть, тоу томоу коонецъ; оже ли себе не можеть мьстити, то взати емоу за
обядоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мѣзда. Аще ли кто кого оударить батогомъ,³
об. либо жердью,⁴ либо пастью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію, || то
12 гривнѣ; аще сего не постигнѣтъ, то платити емоу, то тоу коонецъ.
Аще оутнеть мечемъ, а не выпнемъ его, либо роукоукозью, то 12 гривнѣ⁴
за обиду. Оже ли оутнеть роукоу, и шпадеть⁵ роука либо оусохнеть, то⁵
40 гривенъ. Аще боудеть нога цѣла или¹ начьветъ хрматы, тогда чада⁶
смирать. Аще⁷ ли персть оутнеть которын либо, 3 гривны за обиду.
А во оусѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ⁸ 12 гривнѣ. Оже ли кто выпезъ мечъ,^{8,9}
а не гнетъ, то тѣм гривноу положить. Аще ли ринеть моужъ⁹ моужа либо¹⁰
шт себе либо к собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть; или боудеть варагъ
или колбагъ, то на¹¹ ротоу. Аще ли челадинъ съкрыетса либо оу варага,¹¹
либо оу кольбага, а его за три дни не выведоуть, а познають и въ третін
день, то изымати емоу свои челадинъ, а 3 гривнѣ за обиду. Аще кто¹²
поѣдетъ на чюженъ конѣ, не прошавъ ег(о), || то по[ло]жити¹² 3 гривнѣ. Аще¹³
пояметъ кто чюжь конь, либо шроужіе, либо портъ, а позваеть въ своемъ

* Изъ правокъ поле противъ заголовка Правда росыкамъ написано зрі (почеркомъ писца рукописи).

⁶ В словѣ сестриноу слогъ ноу написанъ по слитымъ буквамъ, которыя неясны.

² В словѣ жердью буква дъ написана по полускрипической (символь) буквѣ — смѣто, почитаному, ю.

⁴ В словѣ шпадеть буквы шде написаны по смѣтому оу.

¹ В словѣ или буква лъ написана по смѣтому и.

⁸ В словѣ бородѣ второе о переправлено изъ другой буквы.

⁹ В словѣ моужъ буква жъ написана по смѣтому р.

¹² В словѣ на писецъ началъ писать букву р, но измѣнилъ на п.

¹³ Первоначально въ рукописи пожити, но сверху надписанъ слогъ ло другими чернилами и другимъ почеркомъ.

14 миру, то взати емоу свое, а 3 гривнѣ за обиду. Аще познаеть кто, не
 смлетъ его, то не рци емоу: мое, нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ * еси
 15 взалъ; или не поидеть, то пороучника за пать днѣи. Аже гдѣ възъщеть на
 друзѣ проче, а ѿн¹ са заперати почнетъ, то ити емѣ на изводъ предъ 12 чело-
 вѣка; да аще боудеть обидане вдалъ боудеть достоинно емоу свои скотъ, а за
 16 обиду 3 гривнѣ. Аще кто челадинъ плати хоцеть, познавъ свои, то къ^o
 ономоу вести, оу кого то боудеть коуниль, а тои са ведеть ко^o другомуу,
 даже доидеть до третьего, то рци третьемоу: вдан ты мнѣ свои челадинъ,
 17 а ты своего скота ици при видоцѣ. Или холопъ оударить свобода моужа,²
 а бѣжигъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его, то холопа плати,
 да плати||тъ господинъ за нь 12 гривнѣ; а за тымъ, где его нагѣзоутъ оуда-1.50
 18 реньи тои моужа, да бьють его. А иже изломитъ коше, любо щигъ, любо
 порть, а начнетъ³ хотѣти его деръжати оу себе, то приати скота оу него;
 а иже естъ изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ емоу запла-
 тити, колько далъ боудеть на немъ.

Правда⁴ оуставлена рѣусьскои земли, егда са съвокоунитъ⁵ Изаславъ,
 Всеволодъ, Сватославъ, Косвачко, Перенѣгъ, Микѣфоръ Кыланитъ,
 19 Чюдинъ Микѣла. Аще оубьютъ огнищанина⁶ въ обиду, то платити за нь
 80 гривень оубинци, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гри-
 20 вень. А иж(е) оубьютъ огнищанина в разбои, или оубинца не ищоуть, то
 21 вирное⁷ платити, в⁸ немъ же ви р и⁹ голова начнетъ лежати. Аже
 оубьютъ огнищанина оу клѣти, или оу кона, или оу говада, или оу коровѣ||
 22 татьбы, то оубити въ ѿа мѣсто; а то же поконъ и тивоуницоу. А въ княжи 1.51
 23 тивоунѣ 80 гривень. А конюхъ старин оу стада 80 гривень, изко оуста-
 24 вилъ Изаславъ въ своемъ конюсѣ, его ж(е) оубилъ Дорогобоудьци. А въ сель-

* В слове гдѣ буква д переправлена из г. ⁴ В слове къ буква к переправлена из о.
 † В слове ко правая часть буквы к и левая часть буквы о стерлись. ‡ В слове моужа
 буквы оуж написаны по смыслу. * В слове начнетъ буква ч переправлена из н. ° На
 левом поле пометком выноса рукописи написано зрѣ противъ слове Правда оуставлена рѣусьскои
 земли. ° В слове съвокоунитъ буква х переправлена из и. ° В слове огнищанина в
 последнем слове между н и и а полусгнищенная овалная выпуклая слезо черта; конечно в пере-
 правлено из ѣ. * В слове вирное между буквами и и р сгнищенное (смытое) место, на
 котором остались две точки. * Отрѣз от и бледная, сгнитая черта. * Так в руко-
 писи ви р и, между буквами и и р сгнита буква, от которой остались бледныя, с трудом
 едимыя следы (черточка и жост); первое и размером заметно больше, чем в других
 местах текста, написано тоже частью на сгнившем месте; далее между р и и сгниты
 две буквы, из коих первая буква была р (что видно по оставшемуся жосту и другим чер-
 там), а от второй остались две точки сверху; первоначально, вероятно, читалось,
 как и в Археологическом I списке, вернеи.

сномъ старостѣ княжи и в ра[та]инѣмъ * 12 гривнѣ. А в радовници княжѣ 5 гривень. А въ смердѣ и въ хо[ло]пѣ⁶ 5 гривень. Аще роба кормилица либо кормилицыцъ * 12. А за княжь конь, иже тон с патномъ, 3 гривнѣ, а за смердѣя 2 гривнѣ, за кобылоу 60 рѣзанъ, а за волъ гривноу, а за коровоу 40 рѣзанъ,⁷ а третьякъ 15 коунъ, а за лоньшиноу полъ гривнѣ, а за телъ⁸ 5 рѣзанъ, за ара ногата, за боранъ ногата. А оже оуведеть чюжь холопъ либо робоу, платити емоу за обиду 12 гривнѣ. Аще же приндеть кровавъ моужь либо сынъ, то не искати емѣ послуха. А иже крадетъ либо кон[ь],⁹ либо волю, или влѣтъ, да аще || боудеть единый крадъ,¹⁰ то гривноу и тридесать рѣзанъ платити емоу; или ихъ бѣдетъ 18, то по три гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити моужеви. А въ княжѣ борти 3 гривнѣ, либо пожгоуть либо изоудроуть. Или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обидѣ 3 гривны; а въ [о]гннцанинѣ,¹¹ и в' тивоуницѣ, и въ метници 12 гривнѣ. А иже межоу переореть либо перететь, то за обиду 12 гривнѣ. А оже лодью оукрадетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. А въ голоубѣ и въ коурати 9 коунъ, а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ. А оже оукрадоуть чюжь песь, либо истребъ, либо соколъ, то за обиду 3 гривны. Аще оубьють тата на своемъ дворѣ, либо оу влѣти, или оу влѣва, то тон оубить; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють,¹² а люди боудоуть видѣти свазанъ, то платити в немъ. Оже сѣно крадоуть, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ. Аже оукрадоуть овьцоу, или козоу, или свинью, а ихъ боудеть 10 одноу овьцоу оукрагѣ, да положить по 60 рѣзанъ продажи; а хто изималъ, томоу 10 рѣзанъ. А шт гривни е * мечникоу коуна, а в десативоу * 15 коунъ, а князю 3 гривны; а шт 12 гривноу емьцоу 70 коунъ, а в десативоу 2 гривнѣ, а князю

⁵ В рукописи первоначально рашки, а слоги та приписан над строкой другими чернилами и почеркам.

⁶ В рукописи въ смердѣ и въ хоупѣ, причемъ сома и манисан на месте смытой буквы в; над словом хо слова хоупъ иными чернилами и, очевидно, с позднейшее время (в XVIII—XIX вв.) дважды была сделана приписка, приписка эта и в первом и во втором случаях из двух букв, из коих первая буква не вполне ясна, но, вероятно, л, а вторая буква ясне — о; хоупъ случайная ошибка, вероятно — холопѣ.

⁷ В слове рѣзанъ буква а переправлена из я. ⁸ В слове телъ буква л написана по слуху д. ⁹ В рукописи ошибка: конь. ¹⁰ В слове крадъ буква т переправлена из л.

¹¹ В рукописи ошибка: влгннцанинѣ. ¹² Между словом гнн и буквой с проставлено чуть больше, чем обычно между буквами в других местах, над буквой с видна точка (буква эта послѣдняя в строке). ¹³ В слове десативоу буква с более блѣдными чернилами переправлена на в, т. е. девятиноу; форма в различна от обычной формы этой буквы в данной рукописи.

- 42 10 гривенъ. А се поклонъ * вирныи: вирникоу^б взати 7 вѣдоръ * солодоу^в на недѣлю, тѣж(е) цвевъ любо полоть, или двѣ погатѣ;^а а въ сред(оу) рѣзаноу^г вѣже^д сыры, в патницю тако же; а хлѣба по колькоу могууть асти, и пшена; а вѣръ по двое на день; ногѣ 4 поставити и соути имъ на ротъ,^е колько могууть зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а передѣ^ж гривна; или са || пригоди в говѣніе р[ы]бами,^з 1.5 то взати за рыбы 7 рѣзанъ; тѣ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю, а борошна колько могууть изъласти; до недѣли же вироу [сбероу]тъ^и вир-
 43 ници; то ти оурокъ * Ирславъ. А се оурокъ мостыниковъ: аще помостивше мость, взати шт дѣла погата, а шт городничи погата; аще же боудеть ветхаго моста подтвердити вѣколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

* В слове поклонъ буква ѣ переправлена из њ. ^б В слове вирникоу буквы ии написаны на смытом месте. ^в В слове вѣдоръ буква ѣ переправлена из другой буквы. ^г В слове солодоу буква с написана по полусмытому о. ^а В слове погатѣ буква ѣ, посподобному, переправлена из њ. ^д В слове рѣзаноу буква ѣ переправлена из е. ^е Над тѣ написано слово три иными чернилами и иными почерком, вероятно, в XVIII в. ^ж В слове ротъ буква ѣ переправлена из њ. ^з В слове передѣ второе о написано по смытой букве. ^и В рукописи описка рѣбаки. ^и В рукописи вироу, причем над строкой после оу епископ крестик и под таким же крестиком на левом поле другими чернилами и почерком написано вѣрѣ. ^и В слове оурокъ буква о (перед п) написана на смытом месте.

БОУДЪ ИРОСЛАВЪ ВОЛОДИМИРИЦА

л. 615об.

Правда Роусьскан.

1 Ажь оубьтъ моужь моужа, то мьстятн братоу брата, любо отцю, любо сышоу, любо браточадоу, любо братню сынови; оже ли не боудеть кто кго мьста, то положити за голову 80 гривень, аче боудеть княжь моужь или тивоуна княжа; аче ли боудеть роусинь, любо грядь, любо коуонець, любо тивоунъ боирескъ, любо мечникъ, любо изгон, любо словенинъ, то 40 гривень положити за нь.

2 [И]о Ирославѣ же пакы съвъкоупивъшеса сынове кго: Изаславъ Сватославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Късначько, Перенѣгъ, Никифоръ и шложина оубикник за голову, нь коунами са вм[к]оупати;⁴ а ино все ѣко же Ирославъ соудилъ, тако же и сынове кго оуставиша.

3 (С) оубикнстѣ. Яже кто оубикъ княжа моужа въ разбон, а головника не ищють, то вирьвноу платити, въ чьки же вьрви голова лезеть, то 80⁶ гривень; || пакы люднъ, то сорокъ гривень.

л. 616

4 [К]оторамъ⁵ ли вьрвь начеть платити дикоую вироу, колико лет
5 заплататъ тоу вироу, зане же безъ головника имъ платити. Боудеть ли головникъ ихъ въ вьрви, то зане к нимъ прикладывають, того же дѣла имъ помогати головнику, любо си дикоую вироу; нь сплатити имъ въ обчѣ 40 гривень, а головничьство а то самому головнику; а въ 40 гривень кмоу
6 заплатити из дружинъы свою часть. Нъ оже боудеть оубилъ или въ свадѣ или въ вироу излено, ть тако кмоу платити по вьрви имнѣ, иже са прикладывають вироу.

7 Оже станеть безъ винъ на разбон.⁷ Боудеть ли стагъ на разбон безъ всакомъ свадѣ, то за разбонника людк не плататъ, нь вьмдадуть и всего
8 съ женоу и съ дѣтьми на потокъ а на разграбленик. Аже кто не вложиться въ дикоую виру, томоу людк не помагаютъ, но самъ платитъ.

9 Я се покони киранин. Я се покони вирни были при Ирославѣ: вирьнику влати 7 || вѣдеръ солодоу на нед(ѣ)лю, оже швьнъ любо полоть, или л. 616об.

⁴ В рукописи выоупати.

⁵ 80 исправлено другими черками.

⁶ В рукописи

кнжоварное К пропущено.

⁷ Первоначально разбон, теми же черками в исправлено на б.

2 ногатѣ; а въ сред(оу) коуна оже смръ, а въ патничю тако же; а коуръ по двом на день; а хлѣбовъ 7 на нед(ѣ)лю, а пшена 7 оубороковъ, а горохоу 7 оубороковъ, а соли 7 голважень; то то вирникоу съ штрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ соути швьсь; вирникоу 8 гривень, а 10 коунъ перекладываъ, а метелникоу 12 векши, а съсаднаъ гривна.

О виряхъ. Яже боудеть вира въ 80 гривень, то вирникоу 16 гривень 10 и 10 коунъ и 12 вѣкше, а перели съсаднаъ гривна, а за голову 3 гривны.

О княжи штроцѣ. Яже в княжи штроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, 11 то 40 гривень. А за тшоунъ за шгнищныи и за конюшши, то 80 гривень. 12 А въ сельскомъ тшоунѣ въ княжи или в ратаинѣмъ, то 12 гривнѣ. А за 13, 14 радовича 5 грив(ень). Тако же и за бопрескъ.

О ремьствьницѣ. [И]* за ремьствьника и за ремьствьницю, то 12 гривне. 15 А за смерди холопъ 5 гривень, а за робоу 6 гривень. А за кормилца 16, 17 12 грив(не) и за кормилицю, хотя си боудя холопъ или роба.

2.617 Оже съвержеть виру. || Я оже съвержеть виру, ть гривна коунъ 20 съметнам штрокоу; а кто и кльпалъ, а тому дати другоую гривноу; а шт виръ помоченаго 9 коунъ. Искавше ли послуха, и не нагѣзоуть, а истьца 21 начьветь головоу клепати, то ти имъ правдоу желѣзо. Тако же и въ всѣхъ 22 тажыхъ, и въ татбѣ и въ покленѣ, шже не боудеть лица, ть тогда дати кмоу железо из нѣвогѣ до полоугривны золота; аже ли мьнѣ, то на водоу, шли до двою гривноу; аже мьнѣ, то ротѣ эти кмоу по своѣ коунъ.

Оже кто оударить мечемъ. Яже кто оударить мечемъ, не вынезь кго, 23 или роукомътью, то 12 гривне продаже за обиду. Оже ли вынезь мьчъ, 24 а не оутнеть, то гривноу коунъ. Аже кто кого⁶ оударить батогомъ, любо 25 чашею, любо рогомъ, любо тьлѣснью, то 12 гривнѣ. Не тьрпа ли противоу 26 тому оударить мечемъ, то вынъ кмоу в томъ нѣтоуть. Аще ли оутнеть 27 роукоу, и шпадеть роука или оусъхнеть, или нога, или шко, или не оутнеть, ть полъ виръ 20 гривень,⁷ а тому⁸ за вѣкъ 10 гривень.

Аже⁹ пьрьсть оутнеть кми любо, то 3 гривны продаже, а самому || 28 617 об. гривна коунъ.

Оже придет(ъ) крѣвакъ моуж(ъ). Оже придетъ крѣвавъ моуже на дворъ 29 или снѣъ, то видока кмоу не искати, нъ платити кмоу продажу 3 грив(ны); или не боудеть на немъ знаменитъ, то привести кмоу видокъ слово противоу слова; а кто боудеть началъ, тому платити 60 коунъ; аче же и крѣвавъ

* Буква И в рукописи пропущена. ⁶ Буква к написана по сличенному. ⁷ Буква г исправлена. ⁸ Буква т исправлена. ⁹ Буква А прописана.

придеть, или боудеть самъ почаль, а вмстоупать послюси, то то кмоу за
 30 клятежь, шже и били. Аже оударить мечемъ, а не оутнеть на смерть, то
 3 гривны, а самому гривна за рану, оже гѣчебнок; потынетъ ли на смерть,
 31 то вера. Или вхветъ моужь моужа любо к собѣ любо шт себе, любо по
 лицо оударить, или жердью оударить, а видока два вьведоуть, то 3 гривны
 продаже; оже боудеть варатъ или колбагъ, ть полнамъ видока вьвести,^{*}
 и идета на роту.

32 **О челадинѣхъ.** Яже челадинъ съкрытъса, а закличють и на търгоу,
 а за три дни не вьведоуть нго, а познати и третии день, ть свои чела-
 динъ помти, а шному платити 3 гривны продаже.

33 **Оже кто вьсадетъ на чюж(а) коня.⁶** Я оже кто вьсадетъ на чюжь
 34 конь не пра||шавъ, то 3 гривны. Аче кто конь погоубить, или ороужик, или 1.618
 портъ, а заповѣсть на търгоу, и послѣдъ познать въ своимъ городѣ, свом
 35 кмоу лицемъ взати, а за шбядоу платити кмоу 3 гривны. Аже кто по-
 звантъ свом, что боудеть погоубилъ или оукрадено оу⁷ него что или конь,
 или портъ, или скотина, то не рьца се мок, нъ поиди на сводъ, кдѣ кси
 вьзалъ; съведитеса, кто боудеть виновать, на того татьба сидеть, тьгда
 онъ свомъ вьзметъ, а что боудеть съ нимъ погымбло, тоже кмоу начнеть
 платити; аче боудеть коневымъ тать, а выдати князю на потоку; пакы ли
 боудеть клѣтымъ тать, то 3 гривны платити кмоу.

36 **О сводѣ.** Я оже боудеть во шдиномъ городѣ, то ити истьцю до конца
 того свода; боудеть ли сводъ по земламъ, то ити кмоу до третього свода;
 а что боудеть лице, то тому платити третькмоу платити коунами за лице,
 а съ лицемъ ити до конца своду, а истьцю жьдати прока; а кдѣ сидеть
 на копечнаго, то тому все платити и продажу. ||

37 **О татьбѣ.** Пакы ли боудеть что татебно купилъ въ търгоу, или 1.618.6.
 конь, или пьртъ, или скотяноу, то вьведеть свободна моужа два или
 мьтника; аже начнетъ не знати оу кого купилъ, то ити по немъ тѣмъ
 видокомъ на търгоу на роту, а истьцю свомъ лице вьзати; а что с нимъ
 погымбло, а того кмоу желѣти, а шному желѣти своихъ коунъ, зане не-
 звантъ оу кого купивъ; познать ли на долзѣ оу кого купивъ, то свомъ
 коунъ вьзметъ, и семоу платити, что оу него погымбло, а князю продажу.

38 **О челадинѣ.** Яже кто познать челадинъ⁷ свои оукраденъ, а поиметь
 и, то шному вести и по коунамъ и до третього свода; помти же челадинъ

^{*} Букаа ъ исправлена изъ з. ⁶ Коня написано между строками. ⁷ Букаа о испри-
 ялма. ⁸ Слово за написано над строкой теми же чернилами.

126

СИНОДАЛЬНО-ТРОИЦКАЯ ГРУППА

въ челадина мѣсто, а шмоу двѣ лице, отъ идеть до конечнаго свода, а то ксть не скоть, не лѣѣ рѣчи: не вѣдѣ оу кого ксмѣ коунель, нѣ по лзыкоу нти до конча; а кдѣ боудеть конечния тать, то опать воротить
 л. 619 челадина, а свои поиметь, и проторь тому же платити, а квалзю продаже 12 гривне въ челадинѣ или оукрадьше.

О сведѣ. ꙗ и свонго города въ чюжо землю свода нѣтоуть; * нѣ тако же зр вывести кмоу послухы любо мытника, передь кѣмъ же коупивше, то кстьцю личе ваати, а прока кмоу желѣти, что с нимъ погымло, а шмоу своихъ коунѣ жегѣти.

О татьвѣ. ꙗ еже оубьють кого оу клѣти или оу которой татьбѣмъ, то оубьють въ пса мѣсто; еже ли и додржати свѣта, то вести и на княж дворѣ; еже ли оубьють и, а оуже боудоуть видѣли^б людемъ съвазана, то платити в томъ 12 гривне. Аже крадеть кто скоть въ хлѣбѣ или клѣтъ.⁴⁷ то же боудеть одинъ, то платити кмоу 3 гривны и по 30 коунѣ; * боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунѣ платити.

О татьвѣ же. ꙗже крадеть снотъ на поли, или овци, или козы, или⁴² свиньк, 60 коунѣ; боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 коунѣ. Аже⁴³ крадеть гоумьно или жито въ кмѣ, то колико ихъ боудеть крадо, то всѣтъ по 3 гривны и по 30 коунѣ. А оу него же погымло, то еже боудеть⁴⁴ лице, то лице поиметь, а за лѣто възметъ по полуогривнѣ. Пагы ли липа не боудеть, а боудеть былъ княжъ конь, то платити за нь 3 гривны, а за илѣхъ по двѣ гривнѣ.⁴⁵

ꙗ се оуроци скотоу. Оже за кобылоу 60 коунѣ, а за вошь гривноу, а за коровоу 40 коунѣ, а за третылкоу 30 коунѣ, а за лоньщивоу польг-гривны, а за телѣ 5 коунѣ, а за свинью 5 коунѣ, а за поросѣ ногата, а за овьцю 5 коунѣ, а за боранъ ногата, а за жеребець, оже не въсѣдано на нь, то гривна коунѣ, а за жереба 6 ногатъ, а за коровикъ молоко 6 ногатъ; то ти оуроци смърдомъ, оже плататъ князю продажо.

Оже боудоуть холони татк. Гоудъ княж(ъ). ꙗ еже боудоуть холопи⁴⁶ таткъ любо княжи, любо боярстии, любо чернчи, ихъ же князь продажею не казнитъ, зане соуть не свободни, то двоици платити кстьцю за шбидоу.

ꙗ оже кто скота възницитъ. ꙗ оже кто възницетъ коунѣ на друзѣ,⁴⁷ л. 620 а ошь са начнетъ зашпрати, то оже на нь въведеть по[слоуси то ти пои-

* ꙗ исправлено другимъ чернилами. ^б видѣли в строке пропущено и написано на нижнемъ полѣ, но той же рукой. * Далее в рукописи зачеркнуто а оу него же погымло.

доуть на ротоу, а онъ възмѣтъ свок коунѣм; зане же не даѣтъ кму за много-
лѣтъ, то платити кмоу за шбидоу 3 гривнѣм.

48 **Ѡже** кто коуницъ кушцо дасть въ коушлю коунѣм или въ гостѣбоу, то
коушцо передъ послоухѣм коунѣ не имати, послоуси кмоу не надобѣ, нѣ
ити кмоу самому ротѣ, ѡже са почнетъ запырати.

49 **О** поклажан. **Ѡже** кто поклажан владеть оу кого любо, то тоу по-
слоуха нетоуѣ; нѣ оже начтетъ* болшимъ вьпнати, томуо ити ротѣ оу
кого то лѣжалъ товаръ, а толко кси оу мене положижъ, зане же кмоу
бологодѣтъ и хоронилъ товаръ кго.

50 **О рѣзѣ.** **Ѡже** кто коуны дасть въ рѣзѣ, или наставъ на медь, или жито
въ просопѣ, то послоухѣм кмоу ставити, како са боудеть радилъ, тако кмоу
кмати.

51 **О мѣсяцѣнѣмъ рѣзѣ.** **Ѡ** мѣсяцѣнѣмъ рѣзѣ, оже за мало, то имати кмоу;
задоуть ли са коуны до того же года, то дадатъ кмоу коуны нѣ треть.

52 **а** мѣсяцѣнѣмъ рѣзѣ штрѣвоути. Послоуховъ ли не боудеть, а боудеть ||
коунѣ 3 гривнѣ, то ити кмоу про свок коуны ротѣ; боудеть ли боле коунѣ, л.620об-
то рчи кмоу тако: промиливалъ кси, оже кси не ставилъ послоуховъ.

53 **Ѡ се оустави Володимирѣ.** **Ѡ** се оуставилъ Володимиръ Всеволодичъ
по Сватополче съзавѣ дружинѣ своѣ на Берестовомъ: Ратибора тысячь-
кого Кыивьского и Прокопю Бѣлогородьского тысячького, Станислава
Пьремславьского тысячького, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича
Шльгова моужа, и оустави люди до третьяго рѣза, оже кмлетъ въ рѣзѣ
коунѣм; аже кто възмѣтъ два рѣза, тѣ то взати кмоу исто; пакы ли
взметъ три рѣзы, то иста кмоу не взати.

Ѡ рѣзѣ. [О]же⁶ кто кмлетъ по 10 коунѣ штр лѣта на гривноу, то
того не штетати.

56 **Ѡ закупѣ.** [О]же⁶ закупѣ бѣжитъ штр господѣм, то шбѣлъ; идетъ
искать коунѣ, а швлено ходитъ, или къ князю или къ суднимъ бѣжитъ
шбидѣм дѣла свонго господина, нѣ про то не роботать кго, нѣ дати кмоу
правдоу.

66 **О послоушнѣстѣ.** || На послоушнѣство холопа не складаютъ; но оже не л.621
боудеть свободнааго, то по ноужи ти сложити на бозьрскаго твоува, а на
инѣхъ не складивати.

Ѡ въ малѣ тажкѣ по ноуже сложити на закоуна.⁷

* Так в рукописи, следует читать. ⁶ В рукописи с пропущено. ⁷ В С, как и в дру-
гих списках Сын.-Ур. группы Ѡ въ малѣ... на закоуна написано понас лозолова W середѣ.

С) *вередѣ*. А кто порывѣтъ бородоу, а выниметь знаменник, а выгѣзоуть 67
людык, то 12 гривнѣ продаже; аже безъ людыи, а въ поклепе, то нѣгоу
продаже.

С) *зоувѣ*. Оже выбьютъ зоубъ, а кровь оувидать оу него въ ртѣ, 68
а люді выгѣзоуть, то 12 гривнѣ продаже, а за зоубъ гривна.

С) *вартн.*^а Аже оукрадетъ кто борть,^б то 12 гривнѣ продаже. Аже 69, 70
боудеть росѣчена земля или на^в земля знаменник, имъ же ловлено, или
сѣтъ, то по вѣрви искати въ собѣ тата любо платити продажю.

Аже разнаменактъ бѣрть, то 12 гривнѣ. Аже межю перетнеть борть- 71, 72
ноую, или ролѣнноую розореть, или дворноюу тмномъ перегородить, то
12 гривнѣ продаже. Оже доубъ перетнеть знаменными или мельтми, то 73
12 гривнѣ продаже.

л. 621 об. А се наклада. || А се наклада: 12 гривноу, штрокоу двѣ гривнѣ и 74
20 коунъ, а самоому кхати съ штрокомъ на двоу коноу, соути же на
ротъ швьсь, а масо дати швьнь или полгътъ, а нвемъ кормомъ, что има
чрево възметъ, пшчю 10 коунъ, перекладнаго 5 кунъ, а за мѣхъ двѣ
ногатѣ.

С) *жинѣ*. Оже кто оубьмътъ женоу, то тѣмъ же судомъ соудити, изво же 88
и моужа; аже будеть виновать, то полъ вири, 20 гривень. А въ холопѣ 89
и въ робѣ вири нѣтоуть; нъ аже будеть безъ вини оубьмътъ, за холопъ
оурокъ заплатити или за робоу, а князю 12 гривнѣ продаже:

О задницн. Аже оумреть смердъ, то задница князю; аже боудоуть 90
дѣчери оу него дома, то дати часть на нѣ; аже боудоуть за моужемъ, то
не дати имъ части.

О задницн *вошрастѣи* и *о дружиннѣ(и).*^г Аже в *болгрѣхъ* или въ дру- 91
жинѣ, то за княза задница не идетъ; нъ аже не боудеть слыновъ,
а дѣчери възмоуть. Аже кто оумирамъ роздѣлитъ домъ, на томъ же стоимъ; 92
л. 622 *накты* ли безъ радоу оумреть, ть все дѣтемъ, а на самого || часть дати
доуши. Аже жена садеть по моужу, то оу своихъ дѣтеі *взал(и)* часть; 93
а что на ню моужъ възложитъ, ть томуоу госвожа ксть, а задницн *ки*
моужна не надобѣ. Боудоуть ли дѣти, то что что шрвои жены, ть то въз- 94
моуть дѣти матери своки; любо си на женоу възложилъ боудеть, обаче

^а Так в рукописи, следует вероятно *ш варт*, ср. во всех других списках *Правды Русской*.

^б Так в рукописи, следует вероятно *бобурь*, ср. во всех других списках *Правды Русской*.

^в На основании над строкой той же рукой. ^г На нижнем поле под списком добавлено другим позднейшим почерком кивосорно: а се ш задницн.

- 96 матери свои возмоутъ. Оже боудеть сестра въ дому, ть то задница* не
 надобѣ, нъ отдадаты ю за мужь брат(ь)я, како си возмоутъ.
- 101 **И се ш женѣ, шже вѣрчетьса сѣдѣти по мужи. И кже жена вѣрчетьса**
 сѣдѣти по мужи, а ростерактъ добытокъ и поидеть за мужь, то платити
 102 ки все дѣтемъ. Не хотѣти ли ки дѣти начоуть ни на дворѣ, а шна нач-
 неть хотѣти всако и сѣдѣти,⁶ то творити ки всакоу⁷ волю, а дѣтемъ не
 дати воле; нъ что ки дагъ мужь, съ тѣмъ же ки сѣдѣти или, свою часть
 103 въземъши, сѣдѣти же. А матерна часть дѣтемъ не надобѣ, нъ комуу мати
 дасть, томуу же взати,⁸ дасть ли всѣмъ,⁹ то все роздѣлатъ; безъ языка ли
 оумреть, то оу кого боудеть на дворе была и кто ю || кърмилъ, то томуу ^{1.622об.}
 104 взати. Аже боудоуть двою мужю дѣти, а шдинои матери...¹⁰, а шнемъ свокогю.
 105 Боудеть ли потер[а]гъ¹¹ свокогю иночима что, а шлѣхъ шгна, а оумреть,
 то възворотаты брат(ь)я, на¹² нъ же и людъмъ възлѣзуть,¹³ что боудеть отецъ
 106 кто истералъ иночима; что кмоу свокогю отца, то държати. А матери
 которми сынь боудеть добръ, томуу же дасть свок; аче вси боудоуть ки
 сынови лиси, а дѣчери можеть дати, кто ю кърмитъ.
- 107 **И се оурочи судянии. И се оурочи соудебнии:** шт вѣри 9 коунъ,
 а метельнику¹⁴ 9 вѣкошь, а шт бортьной земли 30 коунъ, а о нѣхъ¹⁵ всѣхъ
 тажъ, комуу помогоуть, по 4 коуны, а метельнику 6 вѣкошь.
- 108 **С) задницы.** Аже братъмъ рослажютьса передъ княземъ ш задницю,
 то которми дѣчьими дѣти и ихъ дѣлѣти,¹⁶ то томуу взати гривна коунъ.
- 109 **Оурочи ротни.** И се оурочи ротни: шт головы 30 коунъ, а шт
 бортьной земли 30 коунъ бес трѣхъ коунъ, тако же и шт роленной земли,
 и шт свободы 9 коунъ.
- 114 **И се ш коупци шже истопнѣтса(а).** || [О]же¹⁷ которми коупецъ, шедъ кдѣ ^{1.623}
 любо съ чюжними коунами, и истопнѣтса, любо рать възметъ любо шгна, то
 не насилѣти кмоу, ни продати кто; вѣ како почветъ шт лѣта платити,
 тако же платити, заве же пагоуба шт бога ксть, а не виноватъ ксть;
 шже ли пропнѣтса(а) или пробнѣтса, въ безоуми чюжъ товаръ испорѣтитъ,

* Первоначально тѣтоиздѣннѣ, но тамъ же черными і исправлено на з. ⁶ Между
 буквами ѣ и т в рукописи дыра. ⁷ Между буквами с и а в рукописи дыра. ⁸ Бука в
 исправлена. ⁹ Бука и исправлена. ¹⁰ Далее в рукописи пропущены слова: то ошмъ свокогю
 отца задница (ср. Троицкий оп.). ¹¹ В рукописи буква л пропущена, а л вынесена над
 строкой. ¹² Между буквами н и а в рукописи дыра. ¹³ Между буквами в и ы в рукописи
 дыра. ¹⁴ Бука л исправлена на е. ¹⁵ Так в рукописи, следует шт нлѣхъ. ¹⁶ Так
 в рукописи, следует дѣчьими кдѣхъ ихъ дѣлѣти. ¹⁷ В рукописи о пропущено.

то како либо тѣмъ, чѣмъ то коуны, жьдоуть ли кмоу, а своимъ имъ вола или продадуть ли, своимъ имъ вола.

О доазѣ. Яже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ 55
какого города или чужеземьць, а не вѣдамъ запоустить за нь товарь,
а шпачь начьеть не дати начьеть* гости коунъ кмоу, а първи дѣльбичи
начьноуть кмоу зашпачи, не дадоуче кмоу коунъ, то вести и на торгъ
и продати и шдати же първѣмъ гостинимъ коунъ, а домашьнымъ, что са
оставьеть коунъ, тѣмъ же са подѣлать; пакы же ли боудоуть княже
л.623 об. коунъ, то княже коунъ переже ваати, а прокъ въ дѣль; аже кто || много
реза ималъ, то тому не имати.

О закоунѣ. Оже родиньши закупъ оу господина⁶ боудеть, а погоубить 57
воинскимъ конь, то не платити кмоу; нѣ кже дакъ кмоу господинъ плоуть и
бороноу, шт него же ковоу иметь, тѣ то погоубивъши кмоу платити;
оже ли господинъ штсаеть ко на свои оруды, а погнмьеть без него, того
кмоу не платити.

О закоунѣ. Оже изъ хлѣна вьведоуть,⁷ то закоуноу того не платити; 58
нѣ шже погоубить на поля и въ дворъ не въженеть и и не затворить,⁸
къ кмоу господинъ велеть, или оруды своимъ дѣмъ, а того погоубить, то
то кмоу платити.

Яже господинъ перешбидеть закоуна, а оувѣдять враждоу ко или 59
штаричю, то то кмоу воротити, а за шбидоу кмоу платити кмоу 7 коунъ. 60
Пакы ли прииметь на немъ коунъ, то опачь кмоу воротити коунъ, что боу-
деть приналъ, а за обидоу платити кмоу 3 гривнѣ продаже. Продасть ли гос- 61
подинъ закоуна шбѣль, то нанметоу свобода въ всехъ коунахъ,⁹ а господиноу
л.624 платити за шбѣ||доу 12 гривнѣ продаже. Аже господинъ бѣтъ закоуна 62
про дѣлю, то безъ выги ксть; бѣтъ ли не смысла пыль безъ выги, то
кмо же въ свободнемъ платежъ,¹⁰ также и въ закоунѣ.

О холопѣ. Яже холопъ шбѣльнымъ вьведеть конь чии либо, то платити 63
за нь 2 гривнѣ.

О закоунѣ. О закоунѣ оже оувѣдеть что, то господинъ въ томъ; нѣ 64
шже господинъ индѣ нагѣзоуть, то заплатитъ передни господинъ ко конь
или ино что боудеть взалъ, кмоу холопъ шбѣльнымъ; пакы ли господинъ
не хотѣти начьеть платити за нь,¹¹ а продасть и, шдаться же переди или

* Так в рукописи: начьеть два раза. ⁶ Буква г исправлена. ⁷ Буква ч исправлена.

⁸ Буква з исправлена. ⁹ Буква з исправлена из л. ¹⁰ Буква а исправлена из і.

¹¹ Буква и исправлена.

за коня, или за вога, или за товаръ, что боудеть чюжего ввалъ, а прокъ мноу самоу влати собѣ.

65 **Ѹ** се шже холонъ оударити. Ѹже холонъ оударити свобода моужа а оубоужити въ хоронъ, а господинъ мго не вьдасть, то платити за нь господиноу 12 гривнѣ; а за тѣмъ аче кдѣ навѣзѣтъ оудареныи ть своего истча, кто же мго оударити, то Ярославъ бжль оуставилъ и оубити, нь смнове мго оуставиша по шци || на коунъ, либо и бити развазавше, или л.624 об. влати гривнаа кунъ за сорожъ.

75 **Ѹ** се ш вьрти. Ѹже борть подьтнеть, то 3 продаже, а за дерево полъ 76 гривнѣ. Аже бчелъ вьдереть, то 3 гривне продаже; а за медь, шже боудоуть бчелъ не лажены, то 10 кунъ; боудеть ли шчекъ, то 5 коунъ.

77 Не боудеть ли тата, то по слѣдоу женоуть; аже не боудеть слѣда или къ селоу или к товароу, а не штсочать шт себе слѣда, ни кдоуть ва слѣдъ или штобиуться,* ть тѣмъ платити татбоу и предажю; а слѣдъ гнати съ чюжими^б людьми а с послюухъ; аже погоубать слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села^а не боудеть, или на поусте, кдѣ же не боудеть ни села, ни люди, то не платити ни продаже, ни татьбъ.

78 **О** смѣрдѣ. Оже смѣрдъ моучити смѣрда безъ знана слова, то 3 гривн(е) 79 продаже, а за моуку гривна коунъ; аже штншпанина моучити, то 12 гривне продаже, а за моукоу гривна. Аже лодью оукрадетъ, то 7^а коунъ продаже, а лодню лицемъ веротити; а за морьскоую лодью 3 гривнѣ, а за набоя-|| ноую 2 гривне, а за челнъ 8 коунъ, а за строугъ гривна. л.625

80 **С** переискуъ. Ѹже перетнеть вьрвь въ перевесѣ, то 3 гривне про- 81 даже, а за вьрвь гривна кунъ. Аже кто оукрадетъ въ чени перевесе или соколъ или штрабъ, то продаже 3 гривнъ продаже, а господиноу гривна; а за голоубъ 9 коунъ, а за коура 9 коунъ, а за оутовъ 30 коунъ, а за 82 гоусъ 30 коунъ, а за лебедъ 30 коунъ, а за жеравъ 30 коунъ. А в сейѣ и въ дровѣхъ 9 коунъ, а господиноу колико боудеть возъ оукрадено, то кмати мноу по 2 ногатѣ за вога.

83 **С** гоумнѣ. Ѹже зажьжеть гоумно, то на потокъ и на розграбежъ 84 домъ мго, переди пагоубоу^а исплатити, а въ прочи князю поточяти и; тако же шже кто дворъ зажьжеть. А кто панонцами пережеть конь или скотиноу, то продаже 12 гривне, а за пагоубоу гривноу оуроку платити.

* Переименовано отъбити, но въ исправлено на в.

^б Слозъ что написанъ надъ строкой.

^а Слозъ за написанъ надъ строкой.

^г Такъ въ рукописи, следуетъ 60.

^д Букаа и исправлена.

[Г]и^а также все соудать послоухи свободными; боудеть ли послоухъ 86
 холопъ, то холопоу на правдоу не вьязати; нъ оуже хочеть истчь или
 а. 625 об. иметь и, а река тако: по сего речи кмию та, || нъ азъ кмию та, а не холопъ,
 и кмете и на желѣзо; аже обинить и, то кмыеть на немъ свок; не обинить ли
 нго, а платити кмоу гривноу за моукоу, за⁴ по холопыи речи нгъ и.
 А желѣзнаго платити 40 коунъ, а мечникоу 5 коунъ, а поль гривне 86
 дѣтьчскому; то ти желѣзныи оуроки, кто си въ чемъ кметь. Оже иметь 87
 на желѣзо по свободныхъ люди рѣчи, любо запа на нь боудеть, любо
 прохоженник ночнок, или кмиь любо образомъ аже не оужьжетьса, то про
 моуки не платити кмоу, нъ оудно желѣзном, кто будеть нгъ.

И се закладаючи городъ. И се оурочи городникоу: закладаюче городна, 96
 кѣна^а взати, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за маса, и за
 рубль 7 коунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ шпена, 7 лоукоу свса
 на 4 кони, имати же кмоу донегѣ городъ сьроубать, а солодоу дадъти
 кмоу оудноу 10 лоукоу.

И се оурочи мостыникоу. И се мостыникоу оуроци: помостивъше мость, 97
 а. 626 об. взати оут 10 локоть по ногатѣ; || аже починить моста ветхаго, то коидко горо-
 день починить, то взати кмоу по кушѣ оут городне; а мостыникоу кхати самому
 съ оутрокомъ на двоу коню, взати 4 лоука свса на недѣлю, а ѣсти что можета.

О задницы.^г Иже боудоуть робки дѣти оу моужа, то задницѣ имъ не 98
 имати, нъ свобода имъ съ матерью. Аже боудоуть въ домоу дѣти мати, 99
 а не джи са боудоуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за моужь,
 то то кмо^а имъ ближе боудоуть, тому же дати на роудѣ и съ добытъ-
 комъ и съ домоу, донегѣ же възмогутъ; а товаръ дати передъ людьми;
 а что сьрѣзати товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то кму собѣ, а истми
 товаръ воротити имъ, а прикоупъ кмоу собѣ, зане кърмитъ и печаловалъса;
 аже оут челади плдѣ или оут скота, то то поимати лнцемъ; что поинагъ
 боудеть или истералъ, то то кмоу все платити дѣтѣмъ тѣмъ; аче же
 и оуцымъ приметъ дѣти съ задницею, то тако же ксть радъ. А дворъ 100
 безъ дѣла оуцѣмъ всако мьшнему смнови.

а. 626 об. Г Холопство. || Холопство обьзнок^б трок: оуже коупити хота и до 110
 полуогривныи, а послоухи поставать, а ногату дасть передъ самѣмъ

^а В рукописи Г пропущено. ^б Так в рукописи, следует заче. ^в Первоначально коня,
 но в исправлено другими чернилами на 5. ^г На нижнем поле поздней добавлено киво-
 варно и холопюу дтти. ^д Так в рукописи: кмо, следует кто. ^е В слове обьзнок
 буква б исправлена из буквы г, буква ь попорчена джеркой.

холопомъ; а второмъ холопство: поиметь робоу безъ радоу, поиметь ли са съ радомъ, то како боудеть са радилъ, на томъ же стоять; а се третьимъ холопство: туюнство безъ радоу или приважеть к собѣ ключъ безъ радоу,* или с радомъ, то како са боудеть радилъ на томъ же стоять.

- 111 [К]² даче не холопъ, ни похлѣбе работать, ни по придатьцѣ; въ шже не доходить года, то ворочати кмоу милость; штходить ли, то не³ виновать
- 112 ксть. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, оже счмшавъ кто или звалъ и вѣдалъ, оже ксть холопъ, и дастъ кмоу хлѣба или оунажеть кмоу
- 113 поуть, то платити кмоу за холопъ 5 гривенъ, а за робоу 6 гривенъ. Аже кто переиметь чюжь холопъ и дастъ вѣсть господиноу кго, то имати кму перекмъ гривна коуль; не оублюдетъ ли, то платити кмоу 4 гривны, а патамъ кмоу перенма; оже боудеть роба, ть 5 гривенъ, а шестама на
- 114 перекмъ штходить. Аже кто свонго холопа самъ досочитъса || въ чимъ л.627
- любо родѣ,⁴ а боудеть посадникъ не вѣдалъ кго, то повѣдавше кмоу, пошти оу него штрокъ, и шедъши оувазати и, и дати кмоу вазебномъ 10 коуль, а перенма шѣтоуть; аче оупоуститъ, собѣ кмоу пагоуба, а не платитъ в то
- 115 ні кто же, тѣмъ же и перенма шѣтоуть. Аже кто не вѣдалъ чюжь холопъ оушрачеть, или вѣсти дѣкть, любо държить оу себе, идеть шт него, то ити кмоу ротѣ, яко не вѣдалъ ксмъ, шже ксть холопъ, а платема в томъ
- 116 шѣтоуть. Аче же холопъ кдѣ коуны вложитъ, а шнъ не вѣдалъ вдалъ, то господиноу вмкоупати али лишитиса кго; вѣдалъ ли боудеть далъ, то коуны кмоу лишитиса. Аже кто поуститъ холопа въ торгъ, а шдолжакть, то
- 117 вмкоупати кго господиноу, а не лишитиса кго. Аже кто крьветъ чюжь холопъ не вѣдалъ, то первоуму господиноу холопъ пошти, а шному коуны
- 118 имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдалъ ксмъ коунилъ⁵... господиноу же
- 119 и товаръ, а не лишитиса кго. Аже кто бѣжа, а поммлетъ что соушднѣ или
- 120 товаръ, то господиноу платити за нь оурокъ, что боудеть взалъ. Аже холопъ крадетъ кого любо, то господиноу вмкоупати и || любо вшдати и л.627 об.
- съ кымъ боудеть крагъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а шже боудоуть с нимъ крали и хоронили,⁶ то всехъ вшдати, пакы ли а вмкоупакть господинъ; аже боудоуть свободнии с нимъ крали или хоронили, то клязю въ продаже.⁷

* В рукописи описка: хралю. * В рукописи В ироническо. * не написано над строкой. * Так в рукописи: роде, следует города. * Статья 117 в С, пак и в друиыхъ спискахъ Сил.-Тр. группы не окончена, а статья 118 не имеетъ начала, ср. списки Пушкинской группы. * Слово или написано над строкой той же рукой. * Далее в рукописи шчизнено 9 строкъ.

Сокращения

Акад. сп.	– Академический список
Арх.	– Археографический список
ЗСЛ	– Закон судный людем
Ипат.	– Ипатьевская летопись
Ком.	– Комиссионный список
КрП	– Краткая правда
Лавр.	– Лаврентьевская летопись
МП	– Мерило праведное
Н4	– Новгородская четвёртая летопись
НПЛ	– Новгородская первая летопись
НПЛмл	– Новгородская первая летопись младшего извода
НПЛст	– Новгородская первая летопись старшего извода
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПрП	– Пространная правда
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
С1	– Софийская первая летопись
Синод.	– Синодальный список
СкП	– Сокращённая правда
Троицк.	– Троицкий список

Указатель¹

- Александр, вел. кн. тверской, 55
Александрия, 97
Андрей Васильевич, кн. углицкий, 55
Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владими-
ро-суздальский, 96
Андреан, еп. болгарский, 96
Антоний, еп. черниговский, 96
артуги немецкие, 98
- Бауэр Н.П., 99, 100, 102
Безуя жена, уп. в берестяной грамоте, 32
Беляев И., 26
Бергенский университет, 7
Берестово, княжеская резиденция под Ки-
евом, 11, 57
Бобров А., 106
Борис, св., сын киевского кн. Владимира
Святославича, 64, 69, 70
Боришка жена, уп. в берестяной грамоте,
32
Буг, р., 111
- В(о)нег, уп. в берестяной грамоте, 32
Василий Васильевич Тёмный, вел. кн.
московский, 70
Василий Дмитриевич, вел. кн. владимирс-
кий и московский, 54
Василий Есифович, новгородский тысяц-
кий, затем степенной посадник, 98
веверица, 22, 93, 94, 97
векша, 94, 97, 102
Ветхий Завет, 73
Притчи Соломоновы, 80
Византия, 49
Вилкул Т.Л., 7, 50, 80
вира, 12, 26, 58, 73, 92, 93, 94, 95, 101
вирик, 93, 94, 95, 100, 101, 102
Владимир Всеволодович Мономах, кн. пе-
реяславский и киевский, 9, 10, 11, 24,
42, 57, 59, 85, 105
Поучение, 97
Владимир Святославич, св., кн. киевский,
105
- Владимир Ярославич, кн. новгородский,
60, 106
Владимир, г., 111
владимирцы, 111
Волоткова жена, уп. в берестяной грамоте,
33
волочаны, уп. в берестяной грамоте, 35
Волынь, 101
Воротислав, киевский боярин (его двор в
Киеве), 63
Воскресенская летопись, 109
Восточная Европа, 13, 20, 39, 104
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, кн.
владими́ро-суздальский, 110, 111
Всеволод Ярославич, кн. переяславский,
затем киевский, 9, 11, 57, 58, 59, 60, 63,
105, 108
Вышгород, г., 64
вятичи, 97
- Галицко-Волы́нская летопись*, 62
Гарвардский университет, 7
Гарипзанов Ильдар, 7
Герасим, митр. киевский, 70
Гетц Л.К., 16, 59
Гимон Т.В., 107, 108
Гиппиус А.А., 7, 34, 49, 50, 52, 54
Глеб, св., сын киевского кн. Владимира
Святославича, 63, 64, 69, 70
Глебка, уп. в берестяной грамоте, 35
Говен, уп. в берестяной грамоте, 27
голодник, 24
Голубинский Е.Е., 95, 101
Голубовский П.В., 58, 60, 64
Гордята, киевский боярин (его двор в Кие-
ве), 62, 63
горожанин, 77
Греков Б.Д., 8, 9, 13, 25, 74
гривна, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34,
35, 73, 77, 78, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 94,
95, 99, 102, 111
гривна кун, 28, 29, 32, 86
гривна серебра, 28, 29, 32, 102
гривна золота, 31

¹ Указатель составил Я.В. Затылюк.

- гривна новых кун, 28
 гривна ветхих кун, 28
 ссадная гривна, 94
 Григорий Богданович, новгородский посадник, 98
 Гринёв Н.Н., 49
 гроши литовские, 98
 Гюргий Семкинич, уп. в берестяной грамоте, 32
- Данилевич В.Е., 86
 Дедея, уп. в берестяной грамоте, 32
 деньга московская, 102
 Дертка, уп. в берестяной грамоте, 32
 десятина, 34, 35, 95
 девятина, 34
 Днепр, р., 111
 Доброшка, уп. в берестяной грамоте, 32
 добрычевичи, уп. в берестяной грамоте, 31
Древнейшая правда Ярослава, 9, 17, 18, 19, 22, 42
 «Грамота Ярослава 1016 г.», 10, 12, 17, 20, 48, 59, 109
 «Грамота Ярослава 1035/6 г.», 12, 48, 60, 109
- Евфимий, архиеп. новгородский, 70
 емец, 34, 95
Ермолинская летопись, 109
- Завид, уп. в берестяной грамоте, 33
Закон судный людем, 42, 72, 73, 74, 75, 76, 106, 108
 Краткая редакция, 42, 73, 74
 Пространная редакция, 42, 73, 74
Пушкинский список, 74, 75
Комиссионный список, 74
 Софийский извод, 74
 Зализняк А.А., 21, 31, 33
 Звенигород Галичский, г., 27
 Зимин А.А., 9, 12, 17, 19, 41, 49, 54, 61, 66, 69
- Иван Данилович Калита, вел. кн. московский и владимирский, 109
 Иван III Васильевич, вел. кн. московский, 55
 Иванко Захарьич «Козарин», муж Святополка Изяславича, 63
 Иванко Чюдинович, муж Олега Святославича, 11, 57, 63
Изборник Святослава 1076 г., 80
- извод, 89
 изгой, 23, 72
 Изяслав Ярославич, кн. киевский, 9, 11, 57, 58, 59, 60, 69, 108
 Илька, уп. в берестяной грамоте, 32
 Илья, посол суздальский в Константинополе, 96
Ипатьевская летопись, 51
Ермолаевский список, 51
- Казанский П., 26
 Кайзер Даниэл (Kaiser Daniel H.), 100
 Калачёв Н.В., 8, 41
 Карский Е.Ф., 21, 24, 25, 57, 78, 79
 Киев, 10, 11, 12, 19, 22, 62, 69, 70, 96
 киевляне, 62
Киевская летопись, 69
 Киевская Русь, 24
 Киевское государство, 10
 «киевский свод XIII в.», 49
 Киприан, митр. киевский, 55
 Киприан, сын Матвея Кусова, 110
 Кирик, иеромонах новгородского Антониева м-ря,
Вопрошание, 34, 96, 97
 Кириченко Е.В., 7
 клеветник, 23
 Климент, архиеп. новгородский, автор духовной 1270 г., 34
 Ключевский В.О., 26, 27
 княжеский конюх, 10
 княжеский смерд, 10
 княжеский тиун, 10
 княжеский холоп, 10
 Коломна, г., 111
 Константин (преп. Кирилл), св., славянский первоучитель, 24
 Константин I Великий, св., римский император, 108
 Константин, митр. киевский, 96
Кормчая, 37, 38, 74, 80
Ефремовская кормчая, 37
Рязанская кормчая (сербская редакция), 37
 «Руская кормчая», 37
 Славянская кормчая, 38
 Вольнская редакция, 38
Синодальная (Новгородская) кормчая 1280/1282 г., 38, 73, 78, 81, 87, 97
 Коснила, уп. в берестяной грамоте, 32
 Коснячко, княжеский муж, 57, 59, 61, 62
 Константин, форма им. Коснячко, 62

- Коснячко, владелец двора в Киеве, 62
 Коснячко Перенег, 58, 61
 которяне, жители Которского погоста, уп.
 в берестяной грамоте, 31
 Кочин Г.Е., 55
 Краткая правда, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15,
 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26,
 27, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 41, 42,
 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53,
 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65,
 66, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78,
 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91,
 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101,
 102, 103, 105, 107, 108, 109, 112
Академический список, 21, 36, 66, 86, 95
Археографический список, 21, 36, 88
 куна, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 57,
 78, 86, 88, 89, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99,
 100, 101, 102, 103, 111
 купчина, 23
- Леонтий, еп. суздальский, 96
 Литва, 69
 лопьци (лобци), 98, 102
 Лука Жидята, архиеп. новгородский, 69
 Лурье Я.С., 110
 Любимов В.П., 25, 59, 66, 75
- Максимейко Н.А., 23
 Максимович К., 73
 Мануил I Комнин, византийский импера-
 тор, 96
 марка готландская, 29
 Марк Карл,
Капитал, 30
 Матвей (Матей) Душильцевич, новгоро-
 дец, уп. в НПЛ, 23
 Матвей Кусов, уп. в Новг. IV летописи,
 109, 110
 Матвей Михайлов, уп. в Новг. IV летопи-
 си, 109, 110
 Медынич, уп. в берестяной грамоте, 32
Мерило праведное, 38, 73, 106
Троицкий список XIV в., 78
 метелник, 94
 Мефодий, св., еп. Моравский, славянский
 первоучитель, 24
 мечник, 34, 95
 Микифор (Никифор) Киянин, княжеский
 муж, 57, 58, 59, 61, 62
 Никифор, киевский боярин (его двор в
 Киеве), 62, 63
- Милогост, уп. в берестяной грамоте, 33
 Милонег, уп. в берестяной грамоте, 33
 Милослав, уп. в берестяной грамоте, 33
Мишея 1494 г., 102
 Мирослав, муж Мономаха, 57
 Михаил Ярославич, вел. кн. тверской, 106
 Моисеец, «ябетниць», уп. в НПЛ, 23
 Моисей, уп. в берестяной грамоте, 32
 Москва, г., 104
Московский летописный свод конца XV в.,
 109
 мротка, 102
 Мрочек-Дроздовский П., 100, 101
 муж, 19, 73, 77, 84, 86, 88, 111
 мука, 22
- Надейка жена, уп. в берестяной грамоте,
 32
 Нажир, муж Мономаха, 57
 Назаренко А.В., 28, 29
 Насонов А.Н., 61, 66, 69
 «Начальная летопись», 24
 «Начальный свод», 49, 50, 51, 52, 71, 109
 «Начальный свод 1093 г.», 49
 «Начальный свод 1096 г.», 69, 71
 Негошек (Негошка), уп. в берестяной гра-
 моте, 32
 Несдич, уп. в берестяной грамоте, 31
 Несдича жена, уп. в берестяной грамоте,
 32
 Нестор, монах Киево-Печерского мона-
 стыря, 51
Никаноровская летопись, 109
 Нифонт, еп. новгородский, 96
 Новгород, 12, 18, 19, 23, 24, 31, 34, 38, 48,
 49, 53, 55, 62, 69, 73, 74, 87, 98, 101,
 102, 104, 105, 106, 109, 110, 111
Новгородская Карамзинская летопись
 (перв. пол. XV в.), 81, 98, 106, 108, 110
 «новгородская летопись 1017 г.», 48
*Новгородская летопись по списку Дубров-
 ского*, 109
Новгородская первая летопись, 10, 12, 51
*Новгородская первая летопись младшего
 извода*, 10, 12, 13, 18, 19, 22, 23, 36, 37,
 38, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56,
 57, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 71,
 76, 86, 98, 104, 106, 107, 108, 109, 111
Академический список, 7, 13, 36, 66,
 67, 68, 69, 70, 71, 107
Комиссионный список, 13, 36, 54, 66,
 69, 70, 71, 74, 77, 107

- Троицкий список*, 66, 67, 69, 71, 78
Новгородская первая летопись старшего извода, 37
Синодальный список, 23, 36, 37, 47, 48, 50, 52, 66, 69, 104, 107, 109
Новгородская четвёртая летопись, 23, 47, 75, 99, 104, 106, 108, 109, 110
«Новгородский владычный свод», 48, 52, 107, 108
«Новгородский свод 1050 г.», 48
«Новгородский свод 1167 г.», 22, 48, 49, 52, 53, 54
«Новгородский свод 1432 г.», 66, 71
«Новгородско-Софийская группа» летописей, 107, 108
новгородцы, 10, 11, 17, 18, 19, 54, 60, 98, 102, 109, 111
ногата, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 75, 90, 91, 93, 94, 99, 100, 102
- обида, 22, 23, 73, 89
Обнорский С.П., 21, 22, 60
«общерусский свод 1423 г.», 47
огнищанин, 23, 90
огородник (городник), 64, 102
Ока, р., 110
Олег Святославич, кн. тмутараканский, затем черниговский, 11, 63
отрок, 94
- пагуба, 22
Пак Н.В., 7, 60
Пандекты Никона Черногорца, 97
перевес, 75
Перенег, княжеский муж, 57, 59, 61, 62
Перенежко, муж Даниила Романовича, кн. галицкого, 62
перетес, 86, 87
Петров день, 101
Повесть временных лет, 22, 42, 47, 49, 50, 51, 64, 69, 97, 111
Лаврентьевский список, 22
Ипатьевский список, 22
поклеп, 31
покон вирный, 12, 19, 93, 94, 98
покон, 89
Покровский М.Н., 11,
Поликарп, игумен Киево-Печерского монастыря, 96
половцы, 51
Полюд, уп. в берестяной грамоте, 32
поляне, 97
- поногатное, вид подати, уп. в берестяной грамоте, 31
Поппэ Анджей (Poppe Andrzej), 7, 70
послух, 93
посульник, 24
Правда Руская, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 25, 29, 32, 38, 40, 41, 42, 47, 54, 57, 58, 59, 60, 66, 72, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 87, 95, 102
Археографический (Комиссионный) список, 34, 61
Академический список, 34, 58, 59, 61
Краткая редакция, 8, 13, 15, 21, 40, 109
Пространная редакция, 8, 9, 13, 15, 21, 37, 40, 106
Правда Ярославичей, 9, 17, 18, 19, 22, 42
Пресняков А.Е., 27, 63, 99
Присёлков М.П., 40, 49, 109, 110
Прицак О. (Pritsak Omeljan), 29
продажа, 75, 88, 92, 95
Прокопий, белгородский тысяцкий, 57
Пронск, г., 111
Пространная правда, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 112
Археографический II список, 77, 78
Карамзинский вид, 28, 75
Оболенско-Карамзинский вид, 99
Пушкинский вид, 75, 77, 78, 83, 87
Пушкинский список, 78, 99
Синодально-Троицкая группа, 75, 77, 78, 99
Синодальный список 1282 г., 21, 22, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 87, 99, 101
Троицкий I список, 41, 75, 79, 99
Троицкий IV список, 99
Ферапонтовский вид, 84
Чудовский вид, 84
- Псков, г., 73, 98
псковичи, 55
Путьши жена, уп. в берестяной грамоте, 32
- Радех, уп. в берестяной грамоте, 33
Радко, уп. в берестяной грамоте, 32
Радята, уп. в берестяной грамоте, 32
Ратибор, киевский тысяцкий, 57

- Ратша Рикинич, уп. в берестяной грамоте, 33
резана, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 78,
92, 93, 94, 99, 100, 102, 103
- Романич, уп. в берестяной грамоте, 31
- Россия, 38
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский,
затем киевский, 70, 95, 96
грамота Смоленской епископии 1136
г., 95
- «Ростовский летописный свод 1534 г.», 107
русин, 77
- Руская земля, 19, 58, 59, 60, 66, 84
- Русь, 9, 14, 16, 19, 25, 26, 29, 30, 34, 37, 38,
49, 53, 73, 75, 86, 92, 99, 101
- рязанцы, 111
- Св. Константина и Елены владимирский
монастырь, 55
- Свердлов М.Б., 70
свод, 89, 97
- «Свод 1136-1137 гг.», 69
- «Свод 1448 г.», 47, 99
- «Свод Всеволода Мстиславича 1110 г.», 52,
53
- «Свод Всеволода Мстиславича 1130-х гг.», 22,
49, 52, 53
- Святополк Владимирович, кн. киевский,
12, 18, 54, 106, 109, 111
- Святополк Изяславич, кн. новгородский,
туровский, затем киевский, 11, 57, 58,
63
- Святослав Ольгович, кн. черниговский, 96
- Святослав Ярославич, кн. черниговский,
затем киевский, 9, 11, 57, 58, 59, 60, 63,
108
- северяне, 97
- Семен, уп. в берестяной грамоте, 32
- Сергеевич В.И., 8, 41, 44, 66
- Сильвестр, игумен Выдубицкого монас-
тыря, редактор ПВЛ, 49, 51
- Симаргл, славянское языческое божество,
75
- Сказание о Борисе и Глебе*, 63, 64, 65, 69
Сильвестровская редакция, 64
Редакция Торжественника, 64
Чудовский список, 64
«*Чудо о храме и немом*», 63, 64
«*Чудо о перенесении святыю мучени-
ку*», 64
- скот (деньги), 22, 72, 89, 97
- смерд, 16, 19
- Соболевский А.И., 21, 24, 25, 86, 88, 112
- Сокращённая правда, 8, 9, 45, 84
- Софийская первая летопись*, 10, 11, 12, 18,
47, 48, 60, 69, 74, 99, 104, 106, 108, 109,
110
- Список Царского И.Н., 106
- Софийский временник*, 71, 109, 110
- Спасский И.Г., 30, 102
- Сперанский М.Н., 80
- Среднее Приднепровье, 19
- Срезневский И., 23, 55, 97
- Станислав, переяславский тысяцкий, 57
- Старая Руса, г., 31, 32
- Старченко Н.П., 101
- Столовец Геннадия*, 80
- Стратонов И.А., 12
- Страхов А.Б., 7
- Страхова О., 7
- стригольники, еретическое движение в
Новгороде и Пскове, 73
- Строев П.М., 39
- Студийский устав*, 101
- Студит Алексей, 101
- Тайши жена, уп. в берестяной грамоте, 32
- Татищев В.Н., 8, 9, 38, 51, 60, 100
- тать, 72
- татьяба, 31, 89, 90, 93
коровья татьяба, 90, 93
- «Тверской свод», 107
- Тверской сборник*, 108
- Творимир, уп. в берестяной грамоте, 32
- тивуниц, 89
- Тимберлейк Алан (Timberlake Alan), 50, 51
- Тихомиров М.Н., 8, 9, 15, 17, 20, 21, 34, 41,
48, 61, 72, 74, 79, 84, 86, 93, 94, 95
- Тодорко, уп. в берестяной грамоте, 32
- Толочко П.П., 7
- Торчин, муж князя Олега Святославича,
63
- Торчин, повар св. Глеба, 63
- Туки, брат Чудина, 63, 65
- Тупиков Н.М., 62, 65
- тяжа, 31
- Украинская академия наук, 84
- Урок мостников, 19, 75, 90
- Успенский сборник* (кон. XII – нач. XIII в.),
64
- Устав Всеволода*, 72, 74
- «Устав Мономаха», 57, 63, 108
- Устав Ярослава о мостех*, 72
- Уставная Белозёрская грамота* 1488 г., 55

- Уставная Двинская грамота* 1397/1398 г., 54, 55
- Феодор (Феодорец), еп. ростовский, 96
 Филипповский пост, 101
 Франклин Саймон (Franklin Simon), 9
 хазары, 97
 Хейден Уайт (Hayden White), 11,
 Хелли Ричард (Hellie Richard), 10
 Холлингсворт Пол (Hollingsworth Paul), 64
 холоп, 77, 84, 86
Хроника Георгия Амартола, 36
Хроника Константина Манассии, 70
 Худыч, уп. в берестяной грамоте, 31
 Хыла жена, уп. в берестяной грамоте, 32
- Царьград (Константинополь), 96
- чадь/чада, 72, 73
 челядин, 19, 84, 97
 челядь, 16
 Черепнин Л.В., 10, 54
 Чернигов, г., 96, 110
 Чернов В., 44
 Чудин, 61, 62, 65
 Чудин, уп. в НПЛмл (его двор в Кие-
 ве), 63
 Чудин, вышгородский посадник, 64
 Чудин (Чюдин) Микула, 58, 59, 61, 63, 64
 Никола (Микула), мирское имя Ждан,
 вышгородский огородник или по-
 садник, 63, 64, 65
 Чудин Николай, 61
 Чуды, личное имя, 65
 Чудо, личное имя, 65
 Чудинов, прозвище, 65
- Чудин, крестильное имя Никола (Ми-
 кула), 65
 Микула (Никола), 61, 63
 Чудка, уп. в берестяной грамоте, 32
 чудь, 63, 65
- Шахматов А.А., 20, 39, 46, 47, 48, 49, 50,
 51, 52, 66, 70, 71, 76, 99, 104, 109, 110
 Шевченко Игорь, 7
- Щапов Я.Н., 38, 81, 105
- Юшков С.В., 8, 12, 21, 80, 84
- ябетник (ябедник), 23, 24
 Ягич В., 23
 Янин В.Л., 27, 28, 29, 30, 100
 Ярослав Владимирович Мудрый, кн. нов-
 городский, киевский, 10, 11, 12, 14, 17,
 18, 19, 24, 40, 42, 48, 53, 54, 56, 57, 58,
 59, 60, 69, 84, 86, 94, 105, 106, 108, 109,
 110
 Ярослав Всеволодович, кн. новгородский,
 переяславский, вел. кн. киевский и
 владимирский, 105
 Ярослав Ярославич, вел. кн. владимирс-
 кий и тверской, 55, 101, 105
 Ярославичи, сыновья Ярослава Мудрого,
 16, 17, 18, 23, 40, 58, 59, 60, 62, 63, 66,
 69, 84, 86
- Forum judicum*, законодательство ланго-
 бардов, 16
- Lex Gundobada*, 16
Lex Salica, 16

Ruthenica. Supplementum 2

Алексей Петрович Толочко

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ ПРАВДЫ РУССКОЙ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕКСТА

УДК

Толочко О.П. Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста. - К.: Институт історії України НАН України, 2009. -136 с. - (Ruthenica. Supplementum 1)

Свідоцтво про державну реєстрацію
серія КВ № 6937 від 04.02.2003 р.

Оригінал-макет
підготувала *Анжела
Корженівська*

Підписано до друку 09.12.2009. Формат 70x108 1/16

Ум. друк. акк. 11,9. Обл.-вид. арк. 10,2.

Наклад 300 прим. Зам Т09-12 Ціна договірна Поліграфічна дільниця
Інституту історії України НАН України Київ-1, вул. Грушевського, 4